

II.

МЕМОУАРЫ

отставного Генераль-Лейтенанта

Барона Васи́лія Рома́новича (Германа Вильгельма)

ФОНЪ-КАУЛЬБАРСЪ,

начатые въ ноябрѣ 1860 г.

Переведены съ нѣмецкаго племянникомъ его

Барономъ Е. К. Каульбарсъ.

Изъ «Nachrichten über die Familie Baron von Kaulbars», Томъ II,
стр. 50—162.

Баронъ Василій Романовичъ (Германъ Вильгельмъ) фонъ Каульбарсъ

Баронъ Василій Романовичъ (Германъ Вильгельмъ) фонъ Каульбарсъ.
(1798—1888).

Съ портр. прин. баронессѣ М. В. Штакельбергъ.
рожд. баронессѣ Каульбарсъ.

Авторъ печатаемыхъ ниже «Мемуаровъ» — баронъ Германъ Вильгельмъ (Василій Романовичъ) Каульбарсъ (1798—1888 г.г.) — сынъ того самаго барона Рейнгольда-Августа (Родіона) Каульбарсъ, перу котораго принадлежитъ «Дневникъ», напечатанный нами въ книжкахъ «Журнала» за 1910 г.; сыновья Василія Романовича — бароны Николай и Александръ Васильевичи Каульбарсы хорошо известны, какъ офицеры нашего русскаго Генеральнаго Штаба, изъ нихъ до сихъ поръ здравствующій баронъ А. В., какъ участникъ русско-японской войны и бывший командующій войсками Одесскаго военного округа. Разсказомъ барона Василія Романовича Каульбарса о событіяхъ 14 декабря 1825 г. въ свое время воспользовались: баронъ Константинъ Штакельбергъ въ своемъ интересномъ трудѣ: «Конная Гвардія 14 декабря 1825 г. — Изъ дневника стараго конно-гвардейца», СПб. 1880 г. и Шиманъ въ своемъ трудѣ: «Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nicolaus I», Berlin, 1902. Для цѣльности печатаемыхъ воспоминаній мы не рѣшились, однако, опустить этотъ разсказъ, тѣмъ болѣе, что указанные труды сравнительно мало доступны болѣе широкому кругу читателей и между нашимъ текстомъ и другими существуетъ некоторая разница.

Р е д.

Меддерсъ, ноябрь 1860 г.

Я родился въ имѣніи Раггаферъ, Везенбергскаго уѣзда Эстляндской губерніи, 18 октября 1798 года. Меня крестилъ вновь назначенный въ пасторъ Св. Якова пасторъ Гершельманъ. Я былъ первымъ ребенкомъ, котораго онъ крестилъ. Мои родители, а въ особенности старики — дяди и тетя, усыновившіе моего отца, очень обрадовались моему рожденію, ибо я былъ первымъ сыномъ, послѣ двухъ дочерей. Такъ какъ день моего рожденія совпалъ съ днемъ рожденія дяди, меня назвали его именемъ, — «Германомъ».

Изъ моего ранняго дѣтства мнѣ памятны нѣкоторые эпизоды.

Какъ-то разъ мои родители уѣхали въ Петербургъ; минуло мнѣ тогда только три года. На время ихъ отсутствія меня отдали въ институтъ для дворянскихъ дѣвицъ Эстляндін, въ имѣніе Финнъ, на попеченіе начальницы его баронессы Клодтъ фонъ-Юргенбургъ. Я сейчасъ еще помню, какъ млад-

нія дѣвочки играли со мною въ лошади и какъ вечеромъ барышня фонъ-Будденброкъ, сидя около моей кровати, усныла меня игрою на гитарѣ и пѣніемъ.

Въ 1805 году я началъ учиться у нашего домашняго учителя Константина Гершельмана. Въ 1809 году я предпринять мое первое путешествіе. Ѣхали мы съ учителемъ въ Петербургъ къ его брату Іоанну Гершельману, бывшему въ то время вице-президентомъ юстицъ-коллегіи. Въ вы, милые братья и сестры, еще помните старыя дрожки, проданныя послѣ кончины родителей арендатору Лимбергу. Въ нихъ-то мы и тресались на парѣ почтовыхъ лошадей въ Петербургъ и обратно.

Я забылъ отмѣтить одно событіе, случившееся въ 1808 году и неизгладимо вѣзавшееся въ мою память. Лѣтомъ 1808 года мои родители съ сестрами и со мною поѣхали къ родственникамъ, къ Адеркасъ, въ Такферъ, Видрукъ и городъ Гансаль. Проѣзжая черезъ Балтійскій портъ, мы сдѣлались свидѣтелями морскаго сраженія между русскими и соединеннымъ англо-шведскимъ флотомъ. Городъ Ревель уже нѣкоторое время какъ былъ блокированъ англичанами. Русскія суда, прибывшія изъ Кронштадта на выручку, были атакованы, отброшены и принуждены укрыться въ укрѣпленной позиціи у Балтійскаго порта. И съ ужасомъ наблюдали, какъ нашъ русскій линейный корабль «Всеволодъ», не имѣя возможности спастись отъ двухъ пресѣдовавшихъ его непріятельскихъ судовъ, выбросился на берегъ у острова Рога. Капитанъ его, Рудневъ, не желая сдаться, зажегъ свой корабль и вмѣстѣ съ нимъ взорвался на воздухъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ этого, весь берегъ былъ покрытъ обгорѣлыми обломками судна, а также тѣлами погибшихъ на немъ людей и животныхъ. Въ 1809 году Гершельманъ покинулъ нашъ домъ и поступилъ домашнимъ учителемъ къ баронессѣ Сталь фонъ-Гольнштейнъ въ имѣніе Конумъ. Къ намъ вмѣсто него поступилъ господинъ Вейнгертнеръ, который однако оставался не болѣе года, такъ какъ былъ назначенъ директоромъ пансіона Рыцарской и Домской школы въ Ревель. 1811 годъ я провелъ у пастора Гершельмана въ пасторатѣ Якова, гдѣ кромѣ наукъ обучался еще игрѣ на скрипкѣ. Въ 1812 году меня отдали въ Ревельскую гимназію и помѣстили у профессора Беккера. Тутъ я провелъ три года; за это время я сдѣлалъ настолько большіе успѣхи на скрипкѣ, что былъ уже въ состояніи участвовать въ легкихъ квартетахъ, играя вторую скрипку. На фортепьянахъ, благодаря своему отличному слуху, я справлялся съ довольно трудными вещами. Къ сожалѣнію, по поступленіи на военную службу и совершенно забросилъ игру на скрипкѣ, о чемъ впоследствии неоднократно сожалѣлъ.

Въ 1815 году, кончивъ гимназію, я отправился съ родителями, сестрами и братомъ въ С.-Петербургъ. Рѣшили опредѣлить меня на военную службу. Въ Петербургъ мы остановились у дяди, барона Вильгельма фонъ-Росенбонъ.

Моя мечта была поступить въ конную гвардію, гдѣ тогда служило много эстляндскихъ дворянъ, моихъ земляковъ. Этому желанію, однако, не было суждено осуществиться въ скоромъ времени. Императоръ Наполеонъ возвратился съ острова Эльбы во Францію, что вызвало переполохъ во всей Европѣ. И у насъ въ Россіи гвардейскіе полки получили приказаніе выступить и идти къ границамъ имперіи. Конная гвардія находилась уже далеко отъ Петербурга и родители мои побоялись отправить меня, столь еще молодого и неопытнаго, одного въ дорогу за полкомъ. Желая дать мнѣ возможность продолжать ученіе, отецъ опредѣлилъ меня 7 іюня 1815 года въ артиллерійское училище съ зачисленіемъ въ 6 легкую артиллерійскую роту. Училище это, какъ потомъ оказалось, находилось въ очень плохомъ состояніи, юнкера имѣли право проживать на вольныхъ квартирахъ и брать частныя уроки, не посѣщая классовъ.

Собирался только для строевыхъ занятій и то лишь два раза въ недѣлю. Училище помещалось на Лигейномъ проспектѣ близъ Спаса Преображенія. Юнкеры Энгельгардтъ и я брали уроки у гвардейскаго артиллерійскаго полковника фонъ-Гебгарда. Мы дѣлали хорошіе успѣхи въ математическихъ и артиллерійскихъ наукахъ. Въ это же лѣто я пошелъ съ училищемъ въ лагерь при Волковѣ, провелъ въ немъ однако же только двѣ недѣли, такъ какъ былъ уволенъ въ отпускъ на 28 дней на свадьбу моей сестры Наталіи, выходившей замужъ за барона Штакельберга, владѣльца имѣнія Лиліенбахъ¹⁾. Въ лагерное время отпуска давался очень туго, мнѣ же его выхлопотать родственникъ моей матери полковникъ Бернгардъ фонъ-Адеркасъ (Борисъ Антоновичъ), одинъ изъ трехъ полиціймейстеровъ города Петербурга, въ домъ котораго, на Васильевскомъ островѣ, я часто бывалъ (Адеркасъ впоследствии былъ назначенъ Псковскимъ губернаторомъ и умеръ, если не ошибаюсь, губернаторомъ въ Воронежѣ).

Явившись начальнику училища, генералу князю Абамелегъ, и посѣтивши на перекладныхъ въ Ревель, куда прибылъ совершенно разбитымъ, пробравъ всю дорогу въ простой почтовой телегѣ. Послѣ вѣщанія, 15 августа, молодые съ родителями, сестрами и мною уѣхали въ имѣніе моего отца Меддерсъ²⁾, гдѣ провели нѣсколько дней. Отсюда я прослѣдовалъ съ сестрою и туринномъ въ ихъ имѣніе Лиліенбахъ подъ Нарвою, пробылъ у нихъ нѣсколько дней, послѣ чего возвратился въ Петербургъ. Я жилъ здѣсь у дяди барона Россильонъ въ Троицкомъ переулкѣ; когда же онъ перемѣнилъ квартиру, и я перебрался вмѣстѣ съ нимъ въ казармы лейбъ-батальона Преображенскаго полка на квартиру штабъ-лѣкаря фонъ-Гольста (друга моего дяди), приглашеннаго дядю подѣлать съ нимъ его огромную казенную квартиру.

¹⁾ Имѣніе это находится близъ города Нарвы.

²⁾ Около города Везенберга Эстляндской губерніи.

Въ это время гвардія возвратилась въ Петербургъ и я могъ бы теперь быть переведеннымъ въ конную гвардію. Отецъ мой однакоже пожелалъ, чтобы я продолжалъ свои занятія у полковника Гебгарда, и я остался пока въ артиллеріи.

Одинъ прискорбный эпизодъ въ училищѣ помогъ однакоже осуществленію моего желанія. Артиллерійскіе юнкера, жившіе въ городѣ безъ всякаго надзора, вели себя отвратительно, и наконецъ учинили зимою большою скандалъ въ помѣщеніи училища. Разобравъ дѣло, военный министръ баронъ Меллеръ-Закомельскій приказалъ произвести экзекуцію розгами надъ главными скандалистами, всю же школу въ наказаніе перевелъ въ деревню, имя которой я забылъ, въ сорока верстахъ отъ Петербурга, недалеко отъ Кипенги. 9 января 1816 года подъ командою молодого училищнаго офицера мы выступили изъ Петербурга на новую стоянку. Дошли однако только до Краснаго кабачка, гдѣ получили контръ-ордеръ. Отъ радости большая часть юнкеровъ перепилась до того, что остальные, оставшіеся трезвыми, съ наступленіемъ темноты съ трудомъ развозили ихъ на саняхъ по домамъ. Въ этотъ день, при возвращеніи домой, я не нашелъ своихъ золотыхъ часовъ съ жемчугами и брилліантомъ, полученныхъ въ наслѣдство отъ покойной бабушки изъ Упсалы ¹⁾.

Подозрѣніе въ кражѣ пало на лазаретнаго писаря, но доказательствъ не было никакихъ и часы исчезли безслѣдно. Отъ нашей школы и въ будущемъ нельзя было ожидать ничего хорошаго, скандалы продолжались по прежнему; тогда отецъ согласился взять меня изъ этого училища и мы подали прошеніе о переводѣ меня въ л.-гв. Конный полкъ.

Великій князь Константинъ очень любилъ офицеровъ изъ остзейцевъ и охотно переводилъ ихъ подъ свою команду.

Полковникъ фонъ-Кноррингъ, офицеръ конной гвардіи, весьма любимый великимъ княземъ, похлопоталъ у него о моемъ переводѣ. 6 іюня 1816 года исполнилось наконецъ мое завѣтное желаніе, я былъ переведенъ юнкеромъ въ л.-гв. Конный полкъ и зачисленъ въ 3 эскадронъ, которымъ командовалъ полковникъ фонъ-Кноррингъ. Въ это время изъ моихъ земляковъ-эстляндцевъ въ полку служили: полковники Оома фонъ-Раммъ и Понтусъ фонъ-Кноррингъ, ротмистръ Яковъ фонъ-Кноррингъ, затѣмъ штабсъ-ротмистры, поручики и корнеты—баронъ Карлъ Пиларъ фонъ-Пильхау, бароны Борисъ и Яковъ фонъ-Икскуль, графы Эдуардъ и Фердинандъ фонъ-Мантейфель, баронъ Георгъ фонъ-Мейендорфъ, баронъ Карлъ фонъ-Зрангель, Лангель,

¹⁾ Дѣдъ мой, баронъ Густавъ Вильгельмъ Каульбарсъ, былъ шведскимъ генералъ-лейтенантомъ и жилъ съ женою, рожденною баронессою Менгденъ фонъ-Альтенвога, въ городѣ Упсалѣ въ Швеціи. Оба они здѣсь же умерли и похоронены.

Магнусъ фонъ-Эссенъ; юнкера Оттонъ фонъ-Эссенъ, графъ Павелъ Сиверсъ, Магнусъ и Александръ фонъ-Бревернъ. Кромѣ того изъ лифляндцевъ и курляндцевъ—баронъ Корфъ, два брата бароны фонъ-Фирксъ и баронъ Вейсманъ. Бароны Мейендорфъ и Врангель занимали вмѣстѣ одну большую квартиру въ казармахъ полка и, имѣя мѣсто, были такъ любезны, что предложили мнѣ помѣститься у нихъ. Я конечно съ благодарностью принялъ это предложеніе и переехалъ въ ихъ квартиру, помѣщавшуюся на такъ называемомъ полковомъ дворѣ.

Когда великій князь Константинъ Павловичъ пріѣхалъ изъ Варшавы и поселился въ своемъ дворцѣ въ Стрѣльнѣ, Конной гвардіи было приказано немедленно перейти въ Стрѣльну. Здѣсь шефъ полка лично производилъ ученія и особенно усердно готовилъ эскадроны для парада, назначеннаго въ Петергофъ 22 іюля. Полѣе всего беспокоилъ его пріемъ и отвозъ штандартовъ, онъ лично наблюдалъ и провѣрялъ, все ли дѣлалось строго по уставу, и рѣдко проходилъ день, чтобы командовавшій взводомъ офицеръ не попадалъ на нѣсколько дней на гауптвахту. Также строго относился онъ и къ юнкерамъ, несшимъ штандарты. Въ это лѣто только я и графъ Павелъ Сиверсъ счастливо обошлись безъ ареста на колющихъ.

Когда празднество 22-го въ Петергофѣ окончилось и въ особенности когда разводъ удостоился благодарности Государя Александра I, великій князь совершенно измѣнился, вся его нервность пропала, онъ сдѣлался любезенъ со всѣми и даже съ улыбкою смотрѣлъ сквозь пальцы на шалости, которыя юнкера позволяли себѣ даже въ его присутствіи.

Верховой ѣздѣ обучали юнкеровъ два унтеръ-офицера, привезенные великимъ княземъ изъ Варшавы.

15-го августа на плацу передъ Стрѣльнинскимъ дворцомъ намъ былъ назначенъ смотръ. Великій князь остался очень доволенъ нашими успѣхами и тутъ же произвелъ меня въ эстандартъ-юнкера. Этимъ я становился старшимъ изъ товарищей и много выгадывалъ при производствѣ въ офицеры. На мой палантъ былъ надѣтъ серебряный офицерскій темлякъ.

Юнкерамъ, бывшимъ у великаго князя, шефа полка, ординарцами, какъ унтеръ-офицерамъ, полагалось находиться въ передней. Однако же великій князь приглашалъ ихъ каждый разъ въ общій залъ, гдѣ находились офицеры. Неоднократно, будучи ординарцемъ, мнѣ приходилось наблюдать очень любопытныя сцены и встрѣчаться съ очень интересными людьми.

Какъ-то разъ командиръ л.-гв. Уланскаго полка генералъ Чалниковъ, услышавъ мою фамилію, спросилъ меня, не родственникъ ли я барону Родіону Каульбарсу, и узнавъ, что я его сынъ, обнялъ и поцѣловалъ меня. Оказалось, что онъ служилъ въ эскадронѣ моего отца въ Черниговскомъ карабинерномъ полку и они бокъ-о-бокъ ходили въ атаку подъ фокшанами и Рим-

никомъ во время славнаго Суворовскаго похода. Долго вспоминалъ онъ это время, рассказывалъ массу анекдотовъ и очень смѣшилъ всѣхъ присутствующихъ. Послѣ отъѣзда великаго князя въ Варшаву полкъ возвратился въ Петербургъ.

Зима прошла быстро, много занимался службою.

Вечера я проводилъ очень симпатично въ семейномъ кругу, у полицій-мейстера полковника фонъ-Адеркаса и у Петра фонъ-Гельмерсена, супруга котораго была рожденная фонъ-Сиверсъ. При прѣздѣ въ Петербургъ моя покойная мать и старшая сестра Софія часто останавливались у послѣднихъ. Мать лѣчила магнетизмомъ, а сестра брала уроки пѣнія у знаменитой пѣвицы госпожи Маріа.

9-го апрѣля 1817-го г. я былъ произведенъ въ корнеты и зачисленъ въ резервный эскадронъ. Такъ какъ послѣдній въ Стрѣльцу не уходилъ, то я все лѣто провелъ въ Петербургѣ.

1818-й годъ. Весною я простудился, долго не обращалъ вниманія на недомоганіе и, въ концѣ концовъ, слегъ. Шесть недѣль пролежалъ въ сильной нервной лихорадкѣ. Съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаю я друзей, не покидавшихъ меня за время болѣзни и всѣми силами облегчавшихъ мое тяжелое положеніе — госпожу фонъ-Гельмерсенъ и моего товарища по полку, графа Фердинанда Мантейфели. Мой братъ Карлъ, тогда еще мальчикъ пятнадцати лѣтъ, воспитывавшійся въ пансіонѣ Муральта, тоже проводилъ ночи у моей кровати. Обладая молодымъ крѣпкимъ сномъ, онъ боялся заснуть и не былъ сейчасъ же въ состояніи помочь мнѣ, если бы понадобилось. Поэтому онъ придумалъ слѣдующее средство. Онъ привязалъ себя на шею веревку, другой конецъ которой прикрѣпилъ къ моей рукѣ. При малѣйшемъ движеніи съ моей стороны онъ просыпался. Когда я настолько поправился, что могъ выходить, мнѣ дали отпускъ на четыре недѣли, которыя я провелъ частью у отца въ Меддерсъ, частью на морскихъ купаньяхъ въ Ревель.

1819-й годъ. Осенью нашъ полковой командиръ генералъ Арсеньевъ получилъ армейскую кавалерійскую дивизію и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Алексѣй Орловъ (сынъ князь, председатель Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ и т. д.; умеръ 9-го мая 1861 года). 13-го ноября этого года я былъ произведенъ въ поручики.

1821-й годъ. Весь гвардейскій корпусъ былъ выдвинутъ на границы Польши (Причина этому — революціонное движеніе карбонаріевъ въ Италіи). Конная гвардія выступила изъ Петербурга 6 мая и, пройдя черезъ Новгородъ, Старую Руссу, Холмъ и Торонецъ, остановилась въ городѣ Велижѣ¹⁾.

¹⁾ Маршрутъ хранится въ архивѣ бароновъ Каульбарсъ.

Штабъ дивизіи помѣщался въ Витебскѣ. Осенью этого года полкъ временно перешелъ въ мѣстечко Бѣшенковичи, принадлежавшее графу Хрептовичу.

Сюда же собрался весь гвардейскій корпусъ и много армейскихъ полковъ для участія въ большихъ маневрахъ въ присутствіи императора Александра 1-го. По окончаніи маневровъ, бывшихъ весьма удачными, гвардейскій корпусъ просилъ Государя принять обѣдъ отъ всѣхъ чиновъ корпуса. Государь благосклонно принялъ это приглашеніе. Было воздвигнуто большое эlegantное зданіе, въ которомъ могли помѣститься столы на восемьсотъ кувертовъ. Обѣдъ этотъ стоилъ около шестидесяти тысячъ рублей ассигнаціями; на мою долю, какъ поручика, пришлось двѣсти рублей ассигнаціями. Обѣдъ былъ великолѣпный и удался на славу. На другой день всѣ части возвратились на свои прежніе стоянки. Нашъ полкъ вернулся въ Велижъ, гдѣ оставался на квартирахъ всю зиму. Жили очень весело, часто ѣздили въ Витебскъ, гдѣ былъ хорошій театръ, и много танцевали на балахъ въ городѣ и у окрестныхъ помѣшниковъ. Домъ герцога Александра Вюртембергскаго (брата вдовствующей императрицы Маріи), жившаго во дворцѣ, былъ центромъ, соединявшимъ мѣстныхъ дворянъ, горожанъ и офицеровъ всѣхъ полковъ.

Въ самомъ Велижѣ я часто посѣщалъ домъ гостепріимнаго доктора Левенъ, у котораго были двѣ прелестныя и милыя дочери.

1822-годъ. Весною (27-го мая) мы выступили изъ Велижа, чтобы вернуться въ Петербургъ. Шли черезъ Иаветъ, Великія Луки, Порховъ, Лугу и Гатчино въ Стрѣльну. При прохожденіи черезъ Гатчино Императрица-Мать угостила насъ чуднымъ обѣдомъ. Во время обратнаго похода, командиръ разрѣшилъ мнѣ сдѣлать небольшой кругъ и захватить въ Исковъ, чтобы навѣстить моего дядю Адеркаса, бывшаго Петербургскаго полиціймейстера, а тогда Исковскаго губернатора. Провелъ у него нѣсколько очень симпатичныхъ дней, и уѣхалъ и началъ полкъ въ Порховъ. 1-го іюля мы вступили въ Стрѣльну и остались тамъ на травномъ довольствіи. Осенью возвратились въ Петербургъ. Всѣ детали этого похода описаны мною въ моемъ дневникѣ (1821—1822 года)¹⁾.

1823-й годъ. 13 марта я былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры. Этотъ годъ ничѣмъ особеннымъ для меня не памятенъ. Лѣтомъ принимали участіе въ большихъ маневрахъ въ Красномъ Селѣ, затѣмъ перешли въ Стрѣльну. Время проводили очень весело. Рѣдкій день гдѣ нибудь не собирались. 22-го іюля было большое празднество во дворцѣ, но и кромѣ этого случаи Ихъ Величества часто собирали у себя все Петергофское и окрестное общество. На дачахъ по Петергофскому шоссе, въ Знаменкѣ, Монгальмѣ и т. д.,

¹⁾ Дневникъ находится у баронессы Прасковьи Владиміровны Каульбарсъ, рожд. Желтухиной.

у Мятлевыхъ, Балабинныхъ, Апраксинныхъ и другихъ ежедневно давались балы, обѣды и любительскіе спектакли. Также часто устраивались пикники въ экипажахъ и верхомъ. Ѣздили въ Танцы къ Демидову и на Дудергофскія горы. Играя хорошо на фортепьянахъ, я участвовалъ во всѣхъ концертахъ и любительскихъ спектакляхъ.

1824-й годъ. Все лѣто прошло спокойно. Зато осенью я былъ очевидцемъ одного происшествія, на всю жизнь врѣзавшагося въ мою память. Это было злоѣйшее 7-ое ноября, день страшнаго наводненія въ Петербургъ. Уже нѣсколько дней до 7-го числа дулъ сильный вѣтеръ SW., въ этотъ же день онъ возросъ до страшнѣйшей бури. Вода изъ Балтійскаго моря устремилась въ Финскій заливъ и рѣку Неву съ такою силою, что черезъ нѣсколько часовъ большая часть города была затоплена. Вначалѣ вода показалась въ отводныхъ трубахъ, но, подымаясь съ неимоверною быстротою, уже черезъ два часа (къ 10¹/₂ час. утра) покрывала желѣзныя перила каналовъ. Казармы и конюшни Конной гвардіи помѣщались въ низменной мѣстности недалеко отъ Невы, и потому подверглись громаднѣйшей опасности. Не ожидая, что насъ можетъ затопить, мы, конечно, къ этому не приготовились. Вода съ такою стремительностью начала заливать конюшни, что, напрягая всѣ силы, мы только съ большимъ трудомъ могли вывести часть лошадей 1-го и 2-го эскадроновъ изъ конюшенъ большѣйшей казармы и направить ихъ въ полковой манежъ, находящійся на Исаакіевской площади на нѣсколько болѣе возвышенномъ мѣстѣ. Нѣсколько чудныхъ молодыхъ ремонтныхъ лошадей, преимущественно сѣрыхъ трубаческихъ, такъ и не удалось вывести,—онѣ сдѣлались жертвами стихіи, утонувъ въ своихъ станкахъ. Вода, врываясь въ конюшни со страшною силою, отрывала все некрѣпко прибитое, и черезъ мгновеніе балки и доски плавали по конюшнямъ и коридорамъ, всадъ заграждая дорогу и увеличивая и безъ того уже ужасный хаосъ. Вслѣдствіе загражденія выходовъ много несчастныхъ лошадей было обречено на неминуемую гибель. Остальные четыре и часть седьмого эскадрона помѣщались въ конюшняхъ около учебнаго плаца. Тамъ картина была еще ужаснѣе, чѣмъ у насъ. Когда нахлынула вода, бросились, насколько это удавалось, отвязывать лошадей. Лошадей выгоняли изъ конюшенъ и онѣ должны были вплавь достигать манежа. Къ счастью, нѣсколько хорошо плававшихъ кирасиръ не потерялись, они бросились съ своими лошадьми впередъ и увлекли всю массу остальныхъ за собою.

Глубина воды была отъ семи до восьми футовъ.

Буря не унималась, а наоборотъ все крѣпчала. На улицахъ и въ каналѣ за казармами (нынѣ Конно-гвардейскій бульваръ) волны раскатывались, какъ по морю, покрытому бѣлою пѣною, при этомъ отъ времени до времени шелъ сильный ливень. Я находился въ эти минуты въ казармѣ лейбъ-эскадрона.

Чтобы переправить оставшихся в казармѣ людей въ манежъ, мы придумали слѣдующую комбинацію. Офицеры и солдаты связали изъ обѣденныхъ столовъ небольшой плотъ, который изъ оконъ казармы опустили на воду. Посредствомъ небольшой лѣстницы спускались въ эту импровизированную лодку. Много разъ ходилъ нашъ плотъ изъ казармы въ манежъ, перевозя людей и провизію.

Трудно себѣ даже представить, какой хаосъ былъ въ манежѣ. Около пяти сотъ лошадей безъ недоуздковъ или съ отрѣзанными поводьями носились по манежу, дрались и ржали; много было раненыхъ и искалѣченныхъ балками и досками. У нѣсколькихъ несчастныхъ животныхъ изъ распоротыхъ животовъ вываливались внутренности. Между лошадьми бѣгали солдаты съ огарками салныхъ свѣчей въ рукахъ, разыскивая каждый свою лошадь.

Было уже два часа дня и въ манежѣ начало темнѣть.

Вода все продолжала подниматься и угрожала залить предманежье. Тогда было приказано закрыть большіе входныя ворота и насыпать валь изъ манежнаго песку, чтобы прекратить водѣ доступъ внутрь манежа.

Наконецъ около трехъ часовъ буря начала утихать, погода разяснилась и скоро мы слышали радостные возгласы «вода спадаетъ!».

Немедленно были отперты ворота и людямъ, оставшимся въ казармѣ лейбъ-эскадрона, было приказано выбросить изъ окна нѣсколько уздечекъ. Захвативъ ихъ, нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и я, взнуздали первыхъ попавшихся лошадей, сѣли на нихъ и бросились на улицу въ воду, чтобы доѣхать до остальныхъ четырехъ эскадроновъ и узнать, что тамъ творилось. Вода была еще очень глубока, часто покрывала спины лошадей, тѣмъ не менѣе мы благополучно добрались до воротъ конюшенъ. Вода продолжала спадать съ неимоверною быстротою и мы могли увидѣть то, что произошло здѣсь въ конюшняхъ.

Какое ужасное зрѣлище! Хаосъ нагроможденныхъ балокъ и досокъ, между ними и подъ ними убитыя и тяжело раненыя лошади, все это покрытое упавшими съ полокъ сѣдлами. Возбравшись на полки, солдаты, не успѣвшіе выскочить, ожидали въ такомъ положеніи неминуемой гибели. Когда вода ушла, мы дружно принялись за работу, вытащили балки и доски, закурпирившія выходы, потомъ вытащили убитыхъ лошадей и только къ поздней ночи привели конюшни въ кой-какой порядокъ. Въ результатѣ оказалось, что погибло относительно не очень много лошадей. Объяснялось это слѣдующимъ. Когда вода начала заливать конюшни, то люди бросились туда, чтобы вывести лошадей. Это оказалось невозможнымъ, такъ какъ вода прибывала съ такою стремительною быстротою, что скоро закрыла все выходы, и большая часть лошадей и людей была заперта въ конюшняхъ. Люди, желая спастись, забрались на сѣдельныя полки. Тѣ, которые могли, захватили цѣпи лошадей

и подымали ихъ головы, не давая имъ погружаться въ воду, да и сами лошади клали инстинктивно головы на полки, стараясь подолгу держаться на заднихъ ногахъ. Моя верховая лошадь (чудная вороная кобыла) тоже оказалась живою, но сильно искалѣченною. Ее вывели изъ конюшни 5-го эскадрона, въ которомъ я тогда служилъ, съ большою рѣзанною раню на задней лизкѣ. Она простояла послѣ этого долгое время въ полковомъ конномъ лазаретѣ, но, къ сожалѣнью, совершенно излѣчить ее не удалось, и она осталась калѣкою. Въ скоромъ времени я продалъ ее на Лужинскій конскій заводъ.

Мою пару вороныхъ упряжныхъ лошадей, приведенную изъ Меддерса, я за нѣсколько дней до наводненія продалъ генераль-адъютанту графу Бенкендорфу. Для меня это было большимъ счастьемъ, такъ какъ онѣ навѣрное погибли бы въ низко расположенныхъ офицерскихъ конюшняхъ. Въ общемъ полкъ потерялъ семьдесятъ двѣ лошади и тридцать девять коровъ, принадлежавшихъ женатымъ нижнимъ чинамъ. Въ воротахъ дома командира полка, генерала Орлова, утонули солдатская жена. Говорятъ, что глубина воды въ этомъ мѣстѣ достигала шести аршинъ (футъ? Ред.).

Императоръ Александръ I вознаградилъ какъ полкъ, такъ и офицеровъ, за понесенные убытки, приказавъ выплатить полку за каждую погибшую лошадь ремонтную ея цѣну, офицерамъ же за погибшую верховую лошадь—одну тысячу рублей ассигнаціями, а за упряжную—пятьсотъ рублей.

Видъ города Петербурга послѣ наводненія былъ самый плачевный. много мостовъ было поднято водою и снесено, набережные разорены, на Адмиралтейской набережной нагромодилась масса балокъ и досокъ отъ погибшихъ кораблей и барокъ. Говорятъ, за этотъ день погибло болѣе восьмисотъ человѣческихъ жизней. Часть города, называемая Галерною гаванью, совершенно исчезла подъ водою, и много жителей утонуло. Такія же ужасныя опустошенія произвела вода и въ окрестностяхъ Петербурга, а особенно на взморьѣ по дорогѣ въ Стрѣльну; деревня Автово на 5 верстѣ была совершенно снесена.

Нѣсколько дней спустя послѣ наводненія мнѣ пришлось быть на желѣзоплавильномъ заводѣ, на четвертой верстѣ, гдѣ я лично видѣлъ шестьдесятъ два гроба, поставленныхъ въ одну линію для отпѣванія; въ нихъ поконились останки утонувшихъ рабочихъ.

На слѣдующій день послѣ наводненія, 8 ноября, я былъ назначенъ генераломъ Орловымъ съ командою въ тридцать человѣкъ для охраны Англійской набережной и водворенія на ней порядка. Оказалось, что въ числѣ другихъ судовъ разбились и двѣ барки, нагруженные бочками съ казенною водкою. Для любителей выпить это, конечно, не прошло незамѣченнымъ, и масса ихъ бросилась разбивать бочки, уносить водку или же выпивать ее тутъ же на

мѣстѣ. Съ громаднымъ трудомъ перелѣзая я съ своими кирасирами черезъ горы обломковъ, досокъ и дровъ, нагроможденныхъ мѣстами выше вторыхъ этажей домовъ, и ловилъ грабителей, прятавшихся подъ ними или въ воротахъ домовъ. Поѣманныхъ передавалъ въ руки полиціи. Среди нихъ было много старыхъ бабъ, ловко нымававшихъ черезъ препятствія и старавшихся унести награбленную водку на Исаакіевскую площадь. Не имѣя возможности передать всѣхъ ихъ въ руки полиціи, я распорядился по своему. Поѣманнымъ съ полными ведрами водки я приказывалъ вылить послѣднюю на головы, наказывая ихъ такимъ образомъ за грабежъ.

Цѣлый день и всю ночь охранялъ я набережную и только утромъ смѣнилъ меня батальонъ Преображенскаго полка, присланный самимъ Государемъ для очистки набережной. Такъ какъ уборка ея заняла бы нѣсколько недѣль, а приказано было очистить ее немедленно, то рѣшили бросить все ее загромождавшее прямо въ Неву. Когда это было исполнено, то уже къ вечеру экипажи могли свободно слѣдовать по мостовой набережной.

Еще долгое время спустя берега Невы на Гутуевскомъ островѣ и берегъ моря до Ораниенбаума были покрыты обломками, выкинутыми въ этотъ день Преображенцами въ рѣку Неву.

Часть народа, населявшаго подвалы, затопленные водою, осталась безъ пристанища. Государь приказалъ отвести подъ этихъ несчастныхъ большой Биржевой залъ, гдѣ кромѣ ночлега обездоленнымъ жителямъ низменныхъ частей города отпускатось долгое время и продовольствіе. Изъ случаевъ чудеснаго спасенія при наводненіи одинъ особенно поразилъ всѣхъ, и я считаю долгомъ отмѣтить его въ моемъ дневникѣ, тѣмъ болѣе, что это случилось въ нашихъ казармахъ.

Семейные нижніе чины, за неимѣніемъ мѣста, были помѣщены крайне скученно и неудобно.

Въ одной изъ этихъ комнатъ въ корзинѣ, поставленной, за неимѣніемъ другого мѣста, на столъ, спало два шестимѣсячныхъ близнеца. Родители ихъ куда-то ушли. Вернувшись домой, они не могли уже войти въ комнату, такъ какъ вода успѣла подняться и заградить двери. Дѣтей считали погибшими.

Когда вода спала и вошли въ комнату, то оказалось слѣдующее. Вода прибывая подняла столъ съ стоявшею на немъ корзиною почти до потолка. По слѣдамъ, оставленнымъ водою на стѣнахъ, можно было убѣдиться, что между корзиною и потолкомъ осталось не болѣе полутора футъ. Убывая, вода поставила столъ на свое мѣсто на полу; дѣти оказались живыми и здоровыми.

1825 годъ. Съ 1 января этого года я началъ вести непрерывный дневникъ и я могъ бы прекратить писаніе этихъ мемуаровъ. Но въ дневникѣ я описывалъ многое, только лично меня касавшееся и для другихъ не интересное,

поэтому продолжаю эти строки, какъ сокращенную выжимку изъ моего дневника ¹⁾.

Въ январѣ мѣсяцъ было много баловъ при дворѣ, у посланниковъ и въ высшемъ обществѣ. Утро было занято службою. Въ февралѣ я взялъ отпускъ на двадцать восемь дней и поѣхалъ въ Ревель. Здѣсь я ежедневно танцевалъ на балахъ, посѣщалъ театръ и концерты. Особенно весело бывало у губернатора барона Будберга, вице-губернатора барона Левенштерна, ландрата Майделя, барона Деллинггаузена и другихъ.

Не могу не вспомнить очень печальнаго эпизода, свидѣтелемъ котораго я былъ. Въ нашемъ домѣ на Вынгородѣ въ Ревелѣ, въ квартирѣ рядомъ съ нашею, жила вдова ландрата баронесса Сталь фонъ-Гольштейнъ, рожденная баронесса Унгериъ-Штерибериъ, съ дочерью Луизою (впослѣдствіи вышедшей за барона фонъ-деръ-Ховена) и сыномъ Андреемъ, занимавшимъ мѣсто секретаря дворянства. Какъ-то разъ, возвращаясь домой въ одиннадцать часовъ утра, я встрѣтилъ на лѣстницѣ мою сестру Софію съ кувшиномъ теплаго молока. Она сообщила мнѣ, что Андрей Сталь отравился и что она послала ему противоядіе—теплое молоко. Я поспѣшилъ въ его комнату, гдѣ уже засталъ моего отца и гусарскаго полковника барона Зальца, которые убѣждали Сталя принять противоядіе; онъ отказывался. Наконецъ его убѣдили и онъ выпилъ принесенное моею сестрою молоко. Сдѣлалась сильная рвота. Это его однако же не спасло и нѣсколько часовъ спустя онъ умеръ въ страшныхъ конвульсіяхъ. Впослѣдствіи выяснилось, что до самоубійства его довели запутанныя дѣла. Въ послѣдніе дни отпуска я участвовалъ на нѣкоторыхъ благотворительныхъ концертахъ, на которыхъ моя сестра, благодаря своему дивному голосу, играла первую роль. Я аккомпанировалъ ей на фортепіанѣхъ.

9-го марта, вернувшись въ Петербургъ, попалъ въ очень непріятный нарядъ. Пришлось присутствовать съ командою нашего полка при экзекуціи надъ унтеръ-офицеромъ л. гв. Егерскаго полка, приговореннымъ за убійство своего ротнаго командира къ двѣнадцати тысячамъ ударовъ шпицрутенами. Несмотря на то, что уже послѣ перваго прохожденія его пришлось привязать къ тѣлѣжкѣ, тѣмъ не менѣе онъ перенесъ и остальные одиннадцать тысячъ ударовъ и умеръ только нѣсколько часовъ спустя въ госпиталѣ.

Часть лѣта, по обыкновенію, провели въ Красномъ Селѣ на маневрахъ, а затѣмъ перешли въ Стрѣльну.

22-го іюля, въ день именины Царицы-Матери, я былъ въ караулѣ во дворцѣ. Когда я являлся Государю, онъ милостиво обратился ко мнѣ со словами: «Твой батюшка тебѣ кланяется». Оказалось, что мой отецъ во время

¹⁾ Дневникъ находится у баронессы П. В. Каульбарсъ.

пробыванія Государя въ Ревелѣ имѣлъ счастье ему представляться, причемъ Государь очень милостиво отозвался о мнѣ и о моемъ братѣ Карлѣ.

4-го августа состоялась скачка, рѣшившая давно уже спорный вопросъ, могутъ ли на большихъ разстояніяхъ англійскія лошади состязаться съ казачьими. Для этого были назначены двѣ англійскія и двѣ казачьихъ лошади. Путь слѣдованія былъ назначенъ такой: отъ Московской заставы въ Гатчино, здѣсь объѣхать обелскъ и снова возвратиться къ Московской заставѣ. Всего около семидесяти пяти верстъ. Результатъ, какъ и должно было ожидать, былъ слѣдующій: англійскія лошади прошли это разстояние въ два часа и сорокъ восемь минутъ, причемъ обѣ пришли въ полномъ порядкѣ. Изъ казачьихъ лошадей одна дошла въ два часа и пятьдесятъ восемь минутъ, другая же, расковавшись по дорогѣ, совершенно не дошла.

Такимъ образомъ вопросъ, могутъ ли англійскія лошади на большихъ разстояніяхъ конкурировать съ казачьими, былъ блестяще рѣшенъ въ пользу первыхъ.

Осенью было особенно много блестящихъ празднествъ, баловъ и концертовъ на дачахъ между Стрѣльною и Петергофомъ. Особенно вѣздалась въ мою память карусель, устроенная на Знаменкѣ у Мятлевыхъ.

Вечеромъ 23-го августа на большую поляну въ паркѣ съѣхалось со всѣхъ сторонъ сто двадцать рыцарей въ полномъ вооруженіи; за ними слѣдовали ихъ оруженосцы. Всѣ расположились здѣсь на полянѣ, гдѣ зажгли бивачные огни, и рыцари пѣли хоромы пѣсни. Вечеромъ въ домѣ танцовали, причемъ всѣ оставались въ своихъ костюмахъ. На другой день, 24-го августа, въ день рожденія старика Мятлева, состоялась великолѣпная карусель во вновь пристроенномъ къ дому помѣщеніи съ ложами для публики.

По окончаніи карусели на арену по трубному сигналу выѣхали два рыцаря—одинъ весь черный (Петръ Мятлевъ), а другой весь въ серебрѣ (Галаховъ), оба офицеры нашего полка, и преломили нѣсколько коней. Послѣ карусели былъ обѣдъ, а затѣмъ большой маскарадный балъ. На карусели присутствовалъ великій князь Николай Павловичъ.

4-го сентября мой братъ Карлъ и я поѣхали къ сестрѣ въ Лилленбахъ, куда изъ Меддерса собрались и мои родители и сестры. Провели нѣсколько хорошихъ, веселыхъ дней и вернулись—я въ Знаменку къ своему эскадрону, братъ въ свой гвардейскій конно-поперный эскадронъ. 9-го полкъ перебрався въ Петербургъ, мы же, офицеры, ежедневно выѣзжали на дачи, гдѣ обѣды, балы и концерты продолжались чередоваться изъ дня въ день. Какъ хорошій игрокъ на фортепьянахъ и неутомимый танцоръ, я былъ очень цѣнимъ всеми знакомыми и постоянно приглашаемъ, если только когда и гдѣ что нибудь устраивалось. И не только хорошо игралъ на фортепьянахъ, но и самъ компоновалъ и аранжировалъ много танцевъ, которые затѣмъ посвящалъ тѣмъ

изъ дамъ, съ которыми особенно охотно танцевалъ. Эти ноты печатались въ музыкальной торговлѣ Пасса и въ Сѣверномъ Трубадурѣ. Много маршей въ гвардіи аранжировано мною.

Насколько веселы были лѣто и осень, настолько печальна и чревата событіями оказалась зима.

Уже въ началѣ ноября ходили слухи о серьезной болѣзни императора Александра I, бывшаго тогда въ Таганрогѣ. Однако же никто не думалъ о его скорой смерти; поэтому всѣхъ какъ громомъ поразила вѣсть о его кончинѣ, дошедшая до насъ 26-го ноября.

Какъ извѣстно изъ исторіи, великій князь Николай Павловичъ приказалъ всѣмъ немедленно присягнуть на вѣрность императору Константину, что и было исполнено. Тѣмъ не менѣе по городу носились слухи, что онъ отъ короны отрекся и принять ее не согласится. Настроение было нервное, никто не зналъ, что будетъ дальше. Такимъ образомъ наступило 14-ое декабря 1825 года.

Впослѣдствіи я встрѣтилъ въ описаніяхъ этого дня столько неправильно-стей и неточностей, въ особенности въ томъ, что касается участія нашего полка, Конной гвардіи, что я считаю долгомъ, не ограничиваясь указаніемъ на мой дневникъ, описать и въ этихъ мемуарахъ все, что въ этотъ достопамятный день лично видѣлъ, слышалъ и пережилъ. Выноски будутъ указывать на неточности, встрѣченныя мною въ разныхъ сочиненіяхъ, и преимущественно на неточности въ книгѣ «Восшествіе на престолъ Императора Николая I-го» статсъ-секретаря барона Корфа, нѣмецкій переводъ которой (1857 г.) у меня имѣется¹⁾.

13-го декабря я сидѣлъ съ другими гостями за чайнымъ столомъ у придворнаго банкира Кремера. Разговоръ, конечно, вертѣлся вокругъ главныхъ злобъ дня. Вдругъ въ одиннадцатъ часовъ вечера въ комнату влетѣлъ лейбъ-медикъ Лейтоигъ и сообщилъ намъ извѣстіе объ окончательномъ отреченіи великаго князя Константина и о восшествіи на престолъ императора Николая. Всѣ немедленно разѣхались, а офицеры посѣщили домой въ казармы. Здѣсь я засталъ уже приказъ о принесеніи присяги въ полковомъ манежѣ, въ шесть часовъ утра слѣдующаго дня.

Еще лѣтомъ много говорили о тайныхъ обществахъ и заговорахъ въ Россіи, но эти разговоры не считались серьезными и имъ не придавали вѣры. На слѣдующій же день, 14-го декабря, оказалось, что съ этими сплетнями надо было считаться, что заговоръ дѣйствительно существовалъ, и что

¹⁾ Баронъ, нынѣ графъ Корфъ, узнавъ о моихъ поправкахъ, былъ очень доволенъ и по мѣрѣ возможности исправлялъ неправильности.

бунтовщики выбрали именно этотъ день, какъ день новой присяги, для начала своихъ дѣйствій.

14-го декабря, къ шести часамъ утра, полкъ былъ выстроенъ въ полковомъ манежѣ. Послѣдній былъ освѣщенъ. Генералъ Орловъ прочелъ всѣ документы, касавшіеся отреченія великаго князя Константина, послѣ чего полкъ присягнулъ на вѣрность императору Николаю I-му. Присяга прошла въ полномъ порядкѣ и спокойствіи.

Въ 12-ть часовъ дня былъ назначенъ большой выходъ при Дворѣ.

Кое-что изъ моей амуниціи оказалось недостаточно новымъ для дворца, поэтому я велѣлъ заложить своихъ лошадей и поѣхалъ въ магазинъ Пететина около Полицейскаго моста, купилъ тамъ новый шарфъ и не помню что то еще. На обратномъ пути, проѣзжая по Большой Морской, я увидѣлъ отрядъ войскъ со знаменемъ, выходившій съ Гороховой улицы на Морскую и направлявшійся къ Исаакіевской площади. Впереди шелъ офицеръ въ адъютантскомъ мундирѣ, держа въ правой рукѣ саблю, а лѣвою махая надъ головою какою-то бумагою. Весь отрядъ былъ окруженъ густою толпою народа. Мнѣ и въ голову не приходило, что бы это могъ быть бунтъ.

Такъ какъ я очень спѣшилъ домой, я не останавливался, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, а, видя невозможность проѣхать мимо толпы, свернулъ въ другую улицу и черезъ нѣсколько минутъ былъ дома.—Это было большимъ для меня счастьемъ, такъ какъ впослѣдствіи я узналъ, что заговорщики по дорогѣ останавливали каждого встречнаго военного и заставляли его становиться въ ихъ ряды, угрожая книжками и пистолетами. Въ моментъ, когда я остановился у своей квартиры, мимо меня пронесся на тройкѣ флигель-адъютантъ и минуты черезъ двѣ послѣ этого я услышалъ сигналъ—«тревога».

Двадцать или двадцать пять минутъ спустя, полкъ уже выстраивался противъ казармъ. Пока мы выравнивались, мимо насъ въ санкахъ провезли тяжело раненаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, котораго одинъ изъ бунтовщиковъ, Каховскій, ранилъ выстрѣломъ изъ пистолета. Голубая лента графа была вся въ крови. Его внесли въ нани казармы.

Командиръ полка генералъ Орловъ повелъ полкъ по Почтамтской улицѣ, мимо Исаакіевского собора, черезъ Вознесенскій проспектъ мимо дома Лобанова (впослѣдствіи военная коллегія) на Адмиралтейскую площадь, гдѣ выстроилъ фронтъ, правымъ флангомъ къ Дворцовой площади, лѣвымъ къ Лобановскому дому. Въ строю находился весь полкъ. Для семи эскадроновъ въ помѣщеніяхъ казармъ было очень тѣсно и поэтому по временамъ (не всегда) одинъ дивизионъ полка (два эскадрона) попеременно помѣщался въ такъ называемыхъ жандармскихъ казармахъ и конюшняхъ на Семеновскомъ плацу. Уже 27-го ноября, для присяги императору Константину, дивизионъ былъ вызванъ въ большія казармы полка и здѣсь задержанъ впредь до рас-

пораженія. Шли слухи объ отреченіи Константина, но никто ничего достовернаго не зналъ, все ждали извѣстій изъ Варшавы. Кромѣ того полкъ готовился къ ожидаемому большому параду. Мало кто тогда въ Россіи желалъ, чтобы великій князь Константинъ взошелъ на Россійскій престолъ; особенно стали поговаривать объ его отреченіи отъ престола со времени его брака съ графинею Грудзинскою (княгиня Ловичъ).

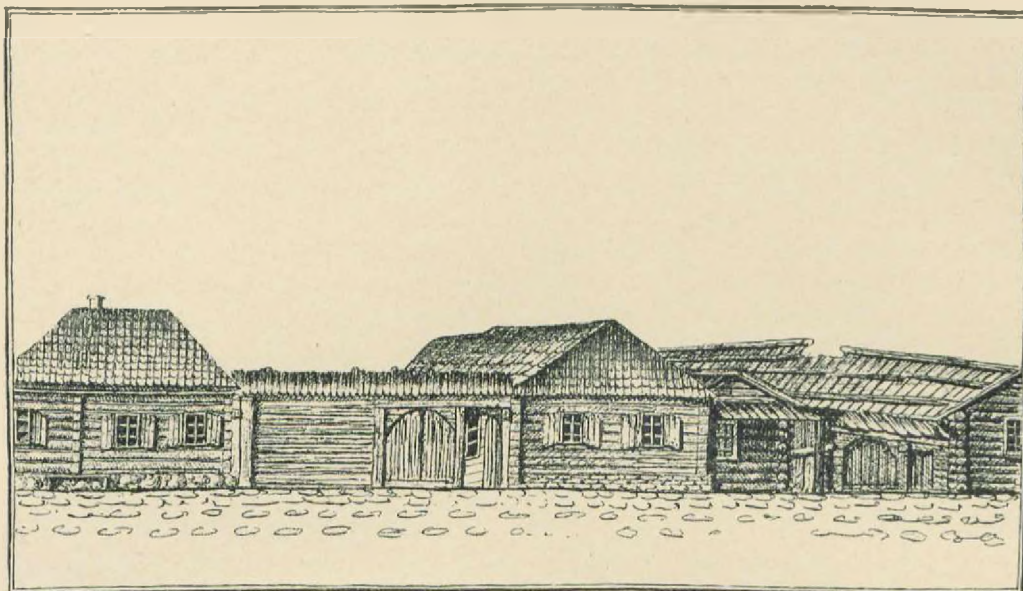
Командиръ полка, желая въ такое неопредѣленное время имѣть весь полкъ въ рукахъ въ любой моментъ, не отправилъ дивизіона въ жандармскія казармы, а удержалъ его при себѣ¹⁾.

Полкъ успѣлъ уже остановиться и выравняться на Адмиралтейской площади, когда императоръ Николай I подѣхалъ къ нему. Отъ Зимняго дворца за нимъ слѣдовалъ лейбъ-баталіонъ Преображенскаго полка въ шинеляхъ и фуражкахъ, держа ружья на-перевѣсъ.

Государь поздоровался съ нашимъ полкомъ и былъ встрѣченъ громовымъ «ура!» Онъ затѣмъ что-то говорилъ полку, но мнѣ не было слышно, что именно. Отъ нашего полка Государь поѣхалъ шагомъ по направленію къ Исаакіевской площади.

Тамъ уже выстроились два каре заговорщиковъ, одно изъ людей л. гв. Московскаго полка (тѣхъ, которыхъ я встрѣтилъ на Морской), а другое изъ баталіона гвардейскаго экипажа. Между ними было большое пустое пространство, по которому непрерывно проѣзжали экипажи, направляясь къ Зимнему дворцу для выхода и не подозревая, что въ это время творилось рядомъ съ ними. Никто проѣзжавшихъ не трогалъ. Услыхавъ наше привѣтствіе и крики «ура императору Николаю», изъ каре бунтовщиковъ раздались крики «ура—Константинъ!» Эти возгласы объяснили намъ, въ чемъ собственно дѣло и чего желали заговорщики. Впослѣдствіи мнѣ рассказывали, что офицеры л. гв. Московскаго полка не допустили своихъ солдатъ къ присягѣ, увѣряя ихъ, что великій князь Константинъ и не думалъ отречься отъ престола, а младшій его братъ Николай, пользуясь его отсутствіемъ, неправильно захватилъ бразды правленія. Другимъ говорили, что императоръ арестованъ и

¹⁾ Я привелъ эти детали, чтобы опровергнуть свѣдѣнія, данныя въ книгѣ барона Корфа, стр. 116, гдѣ говорится, что полкъ состоялъ только изъ двухъ эскадроновъ, и стр. 126, гдѣ сказано, что къ Сенату пришли два другихъ эскадрона полка. На Адмиралтейскій плацъ командиромъ полка былъ приведенъ весь полкъ въ составѣ шести эскадроновъ, и, какъ будетъ видно, только послѣ убійства Государя императора Николая I-го и по его личному приказанію два эскадрона были отряжены для закрытія Галерной улицы, гдѣ второю жертвою послѣ графа Милорадовича былъ нашъ полковникъ баронъ Велію. Также неправильно описаны дѣйствія гвардейскихъ конныхъ піонеровъ на стр. 127, 144 и 148. Встрѣтивъ насъ у Синяго моста, они слѣдовали за нами; когда мы остановились, они выстроили фронтъ по Крюкову каналу, когда же пашъ поставили передъ мостомъ черезъ Неву, то они стали правѣе пашъ на Адмиралтейской набережной.

Съ рис. перомъ.

Velisch 23 Juni 1821. J. de Hordenius.

Съ акварели 1821 г.

Домъ и комната, въ которыхъ проживалъ баронъ В. Р. Каульбарсъ
въ 1821 г. въ Велижѣ.

закованъ въ цѣпи и т. п. Противившихся бунтовщикамъ, командира полка генерала Фредерикса и начальника дивизіи генерала Шеншина ранили сабельными ударами.

Какъ только Государь отѣхалъ отъ нашего полка, первый дивизионъ¹⁾, исполняя личное его приказаніе, двинулся къ Галерной улицѣ и сталъ передъ нею.

Для ясности картины я долженъ отмѣтить, что я тогда былъ штабс-ротмистромъ и стоялъ на 4-мъ взводѣ 2-го эскадрона (командиръ полковникъ баронъ Веліо). Для кавалерійскихъ офицеровъ прибавлю еще, что взводные командиры 1-го и 4-го взводовъ того времени стояли на флангахъ эскадроновъ, въ то время, какъ теперь они находятся передъ фронтомъ. По командѣ «на-лѣво», мы заѣхали и такимъ образомъ Веліо, а за нимъ и оказались во главѣ колонны.

1-ый эскадронъ прошелъ мимо насъ и сталъ во главѣ колонны; такъ прошли мы мимо фронта нашихъ остальныхъ четырехъ, оставшихся на мѣстѣ, эскадроновъ. Мы, идя по мѣсту дома Лобачева, завернули на Вознесенскій, прошли мимо Исаакиевского собора и приблизились къ Синему мосту. Тутъ навстрѣчу намъ шли гвардейскіе конно-пѣхоты, а передъ головнымъ взводомъ ихъ мой братъ Карлъ, бывший тогда поручикомъ. Освѣщенные одною и тою же мыслью, мы бросились другъ къ другу, осадили нашихъ лошадей и въ одинъ голосъ крикнули «урра, Николай!» Слава Богу, братьямъ не пришлось встрѣтиться врагами, оба стояли за императора Николая. Слѣдуя далѣе, миновали дома Бергмана, Мятлева и Почтамтскую улицу, затѣмъ маневръ и вошли въ незанятое пространство между каре бунтовщиковъ и Сенатомъ. Мѣсто это было наполнено народомъ, который, хотя медленно и неохотно, но тѣмъ не менѣе очищать намъ дорогу для прохода. Мы шли во взводной колоннѣ и правые фланги нашихъ взводовъ находились въ разстояніи не болѣе десяти или двѣнадцати шаговъ отъ каре мятежниковъ. Когда мы поравнялись съ ними, насъ встрѣтили криками «урра, Константинъ!», на что мы отвѣтили «урра, Николай!». Сейчасъ же намъ во флангъ послѣдовало нѣсколько выстрѣловъ, и одинъ изъ нашихъ кирасиръ, прострѣленный насквозь, упалъ съ лошади.

Передъ Сенатомъ мы заѣхали во фронтъ. По ошибкѣ ли или по невнимательности, нашъ дивизионный командиръ, онъ же и командиръ лейбъ-эскадрона, полковникъ Апраксинъ по командѣ «по-взводно на-лѣво», провелъ свой эскадронъ мимо нашего 2-го эскадрона и мы должны были слѣдовать за нимъ. Когда же передъ Сенатомъ заѣхали во фронтъ, то 2-ой эскадронъ оказался на правомъ флангѣ, а лейбъ-эскадронъ на лѣвомъ; въ та-

¹⁾ 1-ый и 2-ой эскадроны.

комъ порядкъ мы оставались до самаго вечера. Какъ только мы успѣли выстроить фронтъ, шагахъ въ десяти или двѣнадцати отъ каре, какъ оттуда былъ данъ по насъ залпъ. Бунтовщики приизли, вѣроятно, нашъ аѣздъ во фронтъ за начало атаки и поэтому выстрѣлили по насъ.

Во всѣхъ описаніяхъ этого дня говорится о кавалерійской атакѣ передъ Сенатомъ,—послѣдней однакоже не было, такъ какъ нашъ дивизіонъ получилъ приказаніе только загородить входъ въ Галерную улицу. Мнѣ кажется, что Государь имѣлъ намѣреніе окружить бунтовщиковъ со всѣхъ сторонъ.

Не успѣлъ полковникъ баронъ Веліо пронести команду «Стой—равняйся», поднявъ при этомъ, какъ полагается, правую руку съ палашомъ, какъ вражеская пуля ударила въ эту руку и она повисла безъ движенія. Случилось это рядомъ со мною и я ощутилъ сильный ударъ локтя Веліо въ мою кирасу; передняя лука моего сѣдла была вся забрызгана кровью.

Я немедленно спѣшилъ двухъ унтеръ-офицеровъ и приказалъ имъ отвести раненаго полковника на Англійскую набережную. Случайно ли, или по его приказанію, не знаю, его повели въ домъ Влессига, гдѣ уже постъ обѣда рука была ампутирована выше локтя. Эта неудача моего друга была большимъ счастьемъ для меня: не закрой онъ въ моментъ выстрѣла своею рукою мою грудь, пуля непременно попала бы мнѣ въ ея лѣвую сторону.

Впослѣдствіи я часто посѣщалъ Веліо въ Царскомъ Селѣ, гдѣ онъ былъ комендантомъ. Каждый разъ онъ благодарилъ меня, что я во-время отправилъ его къ доктору, чѣмъ далъ возможность отнять руку безъ осложнений, возможныхъ при задержкѣ. Показывая остатокъ руки онъ всегда прибавлялъ при этомъ: «Вотъ чему ты обязанъ, что сейчасъ еще въ живыхъ!».

По пораненіи Веліо, какъ старшій офицеръ во 2-мъ эскадронѣ, я принялъ надъ нимъ командованіе. Что у насъ былъ сравнительно ничтожный уронъ, мы обязаны тому, что бунтовщики не цѣпились въ насъ, а стрѣляли, держа «ружья на руку», отчего пули перелетали черезъ насъ. Все время, что мы стояли другъ противъ друга, изъ каре были слышны отдѣльные выстрѣлы, но всѣ они были на воздухъ. Казалось, бунтовщики не хотѣли причинить намъ никакого вреда. Впослѣдствіи это объяснилось тѣмъ, что заговорщики убѣдили своихъ солдатъ, будто бы Конная гвардія, шефомъ которой былъ великій князь Константинъ, пока дѣлаетъ только видъ, что она противъ него, позднеѣ же, когда настанетъ время, вѣроятно съ наступленіемъ сумерокъ, перейдетъ на сторону заговорщиковъ.

Такъ стояли мы болѣе часа другъ противъ друга; наша задняя шеренга упиралась въ платформу сенатской гауптвахты: мы были окружены густою толпою зрителей и аѣвакъ. Все время обмѣнивались криками «урра, Николай!»—«урра, Константинъ!». Нашъ полкъ былъ въ самомъ ужасномъ поло-

женін, такъ какъ была страшная гололедица, наши же лошади не были подкованы на зимніе шины; при каждомъ малѣйшемъ движеніи онѣ скользили и падали вмѣстѣ съ сѣдоками.

На крышѣ Сената примостилась толпа народа, открыто симпатизировавшая бунтовщикамъ. Пригнати въ на верхъ полѣнья березовыхъ дровъ, эти люди бросали ихъ съ крыши въ нашихъ людей и лошадей, такъ что все время приходилось наблюдать и за этими меразавцами. Какъ впоследствии выяснилось, бунтовщики обѣщали разрѣшить этому сброду грабить городъ въ продолженіе трехъ дней, если тѣ поспособствуютъ исполненію ихъ замысловъ.

Одинъ изъ офицеровъ лейбъ-эскадрона, Пигатьевъ, получилъ настолько сильный ударъ полѣномъ въ животъ, что онъ въ обморокѣ упалъ съ лошади и былъ унесенъ въ свою квартиру. Потомъ рассказывали, что, когда онъ очнулся отъ обморока въ своей квартирѣ, то увидѣлъ на своей кровати умирающаго генерала графа Милорадовича, котораго случайно внесли именно въ эту квартиру и который вечеромъ тутъ же скончался.

Наконецъ, насъ освободили изъ нашего непріятнаго положенія. За нами послышался барабанный бой и съ Галерной улицы пришелъ л. гв. Павловскій полкъ, который получилъ приказаніе занять наше мѣсто. Одновременно же съ ихъ приходомъ и намъ приказали отойти и стать передъ Псакиевскимъ мостомъ. Повернувшись по командѣ нѣтво (по три), мы двинулись впередъ. По дорогѣ пришлось протискиваться черезъ сплошную толпу народа, не желавшую разступиться. Съ помощью нѣсколькихъ ударовъ плання палаши мы, однако, скоро очистили себѣ путь и благополучно добрались до моста. Отрядъ Преображенцевъ, охранявшій мостъ, при нашемъ появленіи ушелъ.

Дойдя до моста, я выстроилъ эскадронъ во фронтъ: 1-ый эскадронъ, шедшій впереди меня, построился лѣвѣе меня, въ промежуткѣ между моимъ 2-мъ и нашими остальными четырьмя эскадронами, тоже къ этому времени передвинутыми сюда же къ мосту. Они все время, пока нашъ дивизионъ закрывалъ входъ въ Галерную улицу, стояли противъ другаго каре заговорщиковъ, фронтомъ къ послѣднему, тыломъ къ Адмиралтейскому бульвару. Оказалось, какъ только мы ушли, Государь приказалъ остальнымъ занять эту позицію. Мигъ потомъ рассказывали, что наши эскадроны старались произвести нѣсколько демонстрацій, въ родѣ атакъ, которыя совершенно не удалась. Страшная гололедица парализовала всякое движеніе, а близость каре не давала возможности броситься стремительно въ атаку. По нашимъ эскадронамъ были тоже даны залпы, но также безрезультатно. Видя тщетное стараніе атаковать и полную невозможность это исполнить, заговорщики бросили стрѣлить въ нашихъ; слышны были только отдѣльные выстрѣлы и изъ каре были слышны шутки и смѣхъ. Могла ли кавалерія очутиться въ болѣе глупомъ положеніи, чѣмъ нашъ полкъ въ этотъ день! Наши лошади,

не подкованныя на зимніе шины, при страшной гололедицѣ ежеминутно падали, поднять ихъ при близкомъ разстояніи противника въ галопъ не представлялось возможности. Къ тому же наше вооруженіе состояло только изъ старыхъ, отъ многолѣтняго употребленія и чистки короткихъ и неотпушенныхъ палашей (новые, трехгранные, съ тройнымъ эфесомъ, были введены гораздо позднѣе). Огнестрѣльное оружіе было только у карабинеровъ (четырехъ фланговыхъ людей каждаго взвода), но ихъ короткіе пистолеты въ конномъ строю не представляли никакой защиты. Пистолеты имѣлись только у офицеровъ, но и то въ очень маломъ количествѣ и незаряженные, въ кобурахъ сидѣть торчали обыкновенно только деревянные ручки поддѣльных пистолетовъ.

Насколько враждебно была настроена толпа, показываетъ слѣдующій эпизодъ. Нашъ старый корпусный командиръ генералъ Вонновъ былъ затертъ народомъ. Къ счастью, командиръ 6-го эскадрона ротмистръ фонъ-Эссенъ замѣтилъ это во-время и бросился съ 4-мъ взводомъ своего эскадрона на выручку.

Безъ внимательства Эссена, генералъ былъ бы въ большой опасности и могъ быть убитымъ. На лѣсахъ строивагося Исаакіевскаго собора примостилась толпа, примкнувшая къ бунтовщикамъ и встрѣчавшая всѣхъ вѣрныхъ слугъ Государя булыжниками и кирпичами. Впослѣдствіи я узналъ, что къ заговорщикамъ присоединилась и часть л. гв. Гренадерскаго полка, послѣ того, какъ его командиръ полковникъ Стюрлеръ былъ раненъ Каховскимъ пулею въ грудь, а двумя унтеръ-офицерами штыками изъ спины (его отнесли въ домъ Лобанова, гдѣ на слѣдующій день онъ умеръ отъ нанесенныхъ ему ранъ). Когда весь нашъ полкъ стоялъ выстроенный передъ Исаакіевскимъ мостомъ, вдругъ изъ каре бунтовщиковъ выдѣлился нашъ конногвардейскій офицеръ корнетъ князь Одоевскій, тоже принадлежавшій къ заговорщикамъ, и крикнулъ намъ: «Конногвардейцы! неужели и вы хотите пролить русскую кровь!». Въ отвѣтъ ему съ нашей стороны крикнули громкое: «урра, Николай!», послѣ чего онъ скрылся обратно въ каре. Этотъ князь Одоевскій, отырыскъ одной изъ древнѣйшихъ русскихъ фамилій, былъ милѣйшій молодой человѣкъ, съ которымъ я очень дружилъ и, какъ съ хорошимъ музыкантомъ, часто игралъ въ четыре руки на фортепьянахъ. Къ сожалѣнію, заговорщикамъ удалось и его заманить въ ихъ тайный союзъ и погубить.

На слѣдующій день распространился слухъ, что Одоевскій бѣжалъ за границу черезъ Парву, Іевле и Дерптъ.

По Высочайшему повелѣнію 15-го декабря въ догонку ему на курьерскихъ лошадяхъ былъ отправленъ ротмистръ фонъ-Эссенъ. Послѣдній доѣхалъ до Дерпта, но, не находя никакихъ слѣдовъ бѣжавшаго Одоевскаго, возвратился обратно въ Петербургъ. Какъ извѣстно изъ исторіи этого бунта, Одоевскій

спрятался на чердакъ дома своего дяди сенатора Ланского, 17-го декабря былъ тутъ найденъ и арестованъ. Мы не особенно долго стояли передъ мостомъ, когда услышали за собою шаги приближавшейся воинской части; оказалось, что это былъ л. гв. Финляндскій полкъ.

Нашъ командиръ полка приказалъ мнѣ осадить часть эскадрона, чтобы дать Финляндцамъ возможность пройти. Я немедленно осадилъ одинъ взводъ назадъ и очистить дорогу. Пѣхота однако же этимъ не воспользовалась, а остановилась на серединѣ моста и далѣе не двигалась. Считая, что имъ это было приказано, и опять сомкнулъ свои взводы. Потомъ однакоже выяснилось, что остановка произошла по злой волѣ одного изъ заговорщиковъ.

Баронъ Розенъ, принадлежавшій къ тайному союзу, остановилъ свою головную роту, не желая идти противъ своихъ единомышленниковъ. Этимъ онъ задержалъ на время и весь полкъ.

Съ того мѣста, на которомъ мы стояли, вся площадь была видна, какъ на ладони, и мы съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдали за тѣмъ, что творилось на томъ концѣ плаца. Мы видѣли, какъ Государь стоялъ на углу бульвара около церкви, какъ нѣсколько человекъ подходило отъ него къ каре и снова отходило назадъ; потомъ мы узнали, что это были великій князь Михаилъ Павловичъ и митрополитъ. Въ перваго даже прицѣлился изъ пистолета заговорщикъ Кюхельбекеръ, но унтеръ-офицеръ л. гв. Московскаго полка выбилъ у него изъ рукъ оружіе, сказавъ при этомъ: «не надо, это другъ нашего Константины!».

Прошло уже три часа дня, а мы все еще стояли на площади передъ Исаакіевскимъ мостомъ; начало уже смеркаться. Офицеры и солдаты при семи-или восьми-градусномъ морозѣ сильно замерзли, такъ какъ были въ однихъ мундирахъ. Нѣсколько офицеровъ, жившихъ на частныхъ квартирахъ въ городѣ и оставшихся въ казармахъ послѣ присяги, намѣревались ѣхать отсюда прямо на выходъ во дворецъ. Услыхавъ сигналъ «тревогу», они не имѣли времени переодѣться и имъ пришлось въ парадной формѣ безъ кирасъ сѣсть на лошадей. Людямъ видимо тоже надоело стоять такъ долго въ бездѣйствіи; въ рядахъ часто слышались возгласы: «Да пора же съ ними покончить!».

Вдругъ мы увидѣли дымъ и слышали выстрѣлы, а за нимъ и свистъ картечи. По приказанію Государя, этотъ выстрѣлъ былъ данъ на воздухъ, чтобы показать бунтовщикамъ всю серьезность ихъ положенія. Картечь ударилась въ зданіе Сената и поразила нѣсколько человекъ изъ числа сидѣвшихъ на крышѣ. Они упали на платформу гауптвахты и на пьедесталъ статуи Справедливости и тутъ остались лежать, неожиданно застигнутые заслуженною карою. Види эту картину и вспомнивъ пальбу березовыми полѣвными, наши офицеры и солдаты отъ всей души обрадовались этому и прокричали

«урра!» Со всехъ сторонъ слышны были слова: «пора, пора, пора!». Это «пора», къ счастью, и не заставило себя долго ждать.

На первый выстрѣлъ вверхъ бунтовщики отвѣтили крикомъ «урра, Константинъ» и залпомъ изъ ружей, и видно было, какъ они готовились броситься въ штыки на батарею. Тогда дали по нимъ нѣсколько выстрѣловъ, хорошо попавшихъ въ свою цѣль. Бунтовщики немедленно разбѣжались и всею массою ринулись на Англійскую набережную, гдѣ прорвались черезъ линію гвардейскихъ конно-піонеръ, у которыхъ застрѣлили одного унтеръ-офицера и нѣсколько рядовыхъ, и побѣжали по набережной.

Такъ какъ лошади скользили и плохо двигались впередъ, часть піонеръ соскочила съ лошадей и бросилась преслѣдовать. У дома графа Лаваль настигла бунтовщиковъ и зарубила нѣсколькихъ изъ нихъ. Остальные конно-піонеры, насколько могли сдѣлать это по гололединѣ, преслѣдовали и рубили бѣглецовъ. Видя, что съ ними не шутятъ, большая часть послѣднихъ бросилась черезъ перила на ледъ Невы и старалась достигнуть черезъ нее Васильевского острова и тамъ разбѣжаться по улицамъ и закоулкамъ.

Замѣтивъ схватку заговорщиковъ съ піонерами, генераль Орловъ подѣхалъ ко мнѣ и командовалъ: «направо—за ними».

Я только что успѣлъ повернуть эскадронъ, какъ услышалъ выстрѣлъ со стороны нашего манежа, гдѣ стоялъ л.-гв. Семеновскій полкъ съ орудіемъ, и картечь пронеслась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ вдоль здания Сената на Неву. Командиру, галопомъ бросившемуся въ сторону набережной, только успѣли крикнуть «берегитесь, ваше превосходительство!»—и онъ задержалъ лошадь. Можно себѣ представить, что было бы съ нами, еслибы по этому направленію былъ данъ второй выстрѣлъ, или если бы мы на нѣсколько секундъ ранѣе кинулись бы въ догонку за бѣглецами.

Орловъ немедленно остановилъ эскадронъ ¹⁾. Какъ только мой эскадронъ остановился, мы увидѣли генерала Толя, который несся съ нѣсколькими орудіями черезъ площадь, снілся съ передковъ на углу Сената и далъ нѣсколько выстрѣловъ по разсыпаннымъ на льду бунтовщикамъ. Выстрѣлы имъ никакого урона не нанесли и только нѣсколько картечныхъ пуль ударились въ дома на Васильевскомъ островѣ ²⁾.

¹⁾ Исправляя неграмотность въ книгѣ барона Корфъ, стр. 143, долженъ замѣтить, что капитанъ Виткинъ, лично мнѣ хорошо знакомый, стоялъ съ своею ротой на мосту за командуемыя мною эскадрономъ. Между мостомъ и Адмиралтейскимъ бульваромъ стоялъ нашъ лебѣй-эскадронъ, между мостомъ и Адмиралтейской набережною, т. е. между мною и конно-піонерами, къ счастью, не было никого, такъ что картечный выстрѣлъ отъ нашего манежа никому изъ нашихъ вреда не принесть, а только настигъ нѣсколькихъ сплывшихъ черезъ Неву бунтовщиковъ.

²⁾ Все, что было написано въ разныхъ описаніяхъ этого дня и особенно въ книгѣ бывшего офицера л. гв. Финляндскаго полка барона Розена «Записки декабриста», гдѣ говорится о томъ, что ледъ

Пушки стояли на тротуарѣ набережной и не достигали высоты перилъ, такъ что весь зарядъ ушелъ въ воздухъ.

Генераль Орловъ, видя, что на набережной бунтовщиковъ уже не оставалось, скомандовалъ: «За ними на Васильевскій островъ!» Мы сейчасъ же устремились на мостъ.

Послѣдній былъ покрытъ толстою ледяною корою, и наши несчастныя лошади совершенно не были въ состояніи здѣсь двигаться. Онѣ падали на каждомъ шагѣ. Люди слѣзали и старались ихъ вести въ поводу, но падали вмѣстѣ съ ними. Мы еще не успѣли добраться до конца моста, какъ отъ бунтовщиковъ и слѣдъ простылъ. Одни разсѣялись по улицамъ Васильевского острова и попрятались по дворамъ, другіе же отирались прямо въ свои казармы. Такъ, говорятъ, поступили лейбъ-гренадеры, вернувшіеся въ порядѣ домой и приступившіе немедленно къ чисткѣ ружей, какъ будто только что вернулись съ ученія. Убѣдившись въ невозможности преслѣдованія, Орловъ остановилъ полкъ (за моимъ 2-мъ эскадрономъ на мостъ потянулись и остальные пять эскадроновъ). Мы повернули назадъ, и съ такими же затрудненіями, какъ и туда, переправились обратно черезъ мостъ на Пискаревскую площадь, гдѣ полкъ выстроился въ эскадронной колоннѣ, фронтомъ къ Сенату, тыломъ къ Адмиралтейскому бульвару. Къ этому времени успѣли уже поднять убитыхъ и положить ихъ длинными рядами на доски около деревянной церковной ограды. Все уже было спокойно. Нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и я, подошли къ собору и насчитали здѣсь пятьдесятъ шесть тѣлъ, въ томъ числѣ и двухъ маленькихъ флейтчиковъ гвардейскаго экипажа и унтеръ-офицера Московскаго полка, которымъ совершенно оторвало головы. Объясняли это тѣмъ, что вѣроятно снаряды, начиненные картечью, не успѣли по близости разстоянія разорваться и крушили все, что попадалось на пути. Тутъ лежало и пять тѣлъ въ партикулярномъ платьѣ, по виду тѣла мастеровыхъ, вѣроятно наши стрѣлки полѣтными съ крыши Сената. По слухамъ, первымъ картечнымъ выстрѣломъ, даннымъ вверхъ и попавшимъ въ Сенатъ, было убито и ранено еще нѣсколько человекъ изъ зрителей, на Галерной, Крюковомъ и Конно-гвардейскомъ каналѣ (нынѣ Конно-гвардейскій бульваръ). У насъ въ этотъ день было двое убитыхъ и нѣсколько раненыхъ, въ томъ числѣ баронъ Веліо. Нѣкоторые раненые умерли въ непродолжительномъ времени. Въ

былъ разбитъ картечью и много заговорщиковъ погибло «въ сырой могилѣ» въ Невѣ, — подлившій вымыселъ. Съ моста не стрѣляли, а также не стрѣляли въ Галерную улицу, какъ кое-гдѣ сообщается; да и незачѣмъ было стрѣлять туда, такъ какъ тамъ стоялъ вѣрный Государю л.-гв. Павловскій полкъ.

Нашъ полкъ стоялъ всю ночь бивакомъ на площади, и я былъ свидѣтелемъ того, какъ полиція убирала тѣла убитыхъ. Такъ какъ ихъ сейчасъ же похоронили и болѣе о нихъ не было слышно, то впоследствии распространился слухъ, что покойниковъ опустили въ проруби на Невѣ. Отсюда, вѣроятно, и Розентъ придумалъ свою громкую «могилу въ водахъ Невы».

общемъ, этотъ день стоить жизни семидесяти или восьмидесяти человѣкамъ. Одному изъ нашихъ кирасиръ, раненому въ правую руку, пришлось ампутировать ее въ самомъ плечевомъ суставѣ. Операцию онъ перенесъ, не сказавъ ни слова, и на вопросъ штабъ-лѣкаря Габерданка, какъ онъ могъ выдержать такую страшно болѣзненную операцию безъ крика, онъ отвѣтилъ: «ничего, ваше высокоблагородіе, за Царя и Отечество можно и потерпѣть». Этотъ отвѣтъ былъ доложенъ Государю Императору Николаю I и говорить, что кирасиру была назначена пожизненная пенсія въ пятьсотъ рублей ассигнаціями ежегодно.

На Исаакиевской площади, кромѣ Конной гвардіи, на всю ночь было оставлено и еще нѣсколько полковъ. Передъ каждымъ мостомъ было поставлено по два орудія. Полки расположились бивакомъ и зажгли костры. Со всѣхъ сторонъ былъ виденъ свѣтъ этихъ бивачныхъ огней, освѣщавшій всю эту ночь городъ С.-Петербурга.

Государь прислалъ изъ дворца чай и ужинъ въ большихъ корзинахъ. Успокоившаяся публика, разгуливавшая между частями войскъ, старалась всѣми силами доставить все, что только могли пожелать. Кавалерія всю ночь разсылала патрули (по-эскадронно).

Ротмистръ фонъ-Фессенъ съ 6-мъ эскадронномъ привелъ съ Андреевскаго рынка на Васильевскомъ островѣ пятьдесятъ человѣкъ съ знаменемъ д.-гв. Московскаго полка, расположившихся на ночлегъ подъ аркадами. Эти люди сдались безъ всякаго сопротивленія и были водворены въ манежъ 1-го кадетскаго корпуса. Сюда же сдали еще нѣсколько отдѣльных людей, взятыхъ ими на островъ, юнкеръ нашего полка князь Суворовъ (впоследствии генераль-губернаторъ Прибалтійскихъ провинцій); эскортировать онъ ихъ одинъ, держа налани наголо. Уже въ этотъ же вечеръ провели мимо насъ на гауптвахту Зимняго дворца нѣсколькихъ заговорщиковъ.

Теперь только мы узнали, въ чемъ именно было дѣло и какая была цѣль этого бунта. Онъ совсѣмъ не касался императора Константина, послѣдній служилъ только приманкой, коей подняли на гадкое дѣло и принесли въ жертву много сотенъ бѣдныхъ, несчастныхъ солдатъ. Многие слышали, какъ заговорщики кричали «урра, конституція». Рассказывали, что на вопросъ солдатъ, кто это такая, отвѣчали, что это жена императора Константина.

Такъ окончился этотъ достопамятный день ¹⁾.

Все, что я описалъ въ этихъ запискахъ,—вѣрно, такъ какъ все лично мною пережито и видѣно.

¹⁾ Я уже упоминалъ, что встрѣтилъ въ описаніяхъ этого дня много неправильностей и неточностей. Въ приложеніяхъ къ дневнику подъ № 40, стр. 8 (Nachrichten über die Familie Baron von Kaulbars) я привожу часть ихъ, замѣченную мною.

Есть происшествія, которыя никогда не изглаживаются изъ человеческой памяти, которыя до глубокой старости сохраняются настолько свѣжими, какъ будто онѣ случились вчера. Такимъ именно быть для меня и этотъ день. Сегодня, несмотря на то, что стою на семьдесятъ второмъ году жизни, ни одинъ эпизодъ этого дня не улетучился еще изъ моей памяти.

Съ 1 января 1825 года я велъ непрерывный ежедневный дневникъ по сегодняшній день. Въ немъ я записалъ 15-го числа все то, что видѣлъ, слышалъ и лично дѣлалъ въ знаменательный день 14-го декабря. Въ настоящихъ моихъ мемуарахъ, написанныхъ для исторіи нашего рода, я строго придерживался всего, что мною было занесено въ свое время въ дневникъ. Поэтому считаю себя въ правѣ указывать на множество ошибокъ и неправильностей въ описаніяхъ этого происшествія и по мѣрѣ возможности исправлять ихъ.

Было ужасною низостью со стороны заговорщиковъ завлечь обманомъ несчастныхъ солдатъ въ свое грязное предпріятіе, убѣждая ихъ, что они исполняютъ свой долгъ, оставаясь вѣрными присягѣ. Поражаешься ихъ тупоумію и недалекости. Солдаты въ скоромъ времени должны же были узнать всю правду; и должны же были заговорщики ожидать страшной мести отъ загубленныхъ ими жертвъ.

Все это возстаніе возникло на совершенно неспыхъ идеяхъ и было построено на сплошномъ обманѣ, на который поддались много очень хорошихъ людей.

Всю ночь мы простояли на одномъ мѣстѣ.

15 декабря, въ часъ дня, императоръ Николаи ѣхалъ въ парадной формѣ полки и благодарилъ ихъ за вѣрность и преданность, послѣ чего выпустилъ ихъ по казармамъ.

Впредь до разрѣшенія, однакоже, было запрещено отлучаться изъ казармъ и конюшенъ.

Вечеромъ у нашего штабсъ-ротмистра Ознобинина ¹⁾ собралось нѣсколько человѣкъ офицеровъ, а съ ними пришелъ и конкеръ князь Суворовъ.

Обсуждали, конечно, событія предшествующаго дня.

Вдругъ неожиданно вошелъ флигель-адъютантъ съ фельдъегеремъ и тутъ же арестовалъ князя Суворова, котораго сейчасъ же отвелъ на гауптвахту Зимняго дворца. Утромъ слѣдующаго дня онъ былъ приведенъ на допросъ къ самому Государю, гдѣ вполне выяснилась его невиновность, и онъ былъ немедленно освобожденъ. Государь замѣтилъ ему при этомъ: «Я отъ Суворова этого и не ожидалъ», и тутъ же произвелъ его въ корнеты.

Свѣтлѣйшій князь Италійскій графъ Суворовъ Римникскій, внукъ знаме-

¹⁾ Когда я командовалъ 2-ю бригадою 1-ой узанской дивизіи, Ознобининъ командовалъ 2-ой бригадой этой же дивизіи въ Чугуевѣ.

нитого фельдмаршала, воспитывался въ Швейцаріи въ мѣстечкѣ Фелленбергѣ и прямо оттуда поступилъ юнкеромъ въ нашъ полкъ. Въ это время онъ очень плохо говорилъ по-русски. У одного изъ заговорщиковъ было найдено письмо, въ которомъ писалось, что въ виду воспитанія Суворова въ Швейцаріи, вѣроятно, можно будетъ рассчитывать и на его участіе въ союзѣ. Къ счастью, онъ могъ доказать Государю лживость этого заявленія и свою преданность ему и былъ освобожденъ и награжденъ.

Поперемѣнно съ Кавалергардскимъ полкомъ мы еще нѣсколько ночей высылали патрули, пока принедешіе изъ окрестностей легкіе гвардейскіе кавалерійскіе полки не замѣнили насъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на приходъ другихъ частей, еще въ продолженіе мѣсяца нашъ полкъ и кавалергарды поперемѣнно высылали одинъ эскадронъ въ экаерциргаузъ около Зимняго дворца. Чтобы не беспокоить Императрицу-Мать, этотъ эскадронъ приходилъ съ наступленіемъ сумерокъ, всю ночь высылалъ патрули, ѣдившіе вокругъ Зимняго дворца, и еще до разсвѣта тихо уходилъ домой.

За 14 декабря 1825 года нашъ полковой командиръ генералъ-адъютантъ Орловъ былъ возведенъ въ графское достоинство, старшій полковникъ князь Николай Голицынъ произведенъ въ генералы, дивизіонные командиры, а также баронъ Веліо сдѣланы флигель-адъютантами, эскадронные командиры получили св. Владиміра 4 степени. Всѣмъ бывшимъ на площади 14 декабря дарованъ одинъ годъ старшинства на выслугу Георгіевскаго креста за 25 лѣтъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и я. Такъ какъ 2-мъ эскадрономъ я командовалъ за пораненіемъ Веліо только временно, то на слѣдующій же день сдалъ его полковнику Цинскому, бывшему до сихъ поръ командиромъ нашего резервнаго эскадрона (впослѣдствіи Московскій оберъ-полицеймейстеръ). Во всѣхъ частяхъ, участвовавшихъ 14 декабря на площади, батальонные и ротные командиры получили тѣ же награды.

Что же касается процесса, казни и наказаній заговорщиковъ, то какъ не относящихся ко мнѣ, я ихъ описывать не буду. Кромѣ того, все это извѣстно изъ многихъ сочиненій, описывающихъ означенное историческое событіе.

Въ декабрѣ мѣсяцъ этого года одинъ изъ учениковъ знаменитаго художника Кнпренскаго въ его ателье и подъ его наблюденіемъ нарисовалъ мой первый портретъ. На этой картинѣ я изображенъ въ черной кирасѣ. Она виситъ въ галлерей въ Меддерсѣ ¹⁾.

21 декабря, въ числѣ всѣхъ гвардейскихъ офицеровъ, я присутствовалъ на торжественныхъ похоронахъ графа Милорадовича. Государь и великій князь Михаилъ Павловичъ шли за его гробомъ. Въ парадѣ были Кавалергардскій полкъ и гвардейская конная позиціонная батарея.

¹⁾ Картина эта находится у дочери пишущаго эти мемуары, баронессы Маріи Васильевны Штакельбергъ, рожд. баронессы Каульбарсъ, а снимокъ приложенъ къ настоящей книгѣ.

15 января 1826 года нашъ полкъ представился императору Николаю I впервые на парадъ въ Михайловскомъ манежѣ. Прошли повзводно шагомъ, рысью и галопомъ. Государь остался нами доволенъ. 19 января съ большою торжественностью былъ перенесенъ конно-гвардейскій мундиръ покойнаго императора Александра I въ полковую церковь и положенъ въ стеклянное хранилище. Я ѣхалъ передъ тремя полковыми штандартами полка и отвезъ ихъ послѣ церемоніи обратно въ Мраморный дворецъ шефа, — великаго князя Константина Павловича.

20 января всѣ гвардейскіе офицеры представлялись эрцъ-герцогу Фердинанду д'Эсте, который былъ посланъ императоромъ Австрійскимъ для принесенія поздравленій императору Николаю I по случаю его восшествія на престолъ. 28 января я произведенъ на вакансію въ ротмистры.

31-го, при представленіи Государю, я благодарилъ его за производство въ чинъ, причемъ Государь Императоръ милостиво замѣтилъ: «поздравляю, и ты, и братъ твой молодцы, славные офицеры».

12 февраля. Эрцъ-герцогу Фердинанду показали ѣзду унтеръ-офицерской смѣны въ нашемъ полковомъ манежѣ. Ѣздили отлично. Вечеромъ этого же дня Высочайшимъ повелѣніемъ были отмѣнены узкіе темно-зеленые панталоны съ кожаными нашивками до колѣнъ и было приказано при вице-мундирѣ носить удобные сѣро-синіе рейтузы съ двумя широкими красными лампасами. Это было большимъ облегченіемъ и очень экономично. Бѣлый парадный мундиръ съ кожаными лосинами и высокіи ботфорты, а также красный бальный мундиръ, остались безъ измѣненія.

Для принесенія поздравленія Государю изъ Англіи былъ присланъ герцогъ Веллингтонъ и всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ было приказано ему представиться.

27 февраля. Для встрѣчи тѣла въ Востъ почившаго императора Александра I всѣ государственныя регаліи были высланы съ большою торжественностью въ Чесму.

4 марта. Герольды въ своихъ средневѣковыхъ костюмахъ, сопровождаемые взводами кавалеріи, ѣздили по городу и извѣщали народъ о прибытіи тѣла Государя 6 числа и погребеніи почившаго императора 13 марта. 6 марта состоялось торжественное перевезеніе тѣла покойнаго Монарха, причемъ исполнялось все положенное по церемоніалу. Траурное шествіе растянулось на нѣсколько верстъ ¹⁾. Отъ Московской заставы до Казанскаго собора по обѣимъ сторонамъ улицъ шпалерами стояли гвардейскіе полки въ глубокомъ траурѣ. Нашъ полкъ помѣщался на Сѣнной площади. Тѣло было привезено въ Казанскій соборъ и поставлено тутъ на катафалкъ, убранный съ большою

¹⁾ Изображеніе этого шествія находится въ семейномъ архивѣ бароновъ Каульбарсъ.

роскошью. На другой день я былъ въ нарядѣ при гробѣ. По церемоніалу, у гроба императора стояли все время шесть ротмистровъ или капитановъ, четыре по угламъ, два въ срединѣ, лицомъ къ покойному, держа въ одной рукѣ каску, въ другой обнаженный палаши, по траурному положенію, подъ лѣвою рукою, остриемъ назадъ.

Мое мѣсто пришлось по правую сторону, въ срединѣ, и я долженъ былъ наблюдать, чтобы всѣ явившіеся для поклоненія поднимались бы съ правой и спускались съ моей лѣвой стороны, обходя меня. Отъ этого круговорота въ продолженіе двухъ часовъ у меня сильно закружилась голова. Мы стояли по два часа и, отдохнувъ четыре часа, вновь становились на дежурство у гроба. Для всѣхъ дежурившихъ былъ отведенъ залъ Филармоническаго общества въ домъ Ангельгардта у Казанскаго моста, гдѣ отъ Двора имъ всѣмъ отпускался обѣдъ и ужинъ. Въ девять часовъ утра слѣдующаго дня насъ смѣнили капитаны гвардейской пѣхоты. Впослѣдствіи (въ Москвѣ 31 мая) я получилъ большую серебряную медаль, вычеканенную въ память погребенія Государя Императора Александра I¹⁾.

13-го былъ торжественный выносъ тѣла императора Александра I изъ Казанскаго въ Петропавловскій соборъ крѣпости. Гвардейскіе полки опять стояли шпалерами по сторонамъ улицъ, нашъ полкъ на Марсовомъ полѣ. Церемоніаль перенесенія тѣла былъ тотъ же, что при перевезеніи. При опусканіи гроба въ могилу вся пѣхота и артиллерія открыли огонь залпами, что длилось около четверти часа и произвело на всѣхъ присутствовавшихъ глубокое впечатлѣніе.

20 марта. Въ фехтовальномъ залѣ полка состоялся обѣдъ, данный всѣмъ офицерами полка поправившемуся полковнику барону Велію. Онъ былъ едѣвши флигель-адъютантомъ и плацъ-маіоромъ въ Царскомъ Селѣ.

25 марта. Государь Николай I присутствовалъ на полковомъ праздникѣ. Въ манежѣ былъ парадъ въ пѣшемъ строю, послѣ котораго Государь обошелъ казармы и конюшни. Обѣдъ во дворцѣ, къ которому всегда приглашались офицеры, въ этомъ году, по случаю траура, былъ отмененъ. Теперь усиленно начали готовиться къ коронаціи Государя въ Москвѣ.

Отъ каждаго гвардейскаго пѣхотнаго полка былъ назначенъ 1-ый баталіонъ, отъ гвардейскаго кавалерійскаго полка 1-ый дивизіонъ (2 эскадрона). Какъ пѣхота, такъ и кавалерія составили сводные полки. Кавалергарды, мы и гвардейскіе кирасиры составили сводный кирасирскій полкъ подъ командою нашего командира графа Орлова. Среди назначенныхъ въ Москву офицеровъ находился и я (во 2-мъ эскадронѣ). Нашимъ дивизіономъ командовалъ Вла-

¹⁾ Медаль находится въ архивѣ баронетъ Кнудъбаретъ.

дмѣрій Апраксинъ, а за него передъ лейбъ-эскадрономъ былъ Пьеръ Мятлевъ. 2-мъ эскадрономъ командовалъ полковникъ Цинскій.

13 апрѣля выступили въ Москву. Въ первый день дошли до деревни Кузьмино (подъ Царскимъ Селомъ). Тутъ Пьеръ Мятлевъ подалъ рапортъ о болѣзни и уѣхалъ въ Петербургъ. Какъ старшій за нимъ офицеръ я принялъ командованіе лейбъ-эскадрономъ.

25 апрѣля приплы въ Новгородъ. Въ четыре часа дня всѣ офицеры собрались въ Софійскій соборъ на молебствіе, отслуженное въ присутствіи Императрицы-Матери по случаю проѣзда ея черезъ Новгородъ. Утромъ слѣдующаго дня многіе изъ нашихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и я, поѣхали по озеру Ильмену въ Юрьевскій монастырь, гдѣ обѣдали у настоятеля архимандрита Фотія, благословившаго всѣхъ насъ при отъѣздѣ маленькими образками. Мы долго и внимательно осматривали драгоцѣнности, хранимыя въ этомъ монастырѣ.

4 мая были въ Валдаѣ, 8—въ Коломнѣ. Здѣсь насъ застала печальная вѣсть, что императрица Елисавета скончалась въ маленькомъ городкѣ Бѣлевѣ. Послѣ скучнаго и довольно затруднительнаго марша, 29 мая мы вошли, наконецъ, въ Москву. Передъ самымъ вѣздомъ къ намъ присоединился и выздоровѣвшій Пьеръ Мятлевъ, такимъ образомъ счастливо отбѣлавшійся отъ полуторамъскаго прескучнаго похода. Я всталъ опять передъ моимъ 4-мъ взводомъ 2-го эскадрона. На заставѣ встрѣтили насъ генералъ-губернаторъ князь Голицынъ и повелѣ насъ черезъ городъ. На плацу передъ Кремлемъ онъ пропустилъ насъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ. Послѣ этого мы перенесли Москву-рѣку и остановились на Донской площади, гдѣ для людей и лошадей были выстроены бараки и конюшни. Офицеры были размѣщены по близлежащимъ частнымъ квартирамъ.

Я долженъ сознаться, что ни одинъ городъ не произвелъ на меня такого грандіознаго впечатлѣнія, какъ Москва и въ особенности Кремль. Мнѣ была отведена квартира на Луизицкой улицѣ въ домѣ купца Мухина. Мой братъ Карлъ также прибылъ въ Москву съ конно-піонернымъ эскадрономъ и помѣстился въ Покровскихъ казармахъ. Мы часто посѣщали съ нимъ проживавшаго въ Москвѣ нашего стараго друга полковника Фитингофа и его жену, рожденную фонъ-Моренцильдъ.

31-го, какъ я уже упомянулъ выше, мнѣ была доставлена большая серебряная медаль въ память погребенія императора Александра I. Моя квартира была очень красива, и при ней былъ хорошій садъ, изъ котораго меня угощали великолѣпными сливами. Тѣмъ не менѣе я въ ней оставаться не могъ, такъ какъ всѣ окна квартиры смотрѣли на югъ и въ комнатахъ стояла нестерпимая жара; особенно страдалъ я отъ нея ночью. Поэтому я переехалъ на Кузнечій мостъ къ купцу Толоконникову (на дворѣ у него былъ самый

большой въ Москвѣ заводъ восковыхъ свѣчей). Мнѣ отвели нѣсколько очень elegantныхъ комнатъ.

Не имѣя возможности описать все то, что я видѣлъ въ Москвѣ, все гулянья, ученья, маневры, празднества, я ограничусь здѣсь только перечнемъ тѣхъ, на которыхъ я лично участвовалъ: 3 іюня народное гулянье въ Марьиной рощѣ, 6 іюня народное гулянье въ дворцовомъ саду, 13 іюня крестины въ Чудовомъ монастырѣ великой княжны Елизаветы Михайловны (впоследствии герцогиня Пассауская).

19 іюня ученіе нашего полка передъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, командиромъ своднаго гвардейскаго корпуса. Это ученіе мнѣ особенно памятно, такъ какъ великій князь два раза вызывалъ меня къ себѣ и благодарилъ за правильное направленіе моего взвода и отличное построеніе имъ фронта карьеромъ, причемъ сказалъ: «у Каульбарса взводъ ходитъ всегда, какъ въ ящикъ». 21 іюня въ Петербургѣ было погребеніе скончавшейся императрицы Елизаветы.

27 іюня, послѣ развода, кавалергардъ Бетанкуръ (впоследствии генералъ-адъютантъ) и я выполнили довольно опасное предпріятіе, а именно: мы влѣзли на самый высокій шпигъ креста на Иванѣ Великомъ по устроеннымъ для иллюминаціи лѣсамъ. На самой вершинѣ мы выдѣлали наши фамиліи посредствомъ пряжки моихъ рейтузъ. Слѣзать внизъ было труднѣе, однако все обошлось благополучно.

11 іюля я посѣтилъ имѣніе графа Шереметева Останкино, гдѣ провелъ цѣлый день. 22 іюля, въ день тезоименитства Императрицы-Матери, было поздравленіе въ загородномъ дворцѣ.

24-го мой братъ и я посѣтили шведскаго посланника графа Штедингга и обѣдали у него (впоследствии мы часто посѣщали его домъ, гдѣ всегда были приняты самымъ радушиемъ образомъ. Графъ былъ другъ дѣтства нашего покойнаго дѣда въ Швеціи. Онъ умеръ въ Упсалѣ).

25 іюля. Торжественный въѣздъ Государя, Императрицы и Императрицы-Матери въ Москву. Последняя, ожидая пріѣзда сына, жила въ одномъ изъ имѣній графа Шереметева. Государь и Императрица тоже уже нѣсколько дней тому назадъ прибыли некогда въ Петровский дворецъ.

Конная гвардія, какъ старѣйшій русскій кавалерійскій полкъ, по церемоніалу имѣетъ всегда свое мѣсто на коронаціяхъ и всѣхъ процессіяхъ. Поэтому и на этотъ разъ нашъ дивизіонъ участвовалъ въ процессіи ¹⁾.

¹⁾ Конная гвардія основана императоромъ Петромъ Великимъ (?) вмѣстѣ съ Измайловскимъ полкомъ. 22 сентября 1830 года оба полка праздновали свой столѣтній юбилей. При Петрѣ это былъ первый и единственный гвардейскій кавалерійскій полкъ, что доказываетъ и его названіе—Конный полкъ. При императрицѣ Екатеринѣ II кавалергардовъ, какъ полка, не существовало, а былъ одинъ

Мы выстроились у Петровскаго дворца и вмѣстѣ съ процессіею двинулись впередъ. Мѣсто Государя было какъ разъ за командуемымъ мною 4-мъ взводомъ 2-го эскадрона. Государь пропустилъ мимо себя начало кортежа и лишь когда прошелъ нашъ дивизионъ, поѣхалъ со всею свитою на указанномъ ему церемоніаломъ мѣстѣ—за 2-мъ эскадрономъ нашего полка ¹⁾).

Дулъ сильный вѣтеръ, погода была непріятная, пасмурная. По всей дорогѣ отъ Петровскаго дворца до Кремля полки стояли шпалерами по лѣвой подвѣтряной ея сторонѣ. Правая была предоставлена зрителямъ. Последніе, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, не стояли спокойно на мѣстахъ, а перебѣгали съ мѣста на мѣсто, чтобы лучше видѣть, и толкали другъ друга. При этомъ подымали ужасную черную пыль, которую сильный вѣтеръ относилъ прямо на Государя и на процессію. Мы были покрыты такимъ толстымъ слоемъ пыли, что трудно было узнать масть лошадей и цвѣтъ мундировъ. Лица всѣхъ, не исключая и Государя, были совершенно черныя, изъ нихъ только выдѣлялись бѣлки глазъ.

Государь останавливался у каждой церкви, гдѣ былъ встрѣчаемъ духовенствомъ и окропляетъ свитою водою. Можно себя представить, какой видъ имѣло его лицо, когда вода смѣшивалась съ пылью! Это крупное неудобство можно было предотвратить, поставивъ кавалерію съ другой стороны, а публику съ подвѣтряной. Конечно, никто объ этомъ и не подумалъ. Такимъ образомъ дошли мы до Кремля, гдѣ Государь остался, но уже на другой день переехалъ съ Императрицею въ домъ графини Орловой. Этотъ домъ былъ расположенъ на окраинѣ города въ чудномъ саду и представлялъ собою болѣе тихое и здоровое мѣсто жительства, чѣмъ Кремль. Здѣсь караулы исключительно несъ только одинъ Кирасирскій полкъ. Офицерское же дежурство несли ротмистры всея гвардейской кавалеріи. Нѣсколько разъ очередь доходила и до меня.

По пріѣздѣ Императорской Семьи начались празднества за празднествами. Я назову только тѣ, въ которыхъ участвовалъ.

эскадронъ, въ которомъ служили одни только дворяне и каждый рядовой имѣлъ чинъ капитана арміи. Сама императрица именovala себя полковникомъ этого эскадрона. Императоръ Павелъ I сформировалъ изъ него полкъ съ этимъ же наименованіемъ. Такъ какъ эскадронъ кавалергардовъ всегда стоялъ на правомъ флангѣ всей кавалеріи, то императоръ Павелъ поставилъ на его мѣсто вновь созданный имъ полкъ. Такимъ образомъ не Кошій полкъ, старѣйшій въ гвардейской кавалеріи, а Кавалергардскій стоитъ на правомъ флангѣ всей русской кавалеріи.

¹⁾ Въ 1828 году въ Парижѣ у Огюльмана и К. вышло изданіе Гюпри Графа: «Le Couronnement de l'Empereur Nicolas», которое я приобрѣлъ. Въ этой книгѣ я нашелъ себя изображеннымъ два раза: на стр. I, какъ офицера передъ послѣднимъ взводомъ нашего полка, и на стр. II, какъ офицера, стоящаго передъ полужэскадрономъ. При этомъ долженъ указать, что трубачи, изображенные на стр. I за мною,—выдумка художника, такъ какъ ихъ передъ взводомъ не полагалось и не было.

Книга эта хранится въ архивѣ бароновъ Клаульбарсъ.

28-го іюля—балъ у французскаго посла де-Мармонъ, герцога Рагузскаго.
30-го іюля—парадъ всѣмъ войскамъ, собравшимся въ Москвѣ (60.000 чел.).
Вечеромъ того же дня большой балъ у англійскаго посла герцога Девонширскаго.

2-го августа—кавалерійскій маневръ на Ходынкѣ.

4-го августа—маневръ всѣхъ войскъ и вечеромъ балъ у герцога Рагузскаго.

6-го августа—балъ у герцога Девонширскаго.

10-го августа—большой кавалерійскій маневръ.

11-го августа—балъ у герцога Рагузскаго.

13-го августа—соколиная охота на Ходынкѣ, вечеромъ балъ у герцога Девонширскаго.

14-го—пріѣздъ изъ Варшавы великаго князя Константина.

16-го и 17-го—маневры всѣхъ войскъ въ окрестностяхъ Москвы и вечеромъ балъ у герцога Рагузскаго.

19-го, 20-го и 21-го—оба нашихъ эскадрона разъѣзжали по городу съ герольдами для объявленія по церемоніалу о предстоящемъ 22-го августа коронованіи ¹⁾. Взда съ утра до вечера съ герольдами по улицамъ очень утомила людей и лошадей, тѣмъ болѣе, что мы только что возвратились съ двухдневнаго маневра.

Наконецъ, насталъ и день 22-го августа. Вся церемонія столько разъ описана и всѣмъ извѣстна, что я опишу только то, что лично меня касалось. При входныхъ дверяхъ церкви стояли часовыми два кавалергардскихъ ротмистра, а при выходныхъ два ротмистра конной гвардіи; одинъ изъ нихъ я. И имѣлъ возможность слѣдить за ходомъ церемоніи. По случаю коронаціи городъ былъ великолѣпно иллюминированъ, въ особенности Кремль, который множествомъ освѣщенныхъ башенъ и башенокъ производитъ феерическое впечатлѣніе. Надо было самому видѣть это зрѣлище, чтобы имѣть о немъ понятіе. Иванъ Великій былъ похожъ на гигантское пальмовое дерево. Иллюминація продолжалась три дня.

26-го августа—принесеніе поздравленій Ихъ Величествамъ.

27-го августа—принесеніе поздравленій Императрицѣ-Матери и вечеромъ bal paré въ Грановитой палатѣ, особенно интересной по своей старинной византійской архитектурѣ.

28-го—балъ у Сардинскаго посланника графа де-Бриньоль-Саль.

1-го сентября—маскарадъ въ Большомъ театрѣ въ присутствіи Императорской фамиліи.

¹⁾ Въ книгѣ: «Le couronnement de l'Empereur Nicolas», стр. II, я изображенъ передъ заводомъ.

3-го сентября—большой парадъ всѣмъ войскамъ (60.000 чел.). Въ этотъ же день московское купечество дало блестящій обѣдъ на восемьсотъ кувертовъ Императорской Семьѣ и всѣмъ офицерамъ. Обѣдъ былъ сервированъ въ экзерциргаузѣ, какъ самое просторное помѣщеніе въ Москвѣ. Манежъ былъ раздѣленъ на три части; первая была убрана тропическими растеніями, образовавшими бесѣдки съ безконечнымъ числомъ столиковъ, обставленныхъ всевозможными водками и закусками. Вторая часть, освѣщенная многими тысячами восковыхъ свѣчей—представляла столовую. Въ третьей части помѣщались кухни, буфеты и т. д. Все было великолѣпно и блестяще убрано и устроено. Говорятъ, этотъ обѣдъ обошелся около восьмидесяти тысячъ рублей ассигнаціями. Къ сожалѣнію, къ концу обѣда жара была нестерпимая.

6-го сентября—дворянство Московской губерніи давало Императорской Семьѣ великолѣпный балъ въ своемъ чудномъ залѣ.

8-го сентября—коронаціонный балъ у герцога Рагузскаго, на которомъ до шести часовъ утра подавалось три ужина, одинъ за другимъ.

9-го—спектакль-гала въ Большомъ театрѣ.

10-го—коронаціонный балъ у герцога Девонширскаго.

12-го сентября—коронаціонный балъ у князя Юсупова. Ужинъ сервированъ въ театрѣ.

13-го сентября—спектакль-гала для всѣхъ офицеровъ и четырехъ тысячъ солдатъ.

16-го сентября—народное гулянье на Дѣвичьемъ полѣ.

21-го сентября—императоръ Николай I подарилъ прусскому королю нѣсколько лошадей ¹⁾. Въ числѣ офицеровъ, назначенныхъ для передачи ихъ, былъ и мой братъ Карлъ.

Въ довершеніе всѣхъ коронаціонныхъ празднествъ, 22-го числа былъ большой фейерверкъ, во время котораго въ каждомъ антрактѣ былъ пускъ

¹⁾ Въ сентябрѣ 1826 года императоръ Николай подарилъ прусскому имени Своего крестному полку пятьдесятъ великолѣпныхъ ремонтныхъ лошадей. Для отвода и передачи ихъ королю былъ назначенъ кавалергардскій полковникъ фонъ-Гринвальдъ и въ помощь ему того же полка ротмистръ Тимковский, гвардейскаго конно-пѣхотнаго дивизіона поручикъ баронъ Каульбарсъ (мой братъ) и гвардейской конной артиллеріи поручикъ баронъ Меллеръ-Закомельскій.

Прусскій король принялъ ихъ въ Берлинѣ очень милостиво, помѣстивъ ихъ во дворцѣ и они считались его гостями. Мой братъ, поручикъ баронъ Каульбарсъ, получилъ за эту побѣдку отъ прусскаго короля брилліантовый перстень съ его шифромъ, малую серебряную медаль въ память постановки монумента на Крейцбергѣ, въ Берлинѣ, двѣ книги съ изображеніемъ прусскихъ войскъ и ордень св. Іоанна. По возвращеніи въ Россію, онъ получилъ отъ Государя Николая I ордень св. Анны 3-й степени. Такія же награды получили и другіе офицеры, бывшіе въ этой командировкѣ.

Книги съ изображеніями прусскихъ войскъ (пѣхоты и кавалеріи) хранятся въ архивѣ баронъ Каульбарсъ. Это прекрасныя, художественно раскрашенные гравюры Югеля 1827 г. съ ориг. Лидера и Крюгера: «Darstellung des Königlich Preussischen Cavalerie» и «Infanterie»).

букетъ изъ десяти тысячъ ракетъ сразу. Въ концѣ фейерверка былъ пущенъ букетъ изъ шестидесяти четырехъ тысячъ ракетъ. Было много приглашенныхъ, и восемь гвардейскихъ ротмистровъ были назначены для того, чтобы проводить дамъ, по цвѣту ихъ пригласительнаго билета, на назначенныя имъ мѣста. Въ этотъ нарядъ пошелъ и я. Мы страшно устали. Нѣсколько часовъ подрядъ приходилось подниматься и спускаться по великолѣпно освѣщенной парадной лѣстницѣ кадетскаго корпуса, съ балкона котораго Императорская Семья и всѣ приглашенныя дамы любовались фейерверкомъ.

Возвращавшуюся домой публику ожидалъ еще сюрпризъ. Государь, не предупреждая никого, приказалъ еще разъ освѣтить Кремль и еще грандіознѣе, чѣмъ въ предыдущіе вечера. Нельзя было оторвать глазъ отъ этого зрѣлища.

Я не въ состояніи описать всѣхъ обѣдовъ, вечеровъ и баловъ въ частныхъ домахъ, но не могу не вспомнить дома вдовствовавшей генеральши Кологривовой, въ которомъ братъ и я были приняты, какъ родные.

Какъ все имѣетъ свой конецъ, такъ и для насъ наступила пора покинуть гостепріимную Москву, 9-го числа мы выступили. Четыре мѣсяца и десять дней прошли, какъ сонъ. Нашъ дивизионный командиръ Владиміръ Апраксинъ получилъ отпускъ и остался въ Москвѣ, а командиръ 2-го эскадрона полковникъ Цинскій принялъ командованіе надъ дивизиономъ. И велъ вмѣсто него 2-й эскадронъ. Обратный путь былъ крайне затруднителенъ, постоянные дожди, иногда снѣгъ, бури и холодъ сильно утомляли людей и лошадей. Пользуясь остановкою на нѣсколько дней въ Новгородѣ, я съѣздилъ въ военныя поселенія и посѣтилъ тамъ своихъ старыхъ друзей Георгія фонъ-Швенгельма и генерала Карла Антоновича Криденера.

17-го ноября, во время солнечнаго затменія, мы вступили въ Петербургъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ встрѣтилъ полкъ у Московской заставы.

Это лѣто, благодаря пребыванію въ Москвѣ на коронаціи, принадлежитъ къ интереснѣйшимъ періодамъ моей жизни.

18-го ноября. Всѣ офицеры представлялись великому князю Михаилу, назначенному командиромъ гвардейскаго корпуса. Онъ благодарилъ насъ за порядокъ и за блестящій видъ частей въ Москвѣ.

14-го декабря—императоръ Николай посѣтилъ казармы Конной гвардіи и вспоминалъ съ офицерами и солдатами о происшествіяхъ этого числа въ прошломъ году ¹⁾.

1827-й годъ. 1-го января—большой маскарадъ въ Таврическомъ дворцѣ.

7-го—кавалерійскій парадъ.

9-го—я взялъ отпускъ и уѣхалъ къ сестрѣ въ Липпенбахъ, пробылъ тамъ нѣсколько дней и поѣхалъ въ Меддерсъ, куда прибылъ 14-го числа.

¹⁾ Пока служилъ въ полку хоть одинъ солдатъ, участники 14-го декабря 1825 года на площади императоръ Николай I въ годовщину этого дня посѣщали казармы конной гвардіи.

1-го февраля я поехалъ съ сестрою Луизою и кузиною Антоной Россинсонъ въ Ревель. Сюда же 4-го прибыли моя мать съ сестрою Софией и теткою Адеркасъ (рожд. баронесса Штапельбергъ). Отецъ по дѣламъ службы находился уже въ Ревель.

Я часто посѣщалъ театръ, обѣды, балы и маскарады.

8-го марта—я возвратился въ Петербургъ и, явившись великому князю Михаилу Павловичу, принялся за службу.

2-го апрѣля—послѣ заутренн Государь христосовался съ нами и мы подходили къ ручкѣ Императрицы. Балнаны на Пасхальной недѣлѣ были въ этомъ году особенно удачны, все высшее общество Петербурга посѣщало ихъ. Особеннымъ успѣхомъ пользовались извѣстный бѣдокъ Турнверъ, фокусникъ Леманъ и рѣдкостные зверинцы.

11-го апрѣля—я принялъ командованіе (временное) надъ 5-мъ эскадрономъ.

24-го—я былъ званъ на французское представленіе съ небольшимъ балетомъ въ театрѣ Императорскаго Эрмитажа.

2-го мая—майскій парадъ всѣхъ гвардейскихъ частей, а 3-го—отдѣльный парадъ всей кавалеріи.

24-го—мнѣ доставили серебряную медаль, вычеканенную въ память св. коронованія Государя Императора ¹⁾.

14-го іюня—въ двѣнадцать часовъ ночи мы выступили на большіе маневры, дошли до Царскаго Села и стали бивакомъ.

15-го—шли маневромъ на Красное Село, гдѣ и остались.

По дорогѣ со мною приключилась очень непріятная исторія. Проходи большимъ аллюромъ черезъ густой кустарникъ, моя лошадь вдругъ провалилась со мною въ глубокую яму съ глиною или непокрытый старый колодезь. Грязь сейчасъ же начала насъ въ себя затягивать. Меня вытащили нѣсколько нашихъ кирасиръ, живо соскочившихъ съ лошадей; съ лошадью же пришлось очень долго повозиться. Бѣдное животное опускалось все глубже и глубже въ грязную глину, его удерживали на поверхности только поводьями. Наконецъ подошли люди съ жердями и досками, посредствомъ которыхъ удалось наконецъ вытащить несчастную лошадь изъ ямы. Покрытые съ головы до ногъ липкою грязью, мы прибыли въ Красное Село.

23-го іюня—большой кавалерійскій маневръ въ присутствіи Государя.

Мой братъ Карлъ возвратился изъ Берлина, куда отводить лошадей, и почевалъ у меня.

11-го іюля—парадъ гвардейскому корпусу.

23-го—покинули Красное Село и въ часу ночи прибыли въ Стрѣльну, гдѣ остались почевать, а утромъ ушли въ Петербургъ. Здѣсь я встрѣтилъ Ми-

¹⁾ Медаль эта хранится въ семейномъ архивѣ бароновъ Каульбарсъ.

завяку Майдель (впоследствии г-жа фонъ-Вольская) съ теткою баронессою Унгернъ-Штернбергъ, которыхъ возить по Петербургу и показывать всѣ достопримѣчательности.

25-го сентября—на разводѣ начальникъ генеральнаго штаба генералъ Пейдгартъ сообщилъ мнѣ, что по Высочайшему повелѣнію я и три другихъ офицера назначены для выбора людей изъ армейской кавалеріи въ гвардейскую. Кромѣ прогонныхъ денегъ было приказано выдать намъ полугодовой окладъ жалованія (600 руб.), какъ вспоможеніе для очень затруднительной въ это время года поѣздки. Чтобы не трестись много тысячъ верстъ на почтовыхъ телегахъ, я купилъ себѣ небольшую дорожную коляску.

13-го октября—передъ отъѣздомъ я присутствовалъ на спускѣ большого 120-ти-пушечнаго корабля «Императоръ Александръ І-й», заѣхалъ къ графу (нынѣ князю) Кочубею, гостившему съ семействомъ у насъ въ Медерсъ, во время проѣзда изъ Ревеля въ Петербургъ, и, простившись на долгое время со всеми друзьями и знакомыми, 19-го октября пустился въ путь.

26-го—проѣхалъ Повгородъ, почевалъ со страшною зубною болью въ Валдаѣ. Здѣсь и встрѣтилъ стараго друга—штабсъ-капитана гвардейскаго сапернаго баталіона Александра фонъ-Бухмейера (впоследствии генералъ-лейтенантъ, умеръ въ Петербургѣ). Онъ былъ посланъ Паскевичемъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о взятіи Эривани и везъ множество персидскихъ знаменъ для передачи ихъ Государю.

21-го—проѣхалъ Торжокъ, 22-го Тверь, 23-го прибылъ въ Москву, гдѣ сейчасъ же отправился къ Толочонникову, такъ любезно пріютившему меня во время коронаціи. При отъѣздѣ я далъ ему слово, что когда мнѣ опять придется быть въ Москвѣ, то я непременно остановлюсь у него. 24-го и 25-го—провелъ у моихъ гостепріимныхъ хозяевъ, посетилъ многихъ знакомыхъ и 26-го—по страшной распутицѣ и грязи продолжалъ путь (въ тѣ времена шоссе существовало только между Москвою и Петербургомъ). Я проѣхалъ городъ Подольскъ, перебрался черезъ рѣку Пахру и ночевалъ въ Серпуховѣ, гдѣ приказалъ себѣ на ужины уху изъ стерлядей, которыя при мнѣ были пойманы.

27-го—продолжалъ путь. На паромѣ перѣехалъ черезъ широкую рѣку Оку и по ужаснымъ кочкамъ (ночью былъ сильный морозъ) съ трудомъ доѣхалъ до города Тулы, гдѣ остался ночевать.

28-го—утромъ осматривалъ городъ и оружейный заводъ, послѣ чего выѣхалъ. Съ трудомъ достигъ Сергіевска, гдѣ пришлось отдохнуть.

29-го. Недалеко отъ Мценска сломалась ось моей коляски, пришлось ее отправить въ Орелъ, а самому ѣхать туда же на почтовой телегѣ по ужаснымъ кочкамъ и рытвинамъ. Въ два часа ночи я прибылъ туда, экипажъ мой былъ привезенъ въ пять часовъ утра. Въ Орлѣ стоялъ штабъ 2-ой гусарской дивизіи (генералъ-лейтенантъ баронъ Будбергъ). Порученіе мое заклю-

чалось въ слѣдующемъ: изъ полковъ 2-й, 3-й и 4-й гусарскихъ и 4-й кирасирской дивизіи, т. е. изъ шестнадцати полковъ, я долженъ былъ выбрать людей для гвардейской кавалеріи. По инструкціи, изъ каждаго полка я долженъ былъ выбрать пять человѣкъ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ имѣть не менѣе двухъ аршинъ и девяти вершковъ росту, четыре другихъ не менѣе восьми вершковъ, быть хорошаго сложенія, имѣть не менѣе пяти лѣтъ службы и ни одного высканія за все это время. Генерала Будберга и его семью я зналъ еще въ Ревелѣ и былъ ими очень любезно принятъ. Въ Орлѣ стоялъ кромѣ того штабъ Павлоградскаго гусарскаго полка (генераль Оффенбергъ, впоследствии командиръ Конной гвардіи). Сюда къ 2-му ноября были присланы на мой выборъ люди изъ всѣхъ эскадроновъ, имѣвшіе ростъ семь вершковъ и болѣе. Казалось бы, что было очень легко изъ цѣлаго полка выбрать только пять человѣкъ, но дѣль же это оказалось очень затруднительнымъ. Въ полкахъ почти не было такихъ большихъ людей, какъ мнѣ требовалось (самые красивые и рослые солдаты были переведены изъ гвардіи за какія нибудь провинности и избранію не подлежали). По возвращеніи изъ командировки я узналъ, что мои коллеги по выбору людей, а именно Кавалергардскаго полка Ланской, конной артиллеріи Мейлеръ-Закомельскій и конно-гренадеръ Ливландъ отнеслись къ этому дѣлу очень просто. Изъ тѣхъ полковъ, гдѣ людей удовлетворявшихъ инструкціи не оказывалось, они брали одного, двухъ, трехъ, а иногда и никакого, о чемъ рапортами доносили въ Петербургъ. Благодаря этому они, конечно, не набрали требуемаго количества людей. Въ гвардейской кавалеріи былъ большой недостатокъ солдатъ, и я былъ въ критическомъ положеніи. Наконецъ, я рѣшилъ дѣло слѣдующимъ образомъ. Въ тѣхъ полкахъ, гдѣ совершенно отсутствовали инструкціи людей не находилось, и все же выбиралъ полное число въ пять человѣкъ отъ каждаго полка изъ числа наиболѣе подходившихъ. Имѣя приказаніе отъ великаго князя Михаила Павловича спосылтись лично съ нимъ рапортами, я донесъ о моемъ распоряженіи и просилъ приказанія Его Высочества прямо въ полки, всѣхъ ли или какихъ именно людей надлежитъ выслать въ Петербургъ.

Великій Князь одобрилъ мое распоряженіе и приказалъ выслать въ Петербургъ всѣхъ безъ исключенія выбранныхъ мною людей.

Въ Орлѣ я провелъ нѣсколько очень пріятныхъ дней, бывалъ у Будберга, у губернатора Сонцова и часто видѣлся съ двумя старыми полковыми товарищами по Конной гвардіи, полковниками Чертковымъ и Куликовскимъ.

Изъ Орла я поѣхалъ въ Ливны, куда по отвратительнѣйшей дорогѣ добрался 5-го ноября. Здѣсь стоялъ гусарскій эрцъ-герцога Фердинанда полкъ (Пзюмскій гусарскій полкъ, командиръ полковникъ Кунферъ). И здѣсь я встрѣтилъ друзей и знакомыхъ, земляка поручика барона Леопарда Унгерль-Нтериберга и д. гв. Гусарскаго полка графа Шонзель-Гуфье съ его предѣстною

женою, рожденной княжною Голицыной. Вспоминали жизнь въ Петербургѣ, балы, на которыхъ вмѣстѣ танцовали, и я часто игралъ съ графинею въ четыре руки на фортепьянахъ. И въ этомъ полку мнѣ не удалось выбрать людей, строго отвѣчавшихъ инструкціи: изъ пяти трое были немного меньше требуемаго роста.

7-го ноября—я поѣхалъ въ Дмитровскъ, куда пріѣхалъ совершенно разбитымъ; дорога была убійственная.

9-го числа въ десять часовъ утра я выбралъ людей изъ Иркутскаго гусарскаго полка (командиръ полковникъ Пучекъ).

11-го—пріѣхалъ въ Сѣвскъ и 12-го выбиралъ людей изъ Елизаветградскаго гусарскаго полка (командиръ полковникъ Рашевскій). Эти четыре полка составляли 2-ю гусарскую дивизію, въ которой я такимъ образомъ окончилъ выборъ людей. Я остался здѣсь до 15-го числа и поѣхалъ затѣмъ въ Глуховъ. Этотъ городъ дорогъ для нашей семьи воспоминаніями. Въ немъ многіе годы жилъ и командовалъ дивизіею генералъ-лейтенантъ Карлъ фонъ-Каульбарсъ, нашъ дяди и благодѣтель. Здѣсь же провелъ первые годы службы и мой отецъ, будучи адъютантомъ дяди и числясь въ Глуховскомъ карабинерномъ полку. Могилы дяди я уже не нашелъ, такъ какъ городъ разросся и кладбище вошло въ черту его и застроилось домами. Однако же въ церкви я нашелъ его надгробную плиту, вѣдланную въ стѣну подъ лѣстницею. Въ городѣ жилъ очень старый полиціймейстеръ Гернеть, еще помнившій покойнаго дядю.

16-го ноября—черезъ Кролевецъ поѣхалъ въ Батуринъ, куда пріѣхалъ ночью.

17-го утромъ—изъ гостиницы перебрался къ моему старому другу полковнику Эдуарду фонъ-Левенштерну, командовавшему здѣсь Митавскимъ гусарскимъ полкомъ (4-ой гусарской дивизіи).

20-го. Выбралъ людей для гвардіи и осмотрѣлъ городъ, а также то мѣсто, гдѣ когда-то стоялъ дворецъ Мазепы. Затѣмъ съѣздили въ замокъ князя Разумовскаго и осмотрѣлъ его.

24-го—пріѣхалъ сюда полковникъ Гротенгельмъ и я, воспользовавшись случаемъ, поѣхалъ съ нимъ въ Борзну, гдѣ стоялъ его Кіевскій гусарскій полкъ. Здѣсь я познакомился съ его женою, рожденною фонъ-Редеръ, изъ Берлина. Съ нею много игралъ въ четыре руки. Во время моего пребыванія въ Борзнѣ пришло извѣстіе о знаменитомъ морскомъ сраженіи при Наваринѣ. Недалеко отъ Борзны находилось мѣстечко Ивангородъ, извѣстное по битвѣ съ татарами. Гротенгельмъ свезъ меня туда и показалъ мнѣ все интересное. 24-го я выбралъ людей и 25-го вернулся въ Батуринъ, гдѣ оставилъ своей экипажъ. Отсюда я поѣхалъ въ Ромны и 27-го выбралъ людей изъ Ингерманландскаго гусарскаго полка (командиръ полковникъ Гельдъ). Здѣсь

не было ни одного подходящаго человѣка, и я потребовалъ новаго привода, выбрать изъ него людей и только 29-го прибылъ въ Прилуки. Тутъ стоялъ Нарвскій гусарскій полкъ (командиръ полковникъ фонъ-Гельфрейхъ; онъ былъ впоследствии командиромъ 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса); командира полка я зналъ уже давно. 1-го декабря я выбралъ людей. Этимъ я и кончилъ выборъ людей въ гвардію въ 4-й гусарской дивизіи! Въ трехъ верстахъ отъ города въ своемъ имѣніи жилъ мой бывшій товарищъ по Конной гвардіи Велличко. Я, конечно, посетилъ его и провелъ у него нѣсколько дней. Полковникъ Гельфрейхъ и я ѣздили 4-го декабря въ Варваринъ день къ предводителю дворянства Закревскому, жена котораго была имянинница. Тутъ мы остались и почевать. Былъ очень веселый день, завтракъ, обѣдъ и балъ. Здѣсь я опять встрѣтилъ двухъ знакомыхъ—братьевъ Цеге изъ Куркюля, офицеровъ гусарскаго полка. На другой день, тотчасъ послѣ большого завтрака пришлось уѣхать, такъ какъ предстоялъ далекій путь. Черезъ Днѣпръ и переправились у Переяславля и вечеромъ прибылъ въ Кіевъ.

7-го декабря явился корпусному командиру генералу Рудзевичу и генераль-губернатору Желтухину, осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности города, церкви, могилы и катакомбы въ пещерахъ. 8-го выѣхалъ въ дальнѣйшій путь. Проѣхавъ Радомысль, въ тотъ же день прибылъ въ Житомиръ, гдѣ посетилъ вице-губернатора барона Врангель-Сомнэ. Съ нимъ осматривалъ городъ. Выѣхавъ изъ Житомира, 9-го вечеромъ прибылъ въ Бердичевъ. Тутъ я явился начальнику дивизіи генералу Ридигеру (3-я гусарская дивизія) и бригадному командиру генералу фонъ-денъ-Вринкенъ.

Здѣсь стоялъ гусарскій фельдмаршала князя Виттенштейна полкъ, командиръ котораго полковникъ Кизмеръ былъ моимъ старымъ хорошимъ знакомымъ еще въ то время, когда онъ служилъ л.-гв. въ Уланскомъ полку. Съ нимъ и землякомъ моимъ графомъ Понтусомъ Стенбокъ изъ дома Селти, офицеромъ его полка, я провелъ очень симпатичный день. 12-го я выбралъ людей и 13-го уѣхалъ въ Троиновъ.

14-го я выбралъ людей изъ Александрійскаго гусарскаго полка (командиръ полковникъ Мураньевъ).

16-го въ Любарѣ выбралъ людей изъ Ахтырскаго гусарскаго полка (командиръ полковникъ Печволодовъ) и въ тотъ же день вернулся въ Бердичевъ, гдѣ остановился у Кизмера, произведеннаго во время моего короткаго отсутствія въ генераль-маіоры.

17-го декабря Кизмеръ повезъ меня въ монастырь кармелитовъ, гдѣ мнѣ показывали подземную церковь. Монахи подарили мнѣ на память календарь¹⁾.

¹⁾ Календарь хранится въ архивѣ бароновъ Каульбарсъ.

18-го я отправился въ Сквиру, гдѣ 20-го выбралъ людей изъ гусарскаго принца Оранскаго полка (командиръ полковникъ Плаутингъ). Этимъ я покончилъ съ 3-ей гусарской дивизіей.

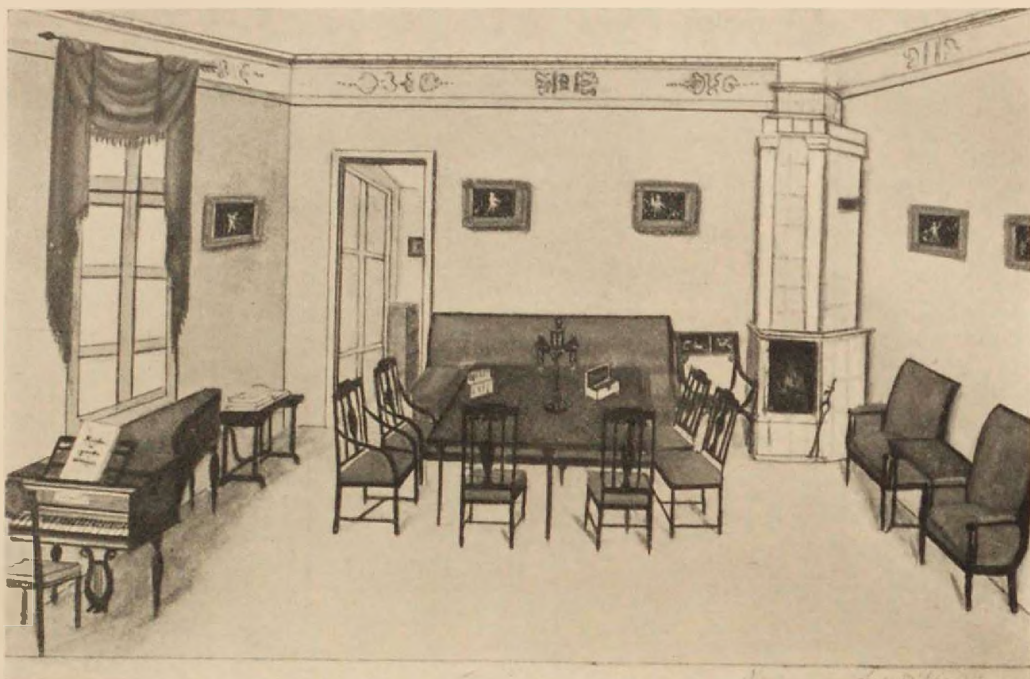
21-го—я поѣхалъ далѣе черезъ Бѣлую Церковь и Богуславъ. Тутъ со мною приключилось пренепріятная исторія.

На полдорогѣ между станціями сломалась задняя ось моей коляски, и мнѣ не оставалось ничего сдѣлать иного, какъ сѣсть на одну изъ пріестыжныхъ лошадей и проѣхать пятнадцать верстъ въ двадцати градусную стужу до станціи Москаленки. Къ моему счастью, свѣтила луна, благодаря чему я не сбился съ пути въ этой необозримой степи. Со станціи я отправилъ немедленно людей съ доскою и жердями за коляскою, которую привезли только къ утру. На станціи не было возможности исправить ось коляски, и я былъ въ критическомъ положеніи. Къ счастью для меня, повалилъ густой снѣгъ, и я придумалъ слѣдующую комбинацію. Я купилъ простыя розвальни и привязалъ на нихъ свою коляску, снявъ съ нея колеса, и въ этомъ импровизированномъ экипажѣ кое какъ продолжалъ путь. При двадцатиградусномъ морозѣ 22-го числа миновалъ Новомиргородъ, 23-го числа Елизаветградъ и вечеромъ того же дни прибылъ въ Новую Прагу (Петриковка), гдѣ остановился у моего стараго полковаго товарища полковника Георгія фонъ-Мейендорфа¹⁾, командовавшаго кирасирскимъ принца Альберта полкомъ. У него я встрѣтилъ и другого товарища, полковника барона Карла Пиларъ фонъ-Пильхау, командовавшаго недалеко отсюда кирасирскимъ великой княгини Елены Павловны полкомъ (Новгородскій кирасирскій полкъ). Такъ какъ былъ праздникъ Рождества Христова, то я не производилъ выбора людей и пробылъ здѣсь до 26-го декабря, когда пустился въ дальнѣйшій путь и, проѣхавъ Александрію и Кременчугъ, прибылъ 27-го декабря въ Полтаву. Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности города, въ особенности поле сраженія и все, что напоминало Петра Великаго, въ тотъ же вечеръ продолжалъ путь.

28-го проѣхалъ Валки и вечеромъ достигъ Харькова.

29-го явился начальнику 1-й кирасирской дивизіи генералъ-лейтенанту Ершову и провелъ въ Харьковѣ нѣсколько очень пріятныхъ дней. Часто посѣщалъ знакомыя мнѣ семейства Катаржи, Лосевыхъ, лютеранскаго пастора Розенштрауха, Шербиинныхъ и профессора Ольденбургера. Новый годъ встрѣтилъ на блестящемъ балу въ дворянскомъ клубѣ.

¹⁾ Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и оберъ-италмейстеръ. Съ кирасирскимъ принца Альберта полкомъ онъ произвелъ знаменитую атаку при Гроховѣ.

Салонъ Балабининыхъ на дачѣ «Monsalm» бл. Сергіевской пустыни
19 окт. 1825 г.

Имѣніе бароновъ Каульбарсъ-Меддерсъ, Везенбергскаго уѣзда,
Эстляндской губерніи въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія.

1828-й годъ. 1-го января я переехалъ изъ гостиницы къ майору Фрей, любезно пригласившему меня остановиться у него. Я сдѣлалъ много поадражительныхъ визитовъ. 2-го числа, оставивъ большую часть своихъ вещей у Фрея, я поѣхалъ въ Водолагу, имѣніе г-жи Дуниной. У нея жилъ мой дядя генералъ-отъ-кавалеріи графъ Карлъ Сиверсъ, изъ Вендена, съ женою, рожденною Дуниною, и прелестною дочерью графинею Минодорою. Кромѣ графини, тутъ были и другія замужнія дочери Дуниной, госпожи Бахметева, Черепанова и генеральша Гревсъ и единственная незамужняя дочь Варвара (впослѣдствіи вышедшая замужъ за генерала барона Пиларъ фонъ-Пильхау). Кромѣ семьи, тамъ гостили еще госпожа Похвиснева (рожденная Захаржевская, сестра нашего полковника) и графиня Бенкендорфъ, жандармскій ротмистръ Локаталли и родственникъ мой майоръ Астраханскаго кирасирскаго полка баронъ Менгенъ. Очень радушно принятыи, я провелъ здѣсь нѣсколько въ высшей степени симпатичныхъ дней и много мушкетировалъ съ моею прелестною кузиною.

4-го января, въ день рожденія тетки, былъ большой обѣдъ и балъ.

5-го числа я поѣхалъ съ барономъ Менгенъ въ Зміевъ, гдѣ явился командиру Астраханскаго кирасирскаго полка полковнику Кутлеру и въ деревнѣ Гинѣевкѣ выбралъ людей для гвардіи. 6-го поѣхалъ въ Балаклею, почивалъ у генерала Катаржи и 7-го числа здѣсь же выбралъ людей изъ Псковскаго кирасирскаго полка. Вечеромъ уѣхалъ въ Чугуевъ къ полковнику фонъ-Щуръ-Мюленъ, командиру Глуховскаго кирасирскаго полка, гдѣ на слѣдующее утро выбралъ людей. Въ тотъ же день прослѣдовалъ дальше въ Мартаву къ полковнику Рингтонъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, гдѣ тоже выбралъ людей для гвардіи. Этимъ покончилъ съ 4-ю кирасирскою дивизіею и исполнилъ порученное мнѣ по Высочайшему повелѣнію дѣло. Въ послѣдній день произошло странное событіе, о которомъ не могу не упомянуть. Какъ разъ при выборѣ людей, по неизвѣстной причинѣ, загорѣлась крыша помѣщенія, въ которомъ мы находились. Я немедленно отпустилъ забракованныхъ

для гвардіи людей для тушенія, а съ остальными спокойно продолжать свое дѣло. Пожаръ былъ скоро затушенъ. На обратномъ пути въ Чугуевъ я сбился съ дороги въ степи и при сильной метели только поздно ночью возвратился домой къ Молену.

9-го числа, очень довольный, что благополучно окончилъ возложенное на меня отвѣтственное дѣло, я возвратился въ Харьковъ прямо къ майору Фрею и рѣшилъ отдохнуть здѣсь нѣсколько дней. Мои родственники Сиверсъ перѣѣхали сюда еще къ Крещенію. И пробылъ здѣсь шесть дней и провелъ время пресвѣтло. Обѣды, поѣздки на санихъ и балы чередовались у всѣхъ моихъ знакомыхъ, и я съ грустью покинулъ этотъ гостепріимный городъ.

17-го пустился въ обратный путь въ Петербургъ. Проѣхавъ Вѣлгородъ и Обоянь, прибылъ въ Курскъ. Осмотрѣвъ городъ, поѣхалъ дальше. Дороги были въ неописуемомъ состояніи. Тысячи возовъ, тянувшихся въ Харьковъ на ярмарку, сдѣлали ихъ прямо-таки непролазными. Вся дорога была покрыта сугробами глубокаго снѣга; экипажъ, заѣхавшій на его дно, не былъ виденъ со стороны. Весь, шириною въ пятьдесятъ саженей, шляхъ былъ покрытъ ими и со стороны имѣлъ видъ сразу остывшаго бушующаго моря. Выбирать дорогу не было никакой возможности. И ѣхалъ въ своей коляскѣ, привязанной на крѣпкія розвальни. Однако же, не добывая Орла, онѣ не выдержали тряски, совершенно разсыпались и я остался въ полѣ. Къ счастью, меня нагнали возвращавшіяся въ Орелъ порожнія почтовые сани, которыми я воспользовался и достигъ города 19-го числа. Здѣсь я остановился у моего бывшаго товарища Куликовского. Поздно вечеромъ привезли мою коляску. Я прожилъ нѣсколько дней въ Орлѣ, посѣтилъ всѣхъ знакомыхъ. Пришлось подумать о другомъ способѣ передвиженія,—въ коляскѣ ѣхать дальше не было возможности. Поэтому я купилъ себѣ кибитку. Коляску свою я отпраздновалъ съ крестьяниномъ прямо въ Петербургъ, куда она прибыла 25 февраля.

21-го января я проѣхалъ Мценскъ, 22-го Тулу и Серпуховъ, 23-го Подольскъ и къ полудню этого же дня прибылъ въ Москву, гдѣ остановился у моего друга купца Толоконникова, встрѣтившаго меня съ всегдашнимъ радушіемъ и любезностью. Въ Москвѣ я провелъ нѣсколько дней, посѣтилъ всѣхъ друзей и знакомыхъ. Особенно радъ былъ видѣть семью генеральни Кологривовой. Со времени коронаціи она уже успѣла выдать замужъ двухъ дочерей, третья же Марія была невѣстою казанскаго вице-губернатора Смирнова, какъ разъ въ это время ѣздившаго въ отпускъ въ Петербургъ. И былъ свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицомъ одного очень интереснаго происшествія.

25-го вечеромъ я былъ съ Кологривовыми въ ихъ ложѣ въ Большомъ театрѣ. Вдругъ въ девять часовъ вечера приближалъ ихъ человекъ и про-

силъ генеральшу сейчасъ же прѣхать домой. Мы немедленно всѣ вернулись въ квартиру Кологривовыхъ и тутъ оказалось слѣдующее. Женихъ младшей барышни прѣхать изъ Петербурга и долженъ былъ немедленно съ очень важнымъ порученіемъ ѣхать въ Казань, гдѣ его могли задержать на неопредѣленное время. Этимъ свадьба откладывалась въ долгій ящикъ. Совѣтывались, спорили, говорили и наконецъ рѣшили ихъ сейчасъ же обвѣнчать. Этотъ день былъ среда на Масляной недѣлѣ и послѣдній день, въ который по православному обряду можно было вступать въ бракъ. До полуночи оставалось менѣе двухъ часовъ, тѣмъ не менѣе немедленно взялись за дѣло. Отправились всѣмъ обществомъ въ ближайшую церковь, вывалили пригнѣ и освѣтили церковь. Кромѣ меня, еще нѣсколько человекъ знакомыхъ фигурировали свидетелями и шаферами, и ровно въ полночь по церковнымъ часамъ счастливо окончили вѣнчаніе (при этомъ долженъ сознаться, что мы, шафера, переставили часы въ церкви на полчаса назадъ, чѣмъ очень помогли дѣлу). Изъ церкви отправились домой, гдѣ насъ ожидалъ великолѣпный ужинъ съ шампанскимъ, за которымъ сидѣли до четырехъ часовъ ночи.

Наскоро собравшись, молодые уѣхали въ шесть часовъ утра въ Казань. Утромъ и я простился съ моими милыми друзьями, семьею Кологривовыхъ и гостепріимнымъ хозяиномъ Толоконниковымъ, и отбылъ въ Петербургъ. Минувать Клинъ и ночью Тверь, 27-го — Торжокъ и Вышній Волочекъ, 28-го — Валдай и Новгородъ, я 29-го января достигъ Петербурга, проѣхавъ въ общемъ четыре тысячи девятьсотъ восемьдесятъ одну версту ¹⁾.

Когда я явился великому князю Михаилу Павловичу, онъ выразилъ мнѣ одобреніе за мою распорядительность, за то, что я не придерживался исключительно роста, и былъ очень доволенъ присланными людьми. Часть ихъ, а именно люди 2-й гусарской дивизіи уже успѣли прибыть. Государь Императоръ, которому представили этихъ людей, также вполне одобрилъ мой выборъ.

Первые дни моего пребыванія въ Петербургѣ прошли въ явкахъ по службѣ и визитахъ къ друзьямъ и знакомымъ. Въ Варваринъ день я подарилъ всѣмъ моимъ знакомымъ Варварамъ (между ними Варенькѣ Мятлевой) кольца и иконы съ могилы св. Варвары въ Кіевѣ, тамъ мною лично пріобрѣтенныя ²⁾.

Я былъ нагруженъ письмами, которые пришлось развозить по знакомымъ.

3-го февраля я сдѣлался членомъ музыкальнаго общества, во главѣ котораго стоялъ полковникъ Львовъ (извѣстный композиторъ и авторъ нашего народнаго гимна). Собирались обыкновенно по средамъ въ залѣ Почтамта.

¹⁾ Документы по этой поездкѣ хранятся въ архивѣ барона Каульбарса.

²⁾ Въ числѣ иконъ, купленныхъ мною въ Кіевѣ въ пещерахъ, была и маленькая картина Тиціана Венера, вырѣзанная изъ кипарисоваго дерева, которую одинъ монахъ продалъ мнѣ за св. Магдалину. Для курьеза я купилъ ее и сохранилъ въ архивѣ.

11-го уѣхалъ командиръ 5-го эскадрона (Жадовскій), и я принялъ временное командование этимъ эскадрономъ. Какъ я выше не разъ упоминалъ, полкъ былъ очень стѣсненъ мѣстомъ. Тенерь прибыли и новые люди изъ арміи. Поэтому 3-му дивизиону (5-ый и 6-ой эск.) было приказано перейти въ Петергофъ, гдѣ кое какъ размѣстились. Меня это очень не устраивало. Сколько могъ, я уѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ какъ разъ въ этотъ зимній сезонъ было особенно много музыкальныхъ и танцевальныхъ вечеровъ. 9-го марта дивизионъ возвратился въ городъ. 20-го я присутствовалъ при постановкѣ первой гранитной колонны (вышнюю въ пятьдесятъ три фута) Исаакиевского собора. Царская Семья присутствовала на этомъ торжествѣ. Наконецъ прибыли и послѣдніе изъ выбранныхъ мною людей изъ 3-й и 4-й гусарскихъ и 1-й кирасирской дивизій и на 31-е имъ былъ назначенъ смотръ. Государь Императоръ остался ими очень доволенъ.

Когда Государь уѣхалъ, великій князь еще разъ осматривалъ каждаго человѣка въ отдѣльности и, отвѣсивъ мнѣ шутя три поклона, сказалъ: «прекрасно, прекрасно, отлично. Вотъ говорятъ, что изъ арміи уже нельзя болѣе выбирать подходящихъ людей для гвардіи: стоитъ только послать исправнаго и толковаго офицера, тогда это окажется возможнымъ». Я былъ очень счастливъ, услышавъ эти милостивыя слова великаго князя. Я самъ былъ пораженъ хорошимъ видомъ выбранныхъ мною людей. На мѣстѣ я ихъ видѣлъ въ поношенныхъ, плохо сидѣвшихъ на нихъ мундирахъ. Понятно, командиры неохотно отдавали лучшихъ людей и надѣялись, благодаря ихъ невзрачному виду, снасти ихъ для себя. Въ Петербургъ же люди были посланы въ лучшемъ шегольскомъ обмундированіи. Мое сердце радовалось, видя такихъ молодцовъ. Когда я шутя сказалъ имъ, что тенерь не узнаю ихъ, что ихъ извѣстно подмѣнили, они смѣясь отвѣтили, что тѣ же, только старую обмундировку спрятали дома.

20-го апрѣля въ приказъ по войскамъ мнѣ была объявлена Высочайшая благодарность за отличное исполненіе порученія.

Была объявлена война съ Турціею и нѣкоторыя части уходили на турецкую границу, въ томъ числѣ и гвардейскіе конно-піонеры, у которыхъ служилъ мой братъ. 2-го апрѣля я проводилъ его. Братъ жилъ у меня. Занимаемая имъ комната тенерь освободилась, и я пригласилъ графа Понтиуса Стенбока (который внослѣдствіи выстроилъ Пассаажъ на Невскомъ проспектѣ) занять ее.

4-го я былъ въ театрѣ и на ужинѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

17-го. Государь дѣлать смотръ на Марсовомъ полѣ тремъ гвардейскимъ кирасирскимъ полкамъ и тутъ же назначилъ нашего полковника Жадовскаго командиромъ кирасирскаго Ея Величества полка въ Гатчинѣ.

19-го. Было повтореніе этого же парада передъ Государынею, пожелавшею видѣть полки. И ѣздить опять въ своемъ 2-мъ эскадронѣ.

23-го. На мѣсто отпавлявшагося въ турецкую кампанію графа Орлова командиромъ полка быть назначенъ генералъ Оффенбергъ (командиръ Павлоградскаго гусарскаго полка).

30-го апрѣля офицеры полка прощались съ графомъ Орловымъ и преподнесли ему на память серебряную вазу на малахитовой подлѣ (пока только рисунокъ ея, такъ какъ сама ваза еще не была отлита).

Въ Петербургъ пріѣхала изъ Берлина на гастроль знаменитая актриса Каролина фонъ-Бауеръ съ своею матерью, вдовою полковника фонъ-Бауера. Мой братъ, будучи въ командировкѣ въ Берлинѣ, познакомился съ ними, а тутъ ввелъ и меня въ ихъ домъ. Дочь была очень музыкальна, у нихъ часто собирались знакомые, чтобы музицировать. И очень любила играть съ нею въ четыре руки на фортепьянахъ. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга она спросила меня, въ какой роли она мнѣ больше всего понравилась. И сказала, что въ «Käthchen von Heilbrunn»; тогда она подарила мнѣ на память пару очень тонкихъ чугунныхъ браслетовъ, которая надѣвала, играя эту роль, и тетрадь съ нотами, по которымъ мы такъ часто играли въ четыре руки. Какъ мать, такъ и дочь были замѣчательно красивы и достойны уваженія женщины.

25-го. Генералъ Оффенбергъ пріѣхалъ для пріема полка.

7-го іюня молебень въ церкви Таврическаго дворца по случаю взятія Севастополя. Подъ прикрытіемъ нашего 2-го дивизіона возили по улицамъ города множество турецкихъ трофеевъ.

22-го. Со вновь прибывшими трофеями, крѣпостными ключами и знаменами, ходить по Петербургу нашъ 1-й дивизіонъ.

30-го. Конная гвардія ушла въ Стрѣльну и я помѣстился со 2-мъ эскадронѣмъ въ Знаменскъ у Митлевыхъ.

6-го іюля ушли въ Красное Село на большіе маневры.

22-го. Въ Петербургѣ состоялась свадьба моего товарища по полку Оттона фонъ-Эссенъ съ фрейлнью Ея Величества Софіею фонъ-Козенъ. Я былъ шаферомъ.

30-го. Смотръ въѣмъ войскамъ.

31-го. Полкъ возвратился въ Стрѣльну. 2-ой эскадронъ къ Митлевымъ.

Эссенъ уѣхалъ съ молодою женою въ отпускъ и я принялъ временное командованіе 6-мъ эскадронѣмъ, стоявшимъ въ деревнѣ Сергѣевкѣ у монастыря Св. Сергія (15-го авг.). Какъ всегда, и это пребываніе въ Стрѣльнѣ было очень пріятное и веселое: обѣды, балы, музыкальные вечера и пикировки чередовались на дачахъ почти ежедневно, то у Митлевыхъ, то у Балабиныхъ, Анракевиныхъ, старой графини Остерманъ (жена знаменитаго Кульмскаго Остермана) и другихъ. Дачи между Петербургомъ и Ораніенбаумомъ были

предестны и населены гостеприимными семействами высшего Петербургскаго общества. Графиня Остерманъ занимала одну изъ такихъ дачъ съ своею племянницею графинею Ольгою Сентъ-Пріестъ, впоследствии вышедшей замужъ за моего товарища по полку штабсъ-ротмистра князя Василія Долгорукова. Желая и съ своей стороны отблагодарить за любезный пріемъ, двѣнадцать нашихъ офицеровъ устроили сюрпризомъ передъ баломъ у графини великолѣпный фейерверкъ, стоившій намъ тысячу пятьсотъ рублей ассигнаціями. Букетъ состоялъ изъ пяти сотъ ракетъ.

11-го сентября. Полкъ ушелъ въ Петербургъ и я сдалъ 6-ой эскадронъ вернувшемуся изъ отпуска Эсену.

18-го. Я уѣхалъ въ Дилленбахъ къ сестрѣ Наталіи, провести тамъ нѣсколько очень веселыхъ дней и 28-го возвратился въ Петербургъ.

1-го октября. Я вступилъ во временное командованіе 4-мъ эскадрономъ за отбывавшаго въ отпускъ командира его Александра фонъ-Бревернъ. Это была судьба не командовавшихъ эскадрономъ ротмистровъ: они замѣняли уѣзжавшихъ въ отпускъ товарищей.

3-го октября. Въ Казанскомъ соборѣ былъ молебенъ, на которомъ присутствовали всѣ гвардейскіе офицеры. Была и Императрица, только что возвратившаяся изъ поѣздки въ Одессу.

Мой братъ Карлъ часто писалъ мнѣ изъ дѣйствующей арміи; онъ участвовалъ въ осадѣ Варны, гдѣ былъ убитъ картечнымъ выстрѣломъ капитанъ Л. гв. Егерскаго полка Александръ фонъ-Энгельгардтъ, мой хорошій старый другъ (впоследствии мой братъ Карлъ женился на его сестрѣ). Государь присутствовалъ при осадѣ крѣпости и послѣ ея сдачи вернулся въ Петербургъ, гдѣ 19-го произвелъ смотръ всѣмъ Петербургскимъ войскамъ.

24-го октября. Скопчалась вдовствующая Императрица—Мать Марія Оеодоровна, проболѣвъ всего восемь дней.

30-го октября. Сдалъ Бреверну 4-й эскадронъ и принять на время отсутствія полковника Захарьевскаго 3-й эскадронъ.

3-го ноября. Въ 6 часовъ вечера тѣло почившей Императрицы было положено на парадный катафалкъ и я былъ въ парадѣ въ первой же очереди. По четыремъ угламъ гроба стояли фрейлины, въ срединѣ по два гвардейскихъ ротмистра или капитана.

3-го числа народъ допускался для прощанія и это длилось до самыхъ похоронъ.

10-го. Я вновь былъ въ парадѣ при гробѣ, со мною дежурили фрейлины графиня Тизенгаузенъ, Росетти, Полвинская, Козлова; послѣднюю, какъ я хорошо помню, смѣнили княжна Реннина.

15-го числа при торжественныхъ похоронахъ нашъ полкъ стоялъ на Марсовомъ полѣ, противъ Мраморнаго дворца.

21-го. Отъ сильнаго вѣтра SW вода въ Невѣ поднялась весьма высоко. Помня 7-ое ноября 1824 г., полкъ приготовился къ выходу изъ казармъ и конюшенъ, и лошади оставались осѣдланными до трехъ часовъ ночи, когда вѣтеръ стихъ, и вода начала спадать.

14-го декабря. По своему обыкновенію Государь Императоръ посетилъ казармы полка.

1829-й годъ. Въ январѣ знаменитый художникъ Нефръ (впослѣдствіи мужъ моей сестры Луизы) нарисовать мой портретъ въ золотой кирасѣ¹⁾.

7-го января. Я принялъ по очереди 7-ой (резервный) эскадронъ на законномъ основаніи. Въ этомъ эскадронѣ было особенно много работы, такъ какъ здѣсь выѣзжались молодыя лошади для всего полка. Командиръ этого эскадрона получалъ кромѣ жалованья еще столовыя—тысячу рублей ассигнаціями.

10-го марта. Въ полкъ были сданы послѣдніе мѣдныя кирасы для нижнихъ чиновъ, и съ этого дня полкъ уже всегда выѣзжалъ въ оныхъ. Черныя были окончательно отбѣнены.

12-го. Государь лично представилъ полкъ Императрицѣ въ новой формѣ.

25-го. Полковой праздникъ въ присутствіи Государя Императора. Къ обѣду всѣ офицеры были званы во дворецъ. Вечеромъ на полковомъ ужинѣ офицеры полка преподнесли графу Орлову вазу (въ планѣ она была ему поднесена 30-го апрѣля 1828 г.), только теперь законченную. — Всю эту зиму я чувствовалъ себя нехорошо, кашлять и страдать болями въ груди. Пришлось просить отпуска, который вмѣстѣ съ аттестатомъ о болѣзни и быть мнѣ данъ на двадцать восемь дней. Въ случаѣ надобности срокъ отпуска могъ быть увеличенъ. Передъ отъѣздомъ я присутствовалъ на свадьбѣ командира полка генерала Оффенберга, женившася на Бибиковой (падчерицѣ графа Бенкендорфа).

30-го. Сдалъ временно 7-й эскадронъ ротмистру Ознобишину.

2-го мая. Присутствовать на спускѣ стонущаго военнаго корабля «Петръ Великій» и, сдѣлавъ много визитовъ, послѣ обѣда выѣхать изъ Петербурга. Утромъ стѣдующаго дня я былъ въ Дилленбахѣ. Путешествіе, хотя и небольшое, тѣмъ не менѣе меня очень утомило, кашель ухудшился и мнѣ пришлось здѣсь остановиться. Я пробылъ у сестры до 6-го числа. Утромъ въ этотъ день выѣхалъ и вечеромъ прибылъ къ родителямъ въ Меддерсъ.

12-го. Съ отцомъ и сестрою Луизою поѣхалъ въ Ревель, гдѣ меня поускультивовать навѣстный тогда докторъ Випклеръ. Онъ успокоилъ насъ,

¹⁾ Портретъ находится у барона Е. К. Каульбарса.

убѣдивъ, что чахотка, которой опасались, у меня быть не могло, нанять сильное переутомленіе легкихъ и быть очень недоволенъ, что въ Петербургъ мнѣ давали массу сильныхъ лѣкарствъ. Онѣ прописали мнѣ бросить всякое лѣчение, поѣхать въ деревню дышать свѣжимъ воздухомъ и пить парное молоко. После этого мы сейчасъ же вернулись въ Меддерсъ. Май этого года былъ отвратительный, свѣжаныя бури бывали чуть ли не черезъ день.

28-го мая. Къ намъ пріѣхала вдова генеральша Клюпфель съ дочерьми Людмилою и Терезою и съ барышнею Гедике, наши сосѣди по Ревельскому дому. Онѣ заняли одну половину бель-этажа, мы другую. Жили съ ними настолько дружно, что дверь, соединявшая на всякій случай обѣ квартиры, была не задѣлана и можно было свободно переходить изъ одной квартиры въ другую.

31-го мая. Наши гости, мои сестры и я поѣхали въ Ревель на свадьбу нашей кузины баронессы Елизаветы Россильонъ съ капитаномъ 1-го ранга барономъ Фердинандомъ Врангелъ, назначеннымъ губернаторомъ нашихъ Северо-американскихъ колоній — въ Ситху. Я былъ у кузины наферомъ.

4-го іюня мы возвратились въ Меддерсъ и жили очень весело; у насъ часто собирались сосѣди, молодежь изъ института Финнъ — и часто устраивались шашки. Восемь, а то и двѣнадцать игроковъ были не рѣдкостью.

8-го іюня. На станціи Педрусъ былъ сервированъ большой чайный столъ. Собралось много сосѣдей. Ожидали проѣзда барона Врангеля съ молодою женою, которыхъ мы только что обвѣнчали въ Ревель и которые отпра-влялись въ столь дальній путь. Сначала они ѣхали въ Петербургъ, оттуда черезъ Иркутскъ, Якутскъ и Охотскъ должны были достичь моря и по морю переправиться въ Ситху. Это путешествіе должно было длиться болѣе года.

16-го. Изъ полка пришло извѣстіе, что для поправленія здоровья от-пускъ продленъ мнѣ на шесть мѣсяцевъ, включая сюда уже прожитое время.

20-го. Семья Клюпфель, а съ ними и знаменитая гѣвница Мара, гостившая у насъ, уѣхали въ Ревель.

24-го. Вся наша семья, къ которой присоединилась и сестра Наталія Штакельбергъ изъ Диліенбаха, переселилась на время туда же. По дорогѣ на станцію Іегелехтъ мы имѣли счастье встрѣтить Настоятника Цесаревича Александра Николаевича, возвращавшагося изъ Ревеля въ Петербургъ. Въ Ревель, пользуясь морскими купаньями, жило много петербургскихъ знакомыхъ, среди нихъ — семейство историка Карамзина, фрейлина Росетти, генеральша Шевичъ (рожд. Бенкендорфъ) и кавалергардъ графъ Шереметевъ. Последний, большой любитель верховой ѣзды, привелъ въ Ревель нѣсколько чудныхъ лошадей, которыми предложилъ мнѣ пользоваться когда и сколько мнѣ угодно. На рейдѣ стояла большая эскадра. Все общество довольно часто посѣщало одинъ изъ кораблей. Какъ то разъ былъ большой завтракъ на адмиральскомъ кораблѣ.

28-го. На ливейномъ кораблѣ «Кульмъ» былъ dejeuner dansant.

1-го іюля. Я встрѣтилъ жену нашего барона Велю, рожденную Альбрехтъ, и ея невѣстку, рожденную Яковлеву. Я показывалъ имъ Ревель и его чудныя окрестности. Родители вернулись въ Меддерсъ, я же оставался въ Ревель еще долгое время. Только на нѣсколько дней съ финляндскимъ сенаторомъ графомъ Кликовстремъ заѣзжалъ въ Меддерсъ.

9-го были въ имѣніи Фальс у графа Бенкендорфа. Здѣсь я встрѣтилъ свою тетку графиню Сиверсъ, рожденную Душину.

19-го іюля. Командиръ порта вице-адмиралъ Спасабѣвъ предложилъ графу Кликовстрему и мнѣ воспользоваться его парусною яхтою «Олень» и съѣздить въ Гельсингфорсъ. Мы, конечно, съ радостью приняли это предложеніе и уѣхали на ней на слѣдующее же утро въ Свеаборгъ. Здѣсь я явился коменданту генералу Гебнеръ и военному губернатору адмиралу Шельтингъ, затѣмъ осмотрѣлъ все крѣпостныя сооруженія. Особенно заинтересовалъ меня Густавсвердъ. Въ Гельсингфорсѣ я остановился у графа Кликовстрема, гдѣ познакомился съ навѣстнымъ графомъ Армфельтъ. Осмотрѣвъ городъ и его достопримѣчательности, вечеромъ 24-го я вернулся на яхту, 25-го вышелъ въ море и въ четыре часа того же дня возвратился въ Ревель. Здѣсь я оставался недолго и вмѣстѣ съ отцомъ уѣхать въ Меддерсъ.

9-го октября вся наша семья собралась вновь въ Ревель, гдѣ въ этотъ день мы устроили большой балъ для всехъ нашихъ Петербургскихъ и Ревельскихъ знакомыхъ.

19-го октября изъ Меддерса выѣхалъ въ Петербургъ¹⁾. По дорогѣ заѣхалъ въ имѣніе Куккерсъ къ барону Толь, затѣмъ къ сестрѣ въ Диліенбахъ. Выпалъ снѣгъ.

26-го прибылъ въ Петербургъ.

5-го ноября вновь принялъ свой 7-ой эскадронъ.

1830-й годъ. 1-го января большой общественный маскарадъ при Дворѣ; вечеромъ я участвовать на ужинѣ въ Эрмитажѣ.

2-го. Офицеры гвардіи представлялись прусскому принцу Альберту.

7-го. Балъ въ Концертномъ залѣ. И эту зиму я выѣзжалъ очень много, бывалъ нѣсколько разъ и на балахъ въ коммерческомъ клубѣ на Англійской

¹⁾ Пребываніе моего диди въ Ревелѣ описано съ большими подробностями. Такъ какъ они особаго интереса не представляютъ, я сократилъ описаніе каждаго дня въ отдѣльности до минимума.

набережной, гдѣ общество состояло большею частью изъ семействъ именитого Петербургскаго купечества. Эти балы отличались большою роскошью. И здѣсь игрались комбинированные и аранжированные мною танцы.

23-го. Изъ Турціи возвратился мой братъ Карлъ, участвовавшій въ кампаніи.

28-го. Торжественный пріемъ турецкаго посла Халиль-паши въ Зимнемъ Дворцѣ. Вечеромъ большой балъ въ Бѣломъ залѣ. Здѣсь познакомился я съ графомъ Румицковымъ (сыномъ фельдмаршала), встрѣтившимъ брата и меня очень любезно. Въпослѣдствіи мы часто посѣщали его домъ; онъ очень любилъ вѣдоминать о дружескихъ отношеніяхъ между его отцомъ и нашимъ дядею генераль-лейтенантомъ Карломъ фонъ-Каульбарсъ. Мы всегда бывали званы на все обѣды и балы какъ у него, такъ и у его дочерей—княгини Бабетъ Голлицыной и госпожи Дивовой.

31-го былъ великолѣпный балъ у графа Кочубея въ честь турецкаго посланника; вся Императорская Семья осчастливила этотъ балъ своимъ присутствіемъ.

8-го февраля мой братъ Карлъ и я осматривали въ Императорскомъ Эрмитажѣ присланные султаномъ Государю Императору подарки. Особымъ великолѣпіемъ выделялись два сѣдла со всеми принадлежностями (чепраками, уздечками и т. д.), сплосъ покрыты драгоцѣнными каменьями. Все посольства устраивали пріемы для турецкаго посланника—кто давалъ обѣдъ, кто раутъ, кто балъ; на послѣднихъ присутствовала обыкновенно вся Царская семья. Братъ и я участвовали на всехъ этихъ торжествахъ. Весьма часто бывалъ я и на музыкальныхъ вечерахъ. Особо памятенъ мнѣ вечеръ у графини Мамоновой (незамужней дамы не первой молодости), собиравшей у себя первѣйшихъ артистовъ всего міра. Незгладимое впечатлѣніе произвела на меня игра на виолончели знаменитаго музыканта Серва. Очень часто бывалъ я въ домѣ австрійскаго посла графа Фикельмонга, женатаго на красавицѣ графинѣ Тизенгаузень, дочери павшаго подъ Аустерлицемъ графа Тизенгаузена и его жены, рожденной Кутузовой, дочери героя 1812 года.

14-го Государь устроилъ балъ-маскарадъ въ домѣ Удѣловъ (нынѣ дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича). Офицерамъ было разрѣшено явиться въ домино и маскахъ, что очень способствовало веселью. Были случаи, что офицеры одного и того же полка, не узнавая, интриговали другъ друга. Освѣщеніе было феерическое. Еще за нѣсколько дней до этого бала, сынъ министра Императорскаго Двора, камергеръ князь Петръ Волконскій, мой большой другъ, просилъ меня помочь ему въ провѣркѣ освѣщенія этого, сравнительно не очень большого зала. Продолжали мы это слѣдующимъ образомъ: по разнымъ мѣстамъ зала поставили кое какіе предметы и наблюдали, какую они бросаютъ тѣнь. Затѣмъ, гдѣ нужно, прибавляли вновь столько

свѣчей, чтобы тѣнь пропала. Этимъ достигли мы ослѣпительнаго свѣта, но, къ сожалѣнію, вызвали большое неудобство — въ залѣ стало нестерпимо жарко. Съ началомъ поста прекратились балы какъ при Дворѣ, такъ и у частныхъ лицъ.

Однако же 18-го февраля, во вторникъ, на первой недѣлѣ, у графа Потоцкаго (католика) въ его прекрасномъ домѣ на Англіійской набережной, внутри слонюшъ отдѣланномъ въ готическомъ стилѣ, было устроено великолѣпный балъ-маскарадъ. Всѣ православные гости, бывшіе на этомъ балу, до конца его не снимали масокъ. Во время великаго поста было очень много раутовъ.

30-го марта я присутствовалъ на помолвкѣ моей прелестной кузины графини Мишодоры Сиверсъ съ полковникомъ Мухановымъ. — Въ Пасхальную ночь, какъ всегда, всѣ офицеры были во Дворцѣ на заутрени, постѣ которой Государь христосовался съ нами, а мы подходили къ ручью Государыни Императрицы. Весною полкъ ушелъ въ Стрѣльну и я занялъ съ эскадрономъ караулы въ Петергофѣ. Государь часто устраивалъ обѣды, вечера и спектакли, на которыя я всегда имѣлъ счастье быть приглашеннымъ. Лѣтомъ почти не проходило дня, чтобы я гдѣ нибудь не участвовалъ на спектакляхъ, музыкальныхъ вечерахъ и концертахъ. Осенью полкъ возвратился въ городъ.

22-го сентября 1830-го года праздновался столѣтній юбилей нашего и Измайловскаго полковъ. Утромъ на Дворцовой площади былъ парадъ обоимъ полкамъ, зѣлѣмъ молебень на дворѣ Зимняго Дворца. Въ два часа дня былъ обѣдъ пинамъ чинамъ обоихъ полковъ (четыре тысячи пятьсотъ кувертовъ) въ Михайловскомъ акзерцираузѣ, а послѣ него обѣдъ офицерамъ обоихъ полковъ въ манежѣ берейторской школы. Вечеромъ какъ наши, такъ и казармы Измайловцевъ были великолѣпно иллюминированы. Командиръ нашего лейбъ-эскадрона полковникъ Цинскій былъ съѣзанъ фангель-адъютантомъ.

26-го ноября въ день Св. Георгія всѣ офицеры были собраны на разводъ. По окончаніи его Государь подозвалъ всѣхъ къ себѣ и сообщилъ извѣстіе о вспыхнувшей въ Варшавѣ революціи и передать, какія мѣры приняты противъ бунтовщиковъ и какіе корпусы куда двинуты. Онъ кончилъ словами: «И если всего этого мало, то мы всѣ пойдемъ противъ нихъ!» Эти слова вызвали у всѣхъ неописуемый энтузіазмъ; Государя окружили, старались поцѣловать его руку, лошадь, саногъ, что только можно было достать. Неумолкаемое громовое «урра Николай I» оглашало воздухъ, прерываемое восклицаніями «рады, готовы умереть за Тебя!». Государя вмѣстѣ съ его лошадью буквально донесли до саней и посадили въ нихъ. Шагомъ, окруженный толпою болѣе чѣмъ нѣтъ восьми сотъ генераловъ и офицеровъ, Государь двинулся по Садовой и затѣмъ по Невскому проспекту. Громовое «ура» умолкло лишь тогда, когда Государь вошелъ въ Зимній Дворецъ. На всѣхъ свидѣтелей этой сцены она произвела глубокое, неизгладимое впечатлѣніе. Почти никто изъ гудившихъ по Невскому не зналъ, что именно случилось и что вызвало эту

овацію Государю. На слѣдующій уже день пришло приказаніе приготовиться къ выступленію: во всѣхъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полкахъ 1-у и 3-у батальонамъ, а во всѣхъ кавалерійскихъ — 1-у и 3-у дивизіону (1-у, 2-у, 5-у и 6-у эскадронамъ). Немедленно люди и лошади 2-го дивизіона (3-го и 4-го эск.) и моего 7-го (резервнаго) эскадрона были распределены по четыремъ другимъ, дабы довести ваводы до двадцати рядовъ. Во 2-мъ дивизіонѣ и резервномъ эскадронѣ остались одни лишь кадры. Какъ извѣстно, походъ противъ поляковъ вначалѣ быть далеко не такимъ счастливымъ, какъ первоначально предполагали. Принялось двинуть и гвардію. Выступленіе гвардейскихъ частей началось 26-го декабря, при чемъ первымъ ушелъ Л.-гв. Финляндскій полкъ.

25-го декабря, передъ уходомъ полковъ, въ Зимнемъ Дворцѣ состоялось освященіе новыхъ знаменъ и штандартовъ съ орлами¹⁾.

1831-й годъ. 11-го января выступилъ и нашъ полкъ. Какъ старшій въ полку ротмистръ, я долженъ былъ остаться и вступить въ командованіе оставшимися въ Петербургѣ кадрами 2-го дивизіона и резервнаго эскадрона. Л.-гв. Коннаго полка полковникъ Захарьевскій былъ назначенъ командиромъ кирасирскихъ кадровъ, а генералъ Ланской начальникомъ всѣхъ оставшихся кавалерійскихъ кадровъ. Вступивъ въ командованіе кадрами нашего полка, я немедленно отрядилъ двухъ моихъ офицеровъ, Глотова и Чемизова, ремонтерами для закупки необходимыхъ для сформированія новыхъ эскадроновъ лошадей. Адъютантомъ я назначилъ поручика Головина, казначеемъ — ротмистра Мерлина. Мы должны были ежедневно являться съ рапортомъ къ Великому Князю Михаилу и докладывать ему о ходѣ формированія внутреннихъ частей. Почти ежедневно приходилось являться въ Зимній Дворецъ на разбивку рекрутовъ, которыхъ Государь лично распределялъ по полкамъ, подписывая имъ мѣломъ номеръ полка на груди.

7-го марта я получилъ такимъ образомъ девяносто девять человекъ, особенно видныхъ и красивыхъ людей. Указывая на нихъ, Государь сказалъ мнѣ: «Ну что, доволенъ? хорошихъ же далъ я тебѣ людей. Знаю, конная гвардія достойна ихъ получить». — Увеселенія шли своимъ чередомъ. Спектакли, балы при Дворѣ и въ Эрмитажѣ, обѣды и поѣздки на санихъ слѣдовали одинъ

¹⁾ До сихъ поръ только Кавалергардскій и Конный полки имѣли орловъ на штандартахъ, полученныхъ въ 1816-омъ году. Я, какъ эстандартъ-юнкеръ, лично привилъ штандартъ 2-го дивизіона. Не могу при этомъ не упомянуть, что штандартъ былъ настолько тяжелымъ, что я только съ помощью ассистента могъ поднять его. Види это, Императоръ Александръ I приказалъ его немедленно передѣлать, и мы послѣ этого получили болѣе легкіе штандарты.

за другимъ. Рѣдко проходитъ вечеръ безъ какого нибудь удовольствія. Я серьезно занимался музыкою. Въ эту зиму я компоновать и аранжировать нѣсколько контрдансовъ (французскихъ кадрили), которые печатались и издавались въ музыкальных магазинахъ Бернарда (Troubadour du Nord) и у Пасца (на Малой Морской). Эти господа сами просили меня доставить имъ мои композиціи и я, конечно, съ удовольствіемъ исполнялъ ихъ желаніе, выговоривъ себѣ безвозмездно по двадцати экземпляровъ для раздачи, кому заблагоразсудится. Эти танцы я посвящаю дамамъ, съ которыми быть друзьямъ и съ которыми особенно охотно танцовать (княгинѣ Юсуповой, рожденной Нарышкиной, княгинѣ Зинаидѣ Голицыной, внучкѣ графа Румянцева, княгинѣ Анастасіи и Елизаветѣ Щербатовымъ, впоследствии вышедшимъ замужъ за Храповицкаго и Бутурлина, Елизаветѣ Балабиной, впоследствии княгинѣ Ренниной, Маріи Новосильцовой, Наталіи Энгельгардтъ, впоследствии вышедшей замужъ за моего брата, Цециліи Мореншильдъ, впоследствии графинѣ Стенбокъ-Колкѣ, и другимъ. Къ маю мѣсяцу оба эскадрона 2-го дивизиона, 3-й подъ командою ротмистра Сазнобинина и 4-й подъ командою ротмистра Лихачева, были почти укомплектованы людьми и лошадьми. Чтобы удобнѣе заниматься обученіемъ людей и высадкой лошадей, я не просилъ разрѣшеніе перевести дивизионъ въ Стрѣльну. Лично я со штабомъ и резервнымъ эскадрономъ остался въ Петербургѣ, дабы принять годовой ремонтъ лошадей и рекрутовъ, назначаемыхъ въ нашъ полкъ. Я получилъ приказаніе испечь въ хлѣбобулочныхъ полка семь тысячъ двѣсти пудовъ хлѣба и сухарей для войскъ гвардіи, сражавшихся съ поляками.

31-го мая Государь приказать представить ему въ Петергофъ всѣхъ полученныхъ по сей день рекрутовъ нашего полка. Пришлось выслать туда и только что принятыхъ въ резервный эскадронъ людей. Оставшіеся очень довольны ихъ хорошимъ видомъ и выправкою, Государь неоднократно благодарилъ меня и двухъ другихъ эскадронныхъ командировъ. Такъ какъ Государь переѣхалъ въ Петергофъ, то и я переселился со своимъ штабомъ въ Стрѣльну, оставивъ резервный эскадронъ въ Петербургѣ подъ командою молодого офицера и поручивъ ему потрогаться съ выпечкою хлѣба. Оказалось, что я поступилъ правильно. Совершенно неожиданно я получилъ приказаніе занять 16-го числа караулы въ Петергофъ моими только что сформированными эскадронами. Къ счастью, разводъ былъ безъ церемоній, иначе мои люди, совѣтъ не слыхавшіе музыки, могли испортить все дѣло. Я, конечно, провелъ цѣлый день въ Верхнемъ саду, наблюдая за несеніемъ службы моими рекрутовъ на различныхъ постахъ. После объѣда я стоялъ, облокотясь на ограду передъ Дворцомъ, и любовался видомъ Фонтановъ, какъ вдругъ Государь и Государыня подъѣхали къ крыльцу Дворца въ кабриолетъ. Государь Императоръ слѣзъ и, подойдя ко мнѣ, трижды поцѣловалъ меня, сказавъ при этомъ:

«И объехать всё посты и глазамъ своимъ не вѣрить — на постахъ все старые обученные люди, а не рекруты. Отличная выправка и бодрый, веселый видъ. Спасибо за такихъ молодцовъ!» Государыня подозвала меня къ себѣ и милостиво спрашивала меня о моемъ братѣ конно-пионерѣ и интересовалась узнать фамиліи моихъ офицеровъ. Затѣмъ Государь отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Въ Петербургѣ началась холера, переходи завтра съ двумя эскадронами сюда въ Петергофъ, будете состоять при Мнѣ конвоемъ. Если тебѣ надо привести кое-что изъ Петербурга, то поторонись завтра рано утромъ между Стрѣльною и Петергофомъ будетъ учрежденъ карантинъ». На это я спросилъ Государя, какъ мнѣ быть съ моимъ резервнымъ эскадрономъ? Онъ нѣсколько секундъ подумалъ, а затѣмъ отвѣтилъ: «Нѣтъ, поздно, онъ не пройдетъ черезъ карантинъ». Поблагодаривъ меня еще разъ за посты, Государь вошелъ во Дворецъ. Резервный эскадронъ остался въ Петербургѣ, но слава Богу не имѣлъ ни умершихъ, ни больныхъ, несмотря на то, что холера свирѣпствовала съ ужасающею силою и случались дни, когда въ городѣ умирадо отъ семи до восьмисотъ человѣкъ въ сутки. Наше благоденствіе объясняли тѣмъ, что въ казармахъ ежедневно по два раза въ день топилося сорокъ печей для печенія хлѣба и сухарей. Кроме того, въ казармахъ хранился запасъ свѣжаго хлѣба во много тысячъ пудовъ, наполнявшій своимъ сильнымъ запахомъ не только воздухъ внутри казармъ, но чувствовался и на улицахъ, окружающихъ оныя. Видимо, этотъ насыщенный запахомъ свѣжаго хлѣба воздухъ предохранилъ насъ отъ заболѣванія.

17-го, по приказанію Государя, перевелъ дивизионъ изъ Стрѣлны въ Петергофъ.

18-го Государь получилъ извѣщеніе о внезапной кончинѣ Великаго Князя Константина Павловича, умершаго въ Витебскѣ отъ холеры.

25-го, въ день своего рожденія, Государь послѣ развода подошелъ ко мнѣ и моимъ офицерамъ и сказалъ: «Поздравляю Васъ съ новымъ Шефомъ, Я буду имъ Самъ», и отходя, сказалъ шутливымъ тономъ: «надеюсь, Вы довольны!»

Нѣсколько дней спустя, Государь, не обращая вниманія на свирѣпствующую холеру, поѣхалъ водою въ Петербургъ и неожиданно появился на Свѣной площади передъ бунтовавшимъ народомъ, выкинувшимъ врачей и больныхъ изъ оконъ холерныхъ больницъ. Остановивъ экипажъ на серединѣ Свѣной площади, Государь, стоя въ коляскѣ, громкимъ и яснымъ голосомъ крикнулъ народу: «Стать на колѣни и просить прощенія у Господа Бога за учиненныя безобразія!» Народъ безпрекословно исполнилъ приказаніе Государя, послѣ чего спокойно разошелся по домамъ. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ и въ другихъ странахъ, смута была дѣломъ рукъ подлыхъ злонамеренныхъ людей, доведшихъ народъ до неистовствъ разсказаннымъ объ отравленіи колодцевъ.

9-го юли. Вся Царская Семья переселилась въ Царское Село, окруженное со всехъ сторонъ карантинномъ. Тутъ не было случаевъ холеры. Объясняли это тѣмъ, что вокругъ города во многихъ мѣстахъ горѣли тѣса и воздухъ былъ насыщенъ тѣмъ дымомъ, служившимъ преградой противъ наступательнаго шествія холеры.

11-го. Въ Петергофѣ, послѣ обѣда, въ пять часовъ все дворцовые экипажи и повозки, числомъ не менѣе трехъ сотъ, были выстроены въ два ряда по шоссе. Въ экипажахъ размѣстились придворныя дамы. Наши 3-й и 4-й эскадроны были вытянуты цѣпью по одному съ обѣихъ сторонъ процесси, со строгимъ наказомъ не допускать ни одного посторонняго человека до экипажей, особенно при прохожденіи черезъ зараженныя холерою деревни. Первый транспортъ ушелъ въ пять часовъ. Второй, состоявшій изъ шестидесяти повозокъ, окруженный 4-мъ взводомъ нашего 4-го эскадрона, двинулся въ шесть вечера. Въ это же время выступилъ и весь кадетскій лагерь съ тѣмъ, чтобы ночевать въ Стрѣльнѣ, расположенной въ чертѣ карантина.

12-го кадеты ушли изъ Стрѣльны въ колоннѣ, окруженной нашимъ 3-мъ эскадрономъ, который я привелъ для этой цѣли рано утромъ. Дойдя до деревни Койрово, остановились и разбились бивакъ.

13-го продолжали путь съ тѣми же предосторожностями, остановились на привалѣ у Пулкова и въ пять часовъ вечера достигли Царскаго Села, гдѣ кадеты расположились лагеремъ. Меня съ моими двумя эскадронами помѣстили въ казармахъ л.-гв. Гусарскаго полка (у Орловскихъ триумфальныхъ воротъ).

Въ Царскомъ Селѣ у меня была масса знакомыхъ: комендантъ генералъ Стессель, Веліо, Бергіенъ, генералъ Захаржевскій, Авдунинъ, госпожа Полнованова; въ Павловскѣ — генеральша Шевичъ (рожденная Бенкендорфъ), генералъ Фридерцицъ, Мердеръ и другіе. Благодаря имъ мое пребываніе въ Царскомъ было очень веселое и пріятное. Все время приходилось гулять со слезами на глазахъ отъ тѣкаго дыма горѣвшихъ въ окрестностяхъ тѣсовъ, заставшаго все улицы города и сады. Службы и здѣсь было очень много. Зная это и зная, какъ я цѣнилъ свое время, князь Волконскій разрѣшилъ мнѣ проѣзжать въ экипажѣ и верхомъ по паркамъ и садамъ, гдѣ разрѣшенъ былъ входъ только пѣшимъ. Этимъ любезнымъ разрѣшеніемъ онъ много способствовалъ быстрому отправленію моихъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, мое пребываніе здѣсь продолжалось не долго.

28-го (?) Государыня Императрица благополучно разрѣшилась отъ бремени Великимъ Княземъ Николаемъ. Во время благодарственнаго молебна въ дворцовой церкви Государь подозвалъ меня къ Себѣ и приказалъ послѣ обѣда слѣдующаго же дня, съ двумя эскадронами, выступить въ Гатчину для встрѣчи тѣла покойнаго Великаго Князя Константина Павловича и несенія дежурства въ продолженіе двѣнадцати дней при гробѣ Его Высочества.

29-го. Въ четыре часа дня я ушелъ съ своимъ дивизиономъ въ Гатчину, куда прибылъ въ девять часовъ вечера. Всѣхъ размѣстили великолепно. Офицеры помѣшались въ большомъ флигелѣ Дворца на всемъ готовомъ. Въ Гатчинѣ я встрѣтилъ своихъ старыхъ друзей, коменданта генерала Штендера и его любезную семью.

31-го. Къ четыремъ часамъ вышелъ съ дивизиономъ навстрѣчу процессіи и выстроился у воротъ города. Въ пять часовъ приблизилось траурное шествіе. За гробомъ пѣшкомъ шла княгиня Ловичъ (супруга покойнаго) и много генераловъ и офицеровъ, проводившихъ тѣло Великаго Князя изъ Витебска сюда. Мой дивизионъ пристроился къ кортежу и провожалъ его до собора. Здѣсь гробъ былъ поставленъ на катафалкъ. Сейчасъ же началось наше дежурство. Въ числѣ особъ, слѣдовавшихъ за гробомъ, я узналъ полковника Людвигъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ (Продвинскаго гусарскаго полка), Александра (сына Великаго Князя и госпожи Фридрихсъ) и полковника л.-гв. Литовскаго полка Желтухина (внѣшнѣдѣтвіи мой сынъ женился на его дочери Прасковѣ). Въ общемъ, считая и меня, и моихъ офицеровъ, въ траурномъ кортежѣ и въ дежурствахъ участвовало восемьдесятъ четыре человека. Всѣ они были размѣщены во Дворцѣ и сходились три раза въ день въ большомъ залѣ, въ нижнемъ этажѣ Дворца, къ завтраку, къ чаю и къ обѣду. Все время, что тѣло покойнаго Великаго Князя стояло въ Гатчинѣ въ соборѣ, Императоръ Николай ежедневно прѣзжалъ изъ Царскаго Села къ обѣдѣ.

Гатчину славилось своимъ великодушнымъ садомъ, парками и зѣринцемъ. Все свободное отъ службы время я проводилъ на лодкѣ на прудахъ, отличающихся замѣчательно чистою прозрачною водою (въ одномъ мѣстѣ передъ дворцомъ на глубинѣ восемнадцати саженъ совершенно ясно видно дно). Выше упомянутый штабсъ-ротмистръ Александровъ постоянно сопровождалъ меня на всѣхъ гуляньяхъ въ паркѣ и поѣздкахъ на лодкѣ. При этомъ онъ неоднократно спрашивалъ меня, что ему предпринять съ мѣзою Стрѣльною, доставшеюся ему въ наслѣдство по отцу. Я не находилъ для него иного выхода, какъ продажу этого имѣнія, что и совѣтовалъ ему ¹⁾.

10-го августа, Государь приказалъ мнѣ быть готовымъ сопровождать тѣло Великаго Князя до Чесмы, гдѣ былъ назначенъ похороны. Князь Волконскій выхлопоталъ намъ у Государя разрѣшеніе слѣдовать самостоятельно въ Петербургъ и здѣсь уже 12-го числа стать для встрѣчи. Отмѣна приказаній

¹⁾ Внѣшнѣдѣтвіи я узналъ, что Государь уплатилъ ему крупную сумму за Стрѣльную. Онъ купилъ у княгини Ловичъ также и Мраморный дворецъ, разрѣшилъ себѣ пользоваться имъ до смерти. Государь то и другое подарилъ внѣшнѣдѣтвіи Великому Князю Константину Николаевичу.

Внѣшнѣдѣтвіи Александровъ служилъ въ дивизіи, которую я командовалъ, и былъ флигель-адъютантомъ. Онъ купилъ Бергінскій домъ на Исаакіевской площади, женился на княгинѣ Щербатовой и умеръ Свиты Его Величества генералъ-маіоромъ.

насть очень обрадовала, такъ какъ слѣдовать медленнымъ шагомъ за процессією въ продолженіе двухъ дней сильно утомило бы и людей, и лошадей. Я ушелъ изъ Гатчины утромъ, сдѣлать привалъ на два часа въ Горьковѣ и въ восемь часовъ вечера прибылъ въ Петербургъ.

14-го. Въ восемь часовъ утра я выступилъ изъ казармъ и пошелъ къ Московской заставѣ, гдѣ выстроилъ эскадроны во фронтъ и ждать прихода процессіи. Какъ только она подошла, я, согласно церемоніалу, всталъ съ эскадрономъ за гробомъ и провожать его вплоть до собора въ крѣпости. Погода намъ не благопріятствовала; уже начиная съ заставы пошелъ дождь, который, все усиливаясь, перешелъ въ ливень. Особенно пострадали мы отъ него на обратномъ пути въ казармы. Новые мундиры и пальто, впервые одѣтые для этого случая, были совершенно испорчены, ботфорты были буквально до верха наполнены водою.

17-го. Состоялось погребеніе тѣла Великаго Князя. Мой дивизионъ участвовать въ церемоніи, будучи выстроенымъ въ прѣшемъ строю передъ соборомъ.

19-го. Вечеромъ поднялся сильный вѣтеръ, SW, перешедшій затѣмъ въ ураганъ. Въ это время около Морского корпуса стояла на якоряхъ финская флотилія изъ пятидесяти судовъ, нагруженныхъ дровами. Сила вѣтра была настолько велика, что всю флотилію сорвало съ якорей и погнало вверхъ по теченію, набросивъ ее на Цесаревскій мостъ. Около четверти часа мостъ выдерживалъ натискъ судовъ, выгнувшись въ дугу. Наконецъ онъ со страшнымъ трескомъ раздался и вся масса двинулась далѣе на мостъ у Лѣтняго сада, прорвала его, а за нимъ и Воскресенскій мостъ. Ужасное впечатлѣніе производили шумъ и трескъ разбивавшихся другъ о друга барокъ и страшные предсмертные крики погибавшихъ людей. Облака неслись по небу со стремительною быстротою, отъ времени до времени давая полной лунѣ возможность освѣщать эту ужасающую картину разрушенія. Я наблюдалъ за всемъ этимъ съ Англійской набережной. Помня ужасную ночь 7-го ноября 1824 года, я приказалъ своимъ эскадронамъ стоять осыданными въ конюшняхъ и быть готовыми при необходимости немедленно идти на болѣе возвышенное мѣсто. Полку разъ навсегда было приказано, при второмъ пушечномъ выстрѣлѣ съ крѣпости или при подъемѣ краснаго флага или фонаря на Адмиралтейской башнѣ быть осыданнымъ, при третьемъ сигналѣ бросать конюшни и идти на Литейную, какъ болѣе возвышенную часть города. На этотъ разъ выступленіе однако не состоялось, такъ какъ въ пять часовъ утра слѣдующаго дня вѣтеръ началъ стихать, а вода спадать. Ужасный видъ представляли собою обломки кораблей, разрушенныхъ мостовъ и разбитыхъ лодокъ съ тѣлами убитыхъ и раненыхъ людей, несшихся теперь обратно внизъ по теченію.

22-го августа меня ожидала большая радость. Государь, особенно довольный сформированными мною эскадронами, ихъ здоровымъ видомъ и отличною выправкою, награждаетъ меня орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Это былъ первый орденъ, который я получилъ, и поэтому пожалованіе его доставило мнѣ громадное удовольствіе.

14-го сентября. Вечеромъ около шести часовъ пришла радостная вѣсть о взятіи Варшавы и немедленно же весь городъ былъ великолѣпно иллюминированъ.

11-го. Въ Петербургъ прибыло тѣло покойнаго фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго и 14-го числа было похоронено. Я участвовалъ съ дивизіономъ на его похоронахъ.

29-го. Впервые участвовать въ собраніи всехъ кавалеровъ ордена св. Владиміра въ Зимнемъ Дворцѣ, послѣ чего, какъ всегда, послѣдовать блестящій завтракъ.

6-го октября. По случаю удачнаго прекращенія польскаго мятежа, на Марсовомъ полѣ, въ присутствіи всехъ остававшихся въ Петербургъ войскъ, было отслужено благодарственное молебствіе, въ концѣ котораго былъ данъ залпъ изъ орудій. Тутъ произошло небольшое смѣненіе. Непривыкшія къ выстрѣламъ лошади кавалерійскихъ частей заволновались, причемъ сбросили нѣсколькихъ молодыхъ солдатъ. Одинъ изъ моихъ людей, тоже упавшій съ лошади, сломать при этомъ себѣ руку. Хотя трауръ по Великому Князю Константину при Дворѣ еще продолжался, тѣмъ не менѣе было разрѣшено праздновать взятіе Варшавы въ частныхъ домахъ. Было дано нѣсколько блестящихъ баловъ въ городѣ и его окрестностяхъ. Особымъ великолѣпіемъ отличался балъ у австрійскаго посла графа Финельмонга, данный 8-го числа, затѣмъ балъ у графа Кочубея 11-го числа.

27-го ноября. Я присутствовалъ на похоронахъ княгини Ловичъ, только на нѣсколько мѣсяцевъ пережившей своего супруга.

29-го числа былъ на благодарственномъ молебнѣ по случаю прекращенія въ Петербургѣ холеры.

6-го декабря окончился трауръ и Государь далъ большой балъ въ Бѣломъ залѣ дворца.

13-го. Я присутствовалъ на спектаклѣ въ Эрмитажѣ.

14-го. Вспоминая 1825 годъ, Государь, какъ и въ предыдущіе годы, посѣтилъ въ этотъ день казармы нашего полка. Въ этотъ же день я удостоился въ первый разъ чести быть приглашеннымъ на вечеръ въ самомъ интимномъ кругу въ Анничковскомъ дворцѣ. Государь и Императрица принимали тутъ какъ частные люди своихъ гостей; трудно представить себѣ болѣе любезныхъ и гостепріимныхъ хозяевъ дома, чѣмъ Императора Николая и красавицу Императрицу Александру. Число приглашенныхъ не превышало пяти-

десяти человекъ. Танцевали подъ звуки фортепьяно съ аккомпаниментомъ одной скрипки. Всякій этикетъ на этихъ 'собраніяхъ былъ изгнанъ. Государь требовалъ, чтобы танцующіе не обращали на него вниманія и, если этого требовали танцы, поворачивались бы къ нему спиною. Примѣромъ этому быть и самъ и я не могу себя отказать въ удовольствіи вспомнить эпизодъ, случившійся со мною на одномъ изъ этихъ прелестныхъ вечеровъ. Императоръ Николай I стоялъ, облокотясь на доску камина, и бесѣдовать съ фельдмаршаломъ Паскевичемъ. Сигналъ для начатія контрданса былъ данъ, пары становились на свои мѣста. Императрица стала, по своему обыкновенію, съ своимъ кавалеромъ напротивъ камина. Вдругъ генеральна Фредериксъ (одна изъ придворныхъ дамъ, прибывшая съ Императрицею изъ Берлина), съ которою я танцовать этотъ контрдансъ, замѣтила, что для Императрицы не приготовили vis-à-vis. Немедленно, потянувъ меня за собою, она перешла на это мѣсто и стала у камина напротивъ Императрицы. Мнѣ благодаря этому пришлось стать спиною къ Государю. Видя мое неловкое положеніе и мои старанія не поворачиваться къ нему спиною, Государь взялъ меня обѣими руками за эполеты, повернулъ къ себѣ спиною и сказалъ: «Да будешь ты, наконецъ, стоять спокойно и не вертѣться туда и сюда!» Такъ продержалъ онъ меня во все время контрданса и каждый разъ, когда наступала моя очередь танцовать, давалъ мнѣ маленькій толчокъ, говоря: «марш!» Когда же я возвращался на мѣсто у камина, то онъ клалъ *снова* свои руки на мои плечи, не прекращая при этомъ разговора съ Паскевичемъ. Императрица, какъ всегда, сама выбирала своихъ танцоровъ. На эти вечера придворныя дамы и фрейлины приглашались по очереди, такъ какъ число приглашенныхъ не должно было превышать пятидесяти человекъ¹⁾. Никогда я не видалъ ничего симпатичнѣе этихъ вечеровъ. Рѣдкое веселіе, соединенное съ высшимъ приличіемъ и тѣмъ не менѣе полнымъ *sans gêne*. Дѣлали эти вечера безподобными. Такъ какъ я много выѣзжалъ и танцовалъ, то все общество было мнѣ хорошо знакомо, а это, конечно еще болѣе увеличивало для меня прелесть этихъ вечеровъ. Вообще положеніе офицеровъ Конной Гвардіи въ Петербургскомъ обществѣ было блестящее, насъ шутя называли «собственнымъ» Царя и очень завидовали намъ. На всѣ торжества дипломатическаго корпуса, будь то знакомые или незнакомые, конногвардейцы бывали всегда приглашаемы. Много насъ участвовало также на всѣхъ царскихъ балахъ и спектакляхъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ²⁾. Императрица очень любила танцовать и

¹⁾ Приглашенія на такой вечеръ получались слѣдующимъ образомъ. Утромъ къ приглашаемому являлся камердинеръ Государя со словами: «Ихъ Величества Государь и Императрица приглашаютъ Васъ сегодня вечеромъ на чашку чая».

²⁾ Не всѣ приглашенные въ театръ были званы и на ужинъ. Государь и Императрица лично назначали приглашенныхъ къ ужину и послѣднимъ посылались для этого особые входные билеты.

поэтому устраивалось много вечеровъ. Рѣдкая красота Государыни вездѣ выделялась изъ общей массы дамъ; трудно бывало оторвать глазъ отъ прелестной картины, видя ее танцующею. Петербургское общество тоже не отставало отъ Двора, балы слѣдовали за балами. Дамы и кавалеры не могли дожидаться слѣдующаго вечера, когда опять гдѣ нибудь могли собраться. Танцевали безъ усталы, съ удовольствіемъ, не такъ, какъ въ теперешнее время, когда танцуютъ больше по принужденію. Между фигурами контрданса не садился, и я лично убѣжденъ, что постоянное всакивание съ мѣсть только напрасно утомляетъ танцующихъ.

1832-й годъ. 1-го января я участвовать на большомъ общественномъ маскарадѣ при Дворѣ, на который было роздано болѣе двадцати тысячъ билетовъ, и входъ разрешался всякому чисто одѣтому мѣщанину и крестьянину. Мнѣ кажется, что это былъ послѣдній подобный маскарадъ, и болѣе о такомъ не слыхивать. Можно себѣ представить невыносимую жару, царившую въ залахъ Дворца отъ многотысячной толпы народа и массы свѣчей (говорятъ, около 24.000). Полы и паркетъ были покрыты тонкимъ слоемъ грязи, такъ какъ большая часть публики пришла пешкомъ и, несмотря на все старанія хорошо обчистить ноги, тѣмъ не менѣе вносила съѣтъ и грязь. Воздухъ отъ испареній такого множества людей былъ похожъ на туманъ, сквозь который тускло свѣтили свѣчи. Черезъ эти массы народа изъ одного зала въ другой двигались длинныя Императорскіе полонезы и стоило громаднаго труда очищать мѣсто для прохожденія танцующихъ. Дворецъ постѣ подобнаго маскарада провѣтривался и чистился въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

4-го января я былъ вновь приглашенъ на Анничковскій балъ, а 7-го на балъ въ Концертномъ залѣ (600 человекъ).

8-го числа Государь произвелъ въ Михайловскомъ экзерциргаузѣ смотръ тремъ вновь сформированнымъ кирасирскимъ дивизіонамъ, Кавалергардскому, нашему и гвардейскому кирасирскому и остался ими очень доволенъ.

Какъ весело жили и какъ любили танцевать въ то время, доказываетъ масса баловъ, данныхъ въ эту зиму. Назову нѣкоторые, осчастливленные присутствіемъ Императорской четы.

12-го въ Анничковскомъ дворцѣ.

17-го у старой княгини Голицыной (Владимірѣ).

19-го у графа Нессельроде.

22-го Малый Императорскій балъ во Дворцѣ Удѣловъ.

25-го у австрійскаго посла графа Фикельмонты.

26-го въ Аничковскомъ дворцѣ.

28-го Концертный балъ во Дворцѣ.

Въ промежутокъ между этими балами давались спектакли и ужины въ Эрмитажѣ.

5-го февраля балъ въ Хлѣбахъ.

9-го блестящій балъ у князя Бѣлосельскаго.

12-го балъ у англійскаго посла.

Между ними спектакли, обѣды и поѣздки въ саняхъ на острова.

14-го февраля началась масленица, и мы приготовились эту недѣлю особенно повеселиться. Былъ разводъ въ Михайловскомъ экзерциргаузѣ. Чтобы не терять времени на поѣздку домой, мы (Аничковскіе танцоры) захватили съ собою въ манежъ наши сюртуки и фуражки. После развода, наскоро пересодѣвшись, посѣщили прямо въ Елагинскій дворецъ. Здѣсь уже стояли наготовѣ большія сани, запряженныя восемью лошадьми. Къ этимъ большимъ санямъ были привязаны сзади двѣ длинныхъ веревки и между ними еще двадцать маленькихъ элегантныхъ и удобныхъ санокъ. Вскоръ вышли Императрица и съѣхъ съ двѣнадцатью дамами въ большія сани; Государь, Великіе Князья, придворныя дамы, кавалеры и приглашенные офицеры разсѣлись по маленькимъ санкамъ. Около часу возили насъ такимъ образомъ по островамъ.

Конечно, на поворотахъ часть маленькихъ саней опрокидывалась въ снѣгъ, что каждый разъ привѣтствовалось криками и смѣхомъ. Последние десять саней были заняты только кавалерами. Камеръ-юнкеръ Дурново и я выбрали себѣ самыя послѣднія санки, какъ наиболѣе валкія и интересныя. На каждомъ заворотѣ приходилось балансировать, чтобы не вывалиться въ снѣгъ. На плацу у Елагинскаго театра, покрытомъ глубокимъ слоемъ мягкаго снѣга, неопаснаго при паденіи, Императрица приказала сдѣлать довольно крутой поворотъ, что вызвало большой переполохъ между маленькими санками. Первые опрокинулись двѣнадцать съ Великимъ Княземъ Михаиломъ; онѣ потянули за собою и остальные восемь санокъ. Сѣдоки упали одни на другихъ въ глубокій снѣгъ и барахтались въ немъ. На самомъ верху этой кучи очутились Дурново и я¹⁾.

Вернувшись въ Елагинскій дворецъ, все общество направилось къ двумъ вновь устроеннымъ ледянымъ горамъ, одной для Императрицы и дамъ, — другой, болѣе крушой, для кавалеровъ. На послѣдней находились длинныя сани, такъ называемыя дилижансы, въ которыя садились по четыре человека съ каждой стороны, всего значить восемь человекъ. Санями управляли архангельскіе мушкетеры на конькахъ.

¹⁾ Картинка, изображающая этотъ поѣздъ, хранится въ архивѣ бароновъ Каульбарсовъ.

Какъ просто и непринужденно веселился доказываетъ слѣдующій маленький эпизодъ.

Императоръ Николай I съѣзъ въ одинъ изъ этихъ дилжансовъ, посадилъ меня на одно свое кѣлово, а графа Понтуса Стенбокъ (впослѣдствіи графъ Эссенъ Стенбокъ-Ферморъ), одного изъ моихъ офицеровъ, на другое; мы должны были держаться, обнявъ его шею. Впередѣ насъ сѣлъ графъ Фикельмонтъ, тоже съ двумя офицерами на кѣльяхъ. Въ такомъ видѣ нашъ дилжансъ съѣхалъ съ горы со скоростью молніи. Можно себѣ представить восторгъ публики и народа, столпившагося по обѣимъ сторонамъ нашей дороги. Около часу продолжалось веселье на горахъ, послѣ чего Императорская чета удалилась во внутренніе покои дворца. Для приглашенныхъ были приготовлены комнаты во флигеляхъ, снабженные всѣми какими только возможно удобствами для туалета. Тутъ мы переодѣлись въ наши вицъ-мундиры, но безъ шаговъ и шляпъ, и отправились во дворецъ, гдѣ немедленно начался танецъ. Протанцовавъ нѣсколько контрдансовъ, отправились въ столовый залъ къ обѣду. Здѣсь было накрыто множество маленькихъ круглыхъ столовъ, каждый на восемь персонъ. Сѣли кто куда хотѣлъ. Послѣднимъ Цесаревичъ (нынѣ Императоръ Александръ II), тогда мальчикъ тринадцати лѣтъ, пригласилъ меня сѣсть за свой столикъ, гдѣ обѣдалъ и его воспитатель генералъ Мердеръ. Послѣ обѣда танцы продолжались до восьми часовъ вечера; отъ восьми до десяти отдыхали, слушая прелестную игру французскихъ актеровъ, разыгравшихъ нѣсколько маленькихъ пьесъ. Послѣ спектакли продолжали танцовать въ прибранномъ для этой цѣли столовомъ залѣ, и въ два часа ночи, послѣ легкаго ужина, разъѣхались по домамъ. Общество состояло только изъ пятидесяти человекъ.

На слѣдующій день, 15-го числа, былъ большой балъ у графа Фикельмонта, 18-го повтореніе Елагинскаго гулянья, послѣ котораго въ два часа ночи я поѣхалъ еще на балъ къ банкиру Севастьяну Крамеръ. 19-го былъ балъ у графа Нессельроде, а 21-го, въ воскресенье, опять повтореніе Елагинскаго торжества. Послѣ него многіе изъ офицеровъ поѣхали еще къ графу Фикельмонту, гдѣ продолжали танцовать до четырехъ часовъ ночи. Этимъ, къ нашему величайшему прискорбію, кончилась веселая масленица.

23-го февраля началось вступленіе въ Петербургъ возвращавшихся изъ Польской кампаніи войскъ, прозимовавшихъ въ Варшавѣ, Вильнѣ, Лифляндіи и другихъ мѣстахъ. Первымъ въ Петербургъ вступилъ л.-гв. Преображенскій полкъ.

4-го марта пришла и Конная Гвардія. Для встрѣчи ея я выстроилъ свой дивизионъ у Нарвской заставы, но прохожденіи полка пристроился и вмѣстѣ съ нимъ продефилировалъ мимо Государя Императора.

7-го числа я сдалъ свой дивизионъ полковому командиру генералу Оффенбергу. Въ полку для всѣхъ эскадроновъ мѣста не хватало, поэтому я перешелъ съ своимъ резервнымъ эскадрономъ въ Стрѣльну.

25-го марта. Въ полковой праздникъ Государь по обыкновенію принять парадъ, по окончаніи котораго обошлись казармы и конюшни. Обѣдь, на который въ этотъ день приглашались офицеры полка, быть отложено, по причинѣ, которую я забылъ, на 29 число. Въ этотъ день офицеры Конной Гвардіи и д.-гв. Егерскаго полка обѣдали во дворцѣ. Часть моего резервнаго эскадрона и всѣ молодыя лошади остались въ Петербургѣ для лучшаго обученія ихъ въ манежѣ. Поэтому я могъ проводить почти все время здѣсь и только нрѣдка появляться въ Стрѣльну.

1-го мая я присутствовать въ Георгіевскомъ залѣ Зимняго Дворца на пріемѣ польскихъ депутатовъ.

8-го мая. Майскій парадъ, на которомъ я присутствовалъ зрителемъ.

21-го мая. Весь полкъ ушелъ въ Стрѣльну, а я привелъ часть моего эскадрона въ Петербургъ. У всѣхъ моихъ знакомыхъ, жившихъ на дачахъ около Стрѣльны и Петергофа, начались обѣды и вечера, и я часто ѣздилъ изъ Петербурга на эти увеселенія.

25-го, въ день рожденія Государя, я участвовать въ разводѣ нашего полка, а послѣ него на большомъ выходѣ во дворцѣ. Вечеромъ по приказанію Императрицы быть званъ на маленькій балъ въ Монплезиръ.

30-го іюня, въ четыре часа утра, я получилъ приказаніе немедленно перейти съ эскадрономъ въ Петергофъ для занятія карауловъ во время большихъ маневровъ. Я вышелъ въ восемь часовъ утра и въ часъ дня прибылъ въ Стрѣльну. По пріѣздѣ сюда, генералъ Оффенбергъ передать мнѣ приглашеніе Государыни Императрицы на балъ въ Петергофскомъ Большомъ дворцѣ. Какъ было приказано, къ восьми часамъ вечера я явился во дворецъ. Мое появленіе было встрѣчено свитой Государя съ большимъ удивленіемъ. Обыкновенно на такіе балы приглашались только ближайшіе придворные и нѣсколько флигель-адъютантовъ. Полагая, что произошло недоразумѣніе съ приглашеніемъ, нѣсколько человекъ советовали мнѣ даже уѣхать, дабы не оказаться въ неловкомъ положеніи. Имѣя въ рукахъ письменное приглашеніе, я тѣмъ не менѣе остался. Когда дали снѣдать для перваго контрданса я приглашалъ даму (Аврору Стіериваль). Только что успѣли мы стать на мѣсто, какъ подошла ко мнѣ Императрица и очень милостиво сказала: «Я очень рада, что вы всетаки пріѣхали: утромъ мнѣ сказали, что вы въ Петербургѣ». На это я отвѣтилъ, что только днемъ успѣлъ съ эскадрономъ перейти въ Стрѣльну, гдѣ имѣлъ счастье найтти милостивое приглашеніе. Отходя отъ меня, Государыня прибавила: «Я очень рада, что вы здѣсь, вы всегда умѣете оживить балъ, сдѣлайте это и сегодня». Этотъ разговоръ слышать одинъ изъ флигель-адъютантовъ.

особенно безпокоившіся, что мнѣ могутъ быть непріятности изъ-за ошибочнаго приглашенія. Я не могъ себѣ отказать въ маленькомъ удовольствіи, и обратившись къ нему, спросилъ: «Ну что, не лучше ли мнѣ уѣхать, или теперь можно остаться?» Государь и Великій Князь Михаилъ нѣсколько разъ очень милостиво говорили со мною. На этомъ балу я видѣлъ прѣхавшаго наканунѣ на фрегатѣ англійскаго посла графа Дургамъ (прибывшаго по дѣламъ Польши) съ женою и двумя очень красивыми дочерьми.

1-го іюля, въ день рожденія Императрицы, былъ разводъ Кавалергардскому полку и постѣ него большой выходъ во дворецъ. Вечеромъ въ семь часовъ театръ и балетъ на открытомъ воздухѣ. Садъ Монплезира былъ обращенъ въ роскошную сцену, въ серединѣ которой били чудный фонтанъ. Давали балетъ Кіа-Кингъ (китайскій сюжетъ). Постѣ спектакля былъ балъ въ Монплезирѣ, на которомъ присутствовало около трехъ сотъ человѣкъ.

7-го. Три Великія Княжны Марія, Ольга и Александра Николаевны уѣзжали на пароходѣ Пикора въ Ревель на Екатеринентадьскія морскія купанья ¹⁾. Я участвовать въ гавани на ихъ проводяхъ.

12-го и 24-го я танцовать на балахъ во дворецъ. Мой эскадронъ не принимать участія въ маневрахъ и я присутствовать на нихъ зрителемъ, что было для меня въ высшей степени интересно.

2-го августа Великій Князь Михаилъ Павловичъ подозвалъ меня къ себѣ и приказалъ отвести эскадронъ въ Петербургъ, что я въ тотъ же день и исполнилъ. Конецъ мѣсяца прошелъ какъ всегда: утромъ служба, вечеромъ какое нибудь увеселеніе—обѣдъ, балъ или спектакль въ городѣ или на дачахъ подѣ Стрѣльною и Петергофомъ.

30-го. Въ день св. Александра Невскаго я былъ въ числѣ приглашенныхъ на поднятій Александровской колонны передъ Зимнимъ дворцомъ. Для Царской Семьи былъ разбитъ особый шатеръ, приглашенные же помѣнялись въ окнахъ Зимняго дворца. Колонну поднимали посредствомъ шестидесяти четырехъ кабестановъ, приведенныхъ въ движеніе тысячею двумястами гвардейскихъ солдатъ. Поднятіе длилось два часа времени.

31-го. Я присутствовалъ на открытіи вновь выстроеннаго Александринскаго театра. Осень и зима миновали скоро—утромъ служба, вечеромъ балы при Дворѣ или въ частныхъ домахъ. Зимой я ѣздилъ съ братомъ Карломъ

¹⁾ На обратномъ пути имѣніе моего отца Меддерсъ было назначено для перваго ночлега. 16-го августа Великія Княжны прибыли сюда. Весь верхній этажъ дома былъ отданъ въ ихъ распоряженіе. Отецъ, мать и сестры мои перѣехали въ школьныя комнаты. Напившись чаю и погулявъ въ саду и паркѣ, Великія Княжны попросили мою сестру Софію, одну изъ лучшихъ ученицъ знаменитой пѣвицы Мара, спѣть нѣсколько пѣсенъ. Вечеромъ была иллюминація Готическаго башни. Переночавъ, Великія Княжны утромъ 17-го продолжали свой путь. Въ свитѣ Ихъ Высочества были госпожа Баранова (внучка графини) и оберъ-инталмейстеръ князь Василій Долгорукій.

къ сестрѣ Наталіи въ Диліенбахъ и къ родителямъ въ Меддерсъ. Въ эту зиму я и двое изъ моихъ полковыхъ товарищей, Балабинъ и Ильинъ, часто приглашались по субботамъ къ генералу Мердеръ, воспитателю Наслѣдника Цесаревича, гдѣ устраивались различныя забавы для Его Высочества и гдѣ часто танцовали, при чемъ я обыкновенно игралъ на фортепьянахъ. Служебныя занятія, а главное балльная и общественная жизнь, сильно подорвали мое здоровье. Движеніе впередъ по службѣ, шедшее до сихъ поръ удачно, теперь пріостановилось. Императоръ Николай сейчасъ же послѣ востшествія на престолъ уменьшилъ число полковниковъ въ полкахъ съ пяти на три, и поэтому мнѣ еще долго приходилось сидѣть ротмистромъ. Кромѣ того меня уже давно тянуло видѣть новыя страны, другихъ людей и ихъ нравы. Получить заграничный отпускъ у насъ было невозможно; поэтому я рѣшилъ подать въ отставку.

19-го декабря я подалъ прошеніе. Мнѣ было очень лестно, что вскорѣ же я получилъ запросъ Государя Императора и Великаго Князя Михаила, какія причины вызвали такъ внезапно мою просьбу объ отставкѣ. Мнѣ было приказано написать письменное объясненіе и передать его начальнику гвардейскаго генеральнаго штаба генералу Вефмарну I. Конечно, въ этой бумагѣ я показывать причиною моего ухода со службы разстроенное здоровье и домашнія обстоятельства. Упомянуть о моемъ желаніи путешествовать я, конечно, не могъ, такъ какъ въ виду разныхъ революцій, безпорядковъ и польскаго мятежа, отпускъ за границу давался лишь въ исключительныхъ случаяхъ, въѣздъ же во Францію русскимъ подданнымъ былъ совершенно запрещенъ. Великій Князь очень милостиво уговаривалъ меня не покидать службы и предлагалъ шестимѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія, но я не могъ поборотъ своего желанія путешествовать, рассчитывая черезъ годъ вернуться и, поступивъ обратно въ свой полкъ, продолжать службу.

1833-й годъ. 1-го января я присутствовалъ на большомъ маскарадѣ и къ ужину былъ приглашенъ въ Эрмитажъ.

16-го я былъ наферомъ на свадьбѣ моего брата Карла, женившагося на Наталіи фонъ Энгельгардтъ. Это былъ поистинѣ разъ, что мнѣ пришлось надѣвать въ Петербургѣ нашъ красный бальный мундиръ, такъ какъ въ скоромъ времени должны были выйти мои бумаги объ отставкѣ¹⁾.

¹⁾ Въ 1834 году во Флоренціи, во дворцѣ Питти, на балу у великаго герцога Фердинанда я явился опять въ нашъ красный мундиръ.

18-го я присутствовалъ на маленькомъ балу во дворцѣ Удѣловъ.

21-го. Большой балъ у графа Кочубея, въ присутствіи Императорской четы. Государь очень милостиво говоритъ со мною, выражая свое сожалѣніе, что я не перемѣнилъ своего намѣренія бросить службу.

23-го. Я получилъ отъ полка мой указъ объ отставкѣ, подписанный лично Государемъ Императоромъ, отъ 16-го числа, въ которомъ я увольнялся въ отставку полковникомъ съ мундиромъ. Вечеромъ на балу у графа Фикельмонта я былъ уже въ штатскомъ платьѣ.

6-го февраля я представлялся какъ отставной полковникъ Великому Князю Михаилу, причемъ онъ мнѣ сказалъ: «Да проститъ тебѣ Богъ, что ты ушелъ въ отставку. Надѣюсь, что ты будешь въ деревнѣ такъ скучать, что скоро опять вернешься на службу». Подъговаривая меня трижды, отпустилъ меня со словами: «До свиданья»... Ему и въ голову не могло придти, что я носился съ совершенно другими планами, чѣмъ скучать въ деревнѣ.

10-го я былъ въ Ангельгардтовскомъ залѣ на маскарадѣ, на которомъ присутствовалъ и Государь. Встрѣтивъ меня, Онъ милостиво сказалъ: «Я привыкъ видѣть тебя шестнадцать лѣтъ въ мундирѣ. — въ этомъ костюмѣ почти не узнаю».

17-го я сдѣлать массу прощальныхъ визитовъ и 18-го числа уѣхалъ изъ Петербурга, получивъ наканунѣ пряжку за XV-й лѣтъ безпорочной службы.

В. Р. Каульбарсъ.

По карандашному наброску съ натуры 1827 г.

1833 г. 18-го февраля выѣхать изъ Петербурга, проведъ 19-е число въ Лиліенбахъ и прибыть 20-го въ Ревель. Здѣсь мои родители проводили большую часть зимы, жили очень открыто, часто устраивая въ своемъ домѣ на Вышгородѣ обѣды, вечера и лотереи съ благотворительною цѣлью. Такую же жизнь вели и наши родственники и знакомые.

21-го марта вся наша семья переѣхала въ Меддерсъ. Здѣсь я пробылъ въ кругу своихъ до 12-го апрѣля, послѣ чего черезъ Лиліенбахъ поѣхалъ въ Петербургъ, куда прибыть 18-го числа. Остановился въ Конной Гвардіи у графа Понтуса Стенбокъ. Такъ какъ мой шуринь, баронъ Штакельбергъ-Лиліенбахъ, тоже собирался ѣхать за границу, то мы рѣшили поѣхать вмѣстѣ. Не могу не указать на средства, давшія мнѣ возможность совершить столь долгую и интересную поездку за границу: 1) моя часть изъ Меддерскаго серебрянаго сервиза, проданная мною за четыре тысячи рублей ассигнаціями, 2) около двухъ тысячъ рублей, вырученныхъ мною за проданные въ Петер-

бургъ экипажи, лошади, мебель и т. д. и 3) тысячи рублей, подаренныхъ мнѣ отцомъ на поѣздку. Всю эту сумму я помѣстилъ у банкира Севастьяна Крамера, взявъ у него взамѣнъ ея кредитивы на главные города Европы. Передъ моимъ отъѣздомъ я присутствовалъ на майскомъ парадѣ, гдѣ простился со всѣми друзьями и товарищами. Сдѣлавъ массу прощальныхъ визитовъ, мой шуринъ и я выѣхали въ этотъ же вечеръ въ Кронштадтъ, чтобы тамъ сѣсть на большой пароходъ «Николай». Отправившись туда съ семействомъ Байзядъ, на принадлежащемъ имъ пароходѣ, переполненномъ увѣжающими и провожающими.

11-го мая въ 5 часовъ утра тронулись въ путь. Не намѣреваясь въ этихъ запискахъ дать детальнаго описанія моего путешествія, я укажу только на самые интересные эпизоды¹⁾. Первый день моего столь желаннаго путешествія былъ очень неприятнымъ. Уже у острова Гохландъ поднялся такой ураганъ, что пароходъ былъ принужденъ перемѣнить курсъ на сѣверъ и укрыться въ Финляндскихъ шхерахъ въ Питтерлакъ, мѣсть, гдѣ была добыта гранитная глыба для Александровской колонны въ Петербургъ. Здѣсь простояли ночь и 12-го числа рано утромъ, обойдя Гохландъ съ сѣвера, пошли въ Ревель, миновали его въ 7 часовъ вечера, прошли 13-го Дагерортъ, 14-го Готландъ и Оландъ, 15-го Рюгенъ, Гиддензое, Моанъ, Ростокъ, Доберанъ и Висмаръ, и въ 9 часовъ вечера того же числа прибыли въ Травемюнде. Въ тотъ же вечеръ Штакельбергъ и я прослѣдовали въ Любекъ, проѣзжая по чуднымъ лиственнымъ лѣсамъ, разстилающимся по сторонамъ дороги. Въ Любекѣ остановились въ гостиницѣ «Stadt Hamburg» и сейчасъ же начали осматривать достопримѣчательности города.

29-го по новому стилю продолжали путь, миновали Ольдеслобъ, извѣстный своими солеварнями, и прибыли въ Гамбургъ, гдѣ остановились въ гостиницѣ «Alt London» на Юнгфернштегъ. Здѣсь я встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ изъ Петербурга, банкира Шмидтъ и нашего резидента въ Гамбургѣ Струве. Сюда же съѣхалось около 60 пассажировъ съ «Николая», съ которыми я свелъ знакомство въ пути.

3-го іюня шуринъ и я выѣхали въ Берлинскомъ почтовомъ омнибусѣ, миновали Лауенбургъ, Люнебургскій пустырь, 4-го перѣехали черезъ Прусскую границу, Перлебергъ, Людвигслюсть, 5-го Шпандау и Шарлоттенбургъ и въ 8 часовъ утра того же числа прибыли въ Берлинъ, гдѣ остановились въ «Hôtel de Russie». Здѣсь я былъ знакомъ съ нашимъ посломъ Рибоныеромъ, его семействомъ, генераломъ Мансуровымъ и княземъ Долгорукинымъ. Благодаря имъ, мое пребываніе въ Берлинѣ было особенно приятнымъ. Здѣсь

¹⁾ Детали внесены въ мой дневникъ за 1833, 1834 и 1835 года. Дневникъ этотъ находится (1999 г.) у баронессы Прасковьи Владиміровны Каульбарсъ, рожд. Желтухиной.

жить и знакомый мнѣ еще въ Петербургѣ известный художникъ Крюгеръ. При одномъ изъ посѣщеній я увидѣлъ у него очень красивую молодую женщину, которая съ видимымъ интересомъ слѣдила за нашимъ разговоромъ и, наконецъ, спросила: «Скажите пожалуйста, гдѣ говорятъ на такомъ чистомъ, музыкальномъ нѣмецкомъ языкѣ, какъ вы сейчасъ говорили?» Когда я ей отвѣтилъ, что это языкъ остзейскихъ провинцій и нѣмецкой колоніи Петербурга, она воскликнула: «Боже мой, да какъ же я буду гастролировать эту осень въ Петербургѣ!». Дама эта оказалась знаменитою актрисою Шарлоттою фонъ-Хагенъ, говорившею по-нѣмецки съ сильнымъ берлинскимъ акцентомъ. Во время моего пребыванія въ Берлинѣ я часто посѣщалъ ее, читалъ ей книги и поправлялъ ея произношеніе. При прощаніи она подарила мнѣ свой портретъ (литографію). Изъ всего, что я видѣлъ въ Берлинѣ и его окрестностяхъ, самое глубокое и неизгладимое впечатлѣніе произвела на меня мраморная статуя королевы Луизы въ Потсдамскомъ паркѣ при новомъ дворцѣ. Статуя эта—работа знаменитаго скульптора Рауха и копія съ колоссальной статуи, находящейся въ мавзолей въ Шарлоттенбургѣ, но въ настоящую величину человека.—Бывая у нашего посла Рибоьера на всѣхъ обѣдахъ и вечерахъ, я познакомился съ нѣкоторыми выдающимися людьми того времени, между прочимъ съ знаменитымъ Александромъ фонъ-Гумбольдтъ. Хорошо ознакомившись съ Берлиномъ и его окрестностями, 13-го я выѣхалъ и черезъ Ютербокъ, поле сраженія при Денневицѣ, Трейенбриценъ, Гросентайгъ и т. д. прибылъ въ Дрезденъ 14-го числа и остановился въ гостиницѣ «Berlin». Въ тотъ же день осмотрѣлъ знаменитую картинную галерею. Въ Дрезденѣ я рѣшилъ остаться нѣкоторое время, а жизнь въ гостиницѣ стоила очень дорого, поэтому вмѣстѣ съ полковникомъ л.-гв. Семеновскаго полка Писемскимъ, съ которымъ я познакомился на пароходѣ «Николай» и который тоже пріѣхалъ въ Дрезденъ, наняли небольшую частную квартиру на большой фрауенштрассе. Мой шуринъ Штакельбергъ покинулъ меня здѣсь и поѣхалъ дальше. Писемскій и я осмотрѣли все достопримѣчательности города, ѣздили въ Морцбургъ, Шницбергъ, Клейнъ-Чахвицъ, Пирна, Тарандъ и Фрейбергъ. Въ последнемъ городѣ, извѣстномъ своими рудниками, мы спустились на глубину восьми сотъ восемнадцати футовъ: говорятъ, наибольшая глубина рудниковъ 2200 футовъ. Мы побывали также на фарфоровомъ заводѣ въ Мейс-сенѣ. Во время своего пребыванія въ Дрезденѣ я часто посѣщалъ нашего посланника фонъ-Шредеръ и его секретарей Говениуса и Рихтера. Черезъ Писемскаго, у котораго былъ больной братъ въ домѣ умалишенныхъ на Зонненштейнѣ въ Пирнѣ, я познакомился съ милѣйшимъ семействомъ доктора Приницъ, завѣдывавшаго этою лѣчебницею. Съ ними мы предпринимали нѣсколько очень интересныхъ экскурсій въ Саксонскую Швейцарію, гдѣ неоднократно посѣщали банкира Краузе въ его имѣніи Вейстронъ. Въ Петербургѣ

я часто встрѣчалъ семью его брата, одна изъ дочерей котораго, Елизавета, была впоследствии лектрисою у великой княгини Елены Павловны и затѣмъ вышла замужъ за финляндскаго сенатора барона Клинковстремъ.

27-го я поѣхалъ съ ними въ Кришвицъ, Никольсдорфъ, Гермесдорфъ, Нейбергъ, Билергрундъ и изъ деревни Тиза поднялся на Богемскую гору Шнеебергъ (2,814 ф.). Будучи въ Дрезденъ, нѣсколько разъ бывалъ на засѣданіяхъ саксонскаго парламента, но ничего интереснаго не услышалъ. Въ это время въ Дрезденъ пріѣзжалъ адмиралъ князь Меншиковъ, которому я показывалъ уже знакомый мнѣ городъ. Онъ былъ столь любезенъ, что захватилъ съ собою нѣсколько закупленных мною въ Дрезденъ и Мейссенъ вещей и отправилъ ихъ на военный пароходъ, предоставленный въ его распоряженіе.

8-го числа, идя по улицѣ, я сдѣлался свидѣтелемъ тревоги, произведенной принцемъ Іоганномъ (нынѣ, въ 1872 г., саксонскій король) національной гвардіи. Тутъ я наблюдалъ много комичныхъ сценъ, особенно въ кавалеріи, состоявшей изъ 35 человекъ, еле-еле державшихся на лошадяхъ.

15-го іюля покинулъ Дрезденъ въ сопровожденіи Инсемскаго, направлявшагося въ Тетшенъ. Здѣсь я оставилъ его и уже одинъ продолжалъ путь. ѣхалъ черезъ Ноллендорфъ, Арбисау и Кульмъ, гдѣ осматривалъ поле сраженія, въ Теплицъ. Здѣсь я провелъ продолжительное время и пребываніе въ этомъ курортѣ представляетъ одинъ изъ интересныхъ эпизодовъ моего путешествія. Я остановился на большомъ рынкѣ въ домѣ подъ названіемъ «Золотое сердце». Здѣсь я встрѣтилъ своего стараго друга полковника л.-гв. Егерскаго полка Мандерштерна. Цѣлый день мы гуляли по прелестнымъ окрестностямъ Теплица, а вечеромъ пошли на танцевальный вечеръ въ курзатъ. Тутъ я познакомился съ семейю владѣльца Теплица, князя Кларн, любезно пригласившаго меня посѣщать его домъ. Вечеромъ въ Теплицъ прибылъ король прусскій съ супругою, княгинею Лигницъ, рожденною графинею Гаррахъ, чтобы здѣсь на водахъ провести нѣсколько недель.

27-го вечеромъ въ курзатъ я представился герцогу Мекленбургскому, командиру прусскаго гвардейскаго корпуса.

28-го оберъ-гофмаршаломъ прусскаго двора княземъ Витгенштейномъ я былъ представленъ королю, а фрейлиною Іасмундъ его мorganатической супругъ княгинѣ Лигницъ. При представленіи король обратился ко мнѣ со словами: «Я очень радъ съ вами познакомиться; когда вы были въ Берлинѣ, я приглашалъ васъ обѣдать, но вы были, къ сожалѣнію, больны»¹⁾. Затѣмъ онъ

¹⁾ При описаніи моего пребыванія въ Берлинѣ я забылъ упомянуть, что сейчасъ же по пріѣздѣ туда получилъ отъ коменданта черезъ жандарма приглашеніе въ тотъ же день представиться королю и обѣдать у него въ Шарлоттенбургѣ. Мой багажъ еще не прибылъ и я не имѣлъ возможности переодѣться, поэтому пришлось извиниться болѣзнію. Русскіе офицеры бывали всегда приняты въ Берлинѣ съ большою любезностью.

освѣдомился, не родственникъ ли я тому Каульбарсу, который въ 1826 году привезъ лошадей, подаренныхъ ему императоромъ Николаемъ, и рассказывалъ мнѣ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ его сыномъ принцемъ Альбертомъ, только что вернувшимся съ большихъ маневровъ въ Россіи. Очень удивило его мое сходство съ принцемъ Фридрихомъ Прусскимъ, такъ что онъ даже воскликнулъ: «какое странное сходство!» Встрѣчая меня впоследствии на «променадѣ», онъ каждый разъ очень милостиво разговаривалъ со мною. Однакоже любезно отнеслась ко мнѣ и княгиня Лигницъ. На балу она сама выбирала своихъ кавалеровъ и поэтому прислала ко мнѣ князя Витгенштейна, чтобы пригласить меня на мазурку. Княгиня любила этотъ танецъ и впоследствии на всѣхъ вечерахъ въ Теплицѣ танцевала его со мною. За королемъ въ Теплицѣ послѣдовали все посланники и много высокопоставленныхъ людей, такъ что собралось очень симпатичное избранное общество. Я очень подружился съ семейю князя Меттерниха, съ младшею дочерью котораго, Леонтиною, я танцевалъ всегда котильонъ. Помню одно очень забавное происшествіе, въ которомъ она была причастна. Какъ-то во время танцевъ упала одна изъ ея шпильекъ, которую я поднялъ и, не отдавая, мять въ рукахъ. Движеніе это замѣтили наша сосѣдка, баронесса Мюнхгаузенъ, племянница гамбургскаго министра, и спросила: «Вы, вѣроятно, хотите сдѣлать изъ шпильки крючокъ?» На это я шутя отвѣтилъ, что именно такъ и что на этотъ крючокъ поймаю сразу два карпа въ пруду князя Клары. Князь очень дорожилъ своими карпами и рѣдко давалъ разрѣшеніе удить въ своихъ прудахъ. Зная это, баронесса засмѣялась и предложила мнѣ пари, что это мнѣ не удастся. Княжна Меттернихъ уговаривала меня принять это пари, но, бывъ причиною всего разговора, потребовала себѣ одного изъ моихъ карповъ. Мы посмѣялись и забыли этотъ разговоръ. Нѣсколько дней спустя, проходя мимо оконъ кондитера, я увидѣлъ искусственныхъ карповъ, сдѣланныхъ изъ тѣста и облитыхъ сахаромъ. Вспомнивъ пари, я сейчасъ же вошелъ въ магазинъ и заказалъ пару такихъ пирожныхъ, величиною, сколько позволитъ печь кондитера. Когда они были готовы и посыпаны вареньемъ и фруктами, я послалъ эти два чудовища, очень похожія на настоящихъ карповъ, но только громадныхъ размѣровъ (два локтя), къ князю Меттернихъ и баронессѣ Мюнхгаузенъ. Это вызвало массу смѣха и, конечно, Мандерштернъ и я должны были помочь ихъ сѣсть.

5-го августа, возвратившись домой, я нашелъ футляръ, а въ немъ великолѣпный хрустальный бокалъ съ видами Теплица. Долго я не понималъ, кто могъ мнѣ его прислать; когда же я всмотрѣлся въ одно изображеніе, представляющее человека, удыщаго рыбу въ пруду Клары, я вспомнилъ о своихъ карпахъ и понялъ, что это баронесса Мюнхгаузенъ отплатила мнѣ такимъ милымъ образомъ за мою шутку. Въ Теплицѣ жилъ одинъ русскій

офицеръ, лейтенантъ Гюллесгеймъ, замѣчательный карикатуристъ. Рисунки, схваченныя на прогулкахъ, онъ заносилъ дома въ свой альбомъ. Туда попалъ и я. Король очень интересовался его талантомъ и заказалъ себѣ нѣсколько копій съ фигуръ изъ его альбома карикатуръ. Между ними была и моя фигура. Изъ этихъ отдѣльныхъ рисунковъ Гюллесгеймъ составилъ впоследствии нѣсколько группъ, сообразуясь съ тѣмъ, кто съ кѣмъ гулялъ на «променады», и издалъ ихъ въ четырехъ большихъ тетрадахъ. Тутъ же въ Теплицѣ можно было на нихъ записываться¹⁾. На ежедневныхъ вечерахъ я часто танцевалъ съ принцессою Мекленбургскою (нынѣ герцогиня Орлеанская), славившеюся своею замѣчательно тонкою таліею. Она всегда была въ обществѣ княгини Лигницъ.—Въ оркестръ былъ очень маленькій выборъ танцевъ. Поэтому я передалъ канцелямейстеру экземпляръ компонованныхъ мною контрадансовъ. Онъ ихъ разучилъ и съ тѣхъ поръ мои танцы вошли въ Теплицѣ въ моду. Въ это время въ Терезиенштадтъ долженъ былъ прибыть императоръ австрійскій Францъ II для свиданія съ прусскимъ королемъ. До этого онъ долженъ былъ посѣтить городъ Прагу, побывать въ которомъ еще не успѣлъ. Желая видѣть торжественный въѣздъ императора Франца II, я съ тяжелымъ сердцемъ рѣшилъ покинуть Теплицъ. Представившись королю и княгинѣ Лигницъ и сдѣлавъ массу прощальныхъ визитовъ, 12-го августа я уѣхалъ изъ Теплица. Простѣдовать черезъ Меллевицъ, Ловозицъ, виноградникъ Чернозекъ, Лейтмерицъ, Терезиенштадтъ, Тойкзанъ, Душникъ, Мельникъ, Стрешковъ, переправился черезъ рѣку Молдаву и вечеромъ прибылъ въ Прагу, гдѣ остановился на Россмарктѣ въ гостиницѣ «Hohes Haus». Три дня осматривалъ достопримѣчательности города и 16-го присутствовалъ на торжественномъ въѣздѣ императора Франца II-го, встрѣченнаго народомъ съ неописуемымъ восторгомъ.

19-го посмотрѣлъ парадъ и вечеромъ уѣхалъ. Миннованъ Таборъ, замокъ Виттингау (извѣстный легендою о Бѣлой дамѣ), Горнъ и переправившись 21-го утромъ черезъ Дунай, прибылъ въ Вѣну, гдѣ остановился на новомъ рынкѣ въ гостиницѣ «Лебедь». Здѣсь осматривалъ городъ и окрестности, былъ въ Шенбруннѣ, Лаксенбургѣ, Гитцингенѣ и другихъ. Въ Гитцингенѣ я провелъ нѣсколько дней у генерала Павла Ренненкампа. Въ Вѣнѣ пробылъ до 2-го сентября. Вечеромъ передъ отъѣздомъ былъ еще въ «Burg-Theater» и ночью покинулъ этотъ, въ высшей степени интересный, городъ.

3-го сентября утромъ остановился въ монастырѣ Мелькѣ, чтобы пить кофе; только здѣсь узналъ я, что соседкою моею въ дилжансѣ была знаменитая балерина Фанни Эльснеръ. Проѣхали затѣмъ черезъ рѣку и городъ

¹⁾ Въ 1835 году я получилъ свой экземпляръ. Къ сожалѣнію, онъ сгорѣлъ съ другими сувенирами моего путешествія.

Энсъ, миновали Траунъ и Эберсбергъ и прибыли въ 6 часовъ вечера въ Линцъ, гдѣ пришлось переночевать.

4-го проѣхали Вельсъ и Ламбахъ и въ 12-ть часовъ прибыли въ Зальцбургъ, извѣстный своимъ роскошнымъ мѣстоположеніемъ. Здѣсь я остановился въ гостиницѣ «Золотой Корабль». Осмотрѣвъ Зальцбургъ, Гайсбергъ, Берхтесгаденъ, Гельбруннъ, Айгенъ, 9-го я пѣшкомъ отправился въ Галлейнъ на праздникъ горно-заводскихъ рабочихъ. Вечеромъ предполагался факельный танецъ. Проѣздившись и осмотрѣвъ копи, я забрался вверхъ и тутъ встрѣтилъ двухъ земляковъ, Самсона Гельмелштерна (нынѣ докторъ) и лифляндца барона Вольфа. Они меня уговорили вторично спуститься съ ними въ копи, что я и сдѣлалъ. Мы вмѣстѣ обѣдали и вечеромъ превесело танцевали на балу у директора копей, Миллера. Поздно ночью вернулся въ Зальцбургъ.

16-го утромъ я уѣхалъ, миновалъ Траунъ, рѣку Иннъ, Вассербургъ и вечеромъ прибылъ въ Мюнхенъ, гдѣ остановился въ гостиницѣ «Черный Орелъ». Здѣсь я зналъ нашего посланника князя Гагарина и его секретари барона Брюденеръ (съ одною рукою). Осмотрѣвъ городъ и Нимфенбургъ, я уѣхалъ 18-го числа и, миновавъ Дахау, Фридбергъ, рѣку Лехъ, въ часъ дня прибылъ въ Аугсбургъ, гдѣ остановился въ гостиницѣ «Три Негра».

21-го я проѣхалъ Миндельгеймъ, Меммингенъ, рѣку Иллеръ и городъ Лейтkirхъ, прибылъ въ Линдау и остановился въ гостиницѣ «Корона». Здѣсь я нашелъ нѣсколько знакомыхъ мнѣ и очень милыхъ семействъ—Раско, Шнелъ и другихъ. Благодаря имъ я провелъ здѣсь прелестные дни и совершилъ нѣсколько интереснѣйшихъ поѣздокъ по Боденскому озеру въ Брегенцъ, Роршахъ и т. д. Погода была великолѣпная и намъ свѣтила по ночамъ полная луна.

25-го на пароходѣ «Гельвеція» я покинулъ Линдау и черезъ Роршахъ, Арбонъ, Романсгорнъ, Фридрихсгафенъ, Мерсбургъ и островъ Мейнау доѣхалъ до Констанца. Осмотрѣвъ его, поѣхалъ по Рейну. Проѣхалъ островъ Рейхенау, города Радовцель, Штекборнъ, Штейнъ и въ три часа прибылъ въ Шафгаузенъ, гдѣ остановился въ гостиницѣ «Корабль». Пообѣдавъ, пошелъ въ Лауфенъ, дабы полюбоваться Рейнскимъ водопадомъ съ лѣвой стороны.

27-го смотрѣлъ на него съ праваго берега.

28-го продолжалъ путь черезъ Эггнау въ Цюрихъ, гдѣ остановился въ «Анстѣ». При въѣздѣ въ городъ встрѣтилъ интересную процессію охотниковъ съ ихъ слугами, одѣтыми въ цвѣта кантоновъ. Осмотрѣвъ все интересное, Рютли, гору Альбисъ и Цюрихское озеро, 2-го октября продолжалъ путь. Еще въ Шафгаузенѣ за табльдотомъ я познакомился съ двумя дамами, госпожами Зоденбергъ, начальницею института въ Аарау, и Дебели, классною дамою тамъ же. Онѣ жаловались, что не могутъ проѣхаться по Швейцаріи, не имѣя кавалера провожатымъ. Я предложилъ имъ свои услуги, но только съ

тѣмъ условіемъ, что онѣ должны строго придерживаться моего маршрута. Онѣ съ удовольствіемъ согласились на это и присоединились ко мнѣ 1-го октября въ Цюрихъ,

2-го вечеромъ мы прибыли въ Цугъ и утромъ слѣдующаго дня прослѣдовали въ Артъ и Гольдау, гдѣ начали взбираться на Риги. На мѣстѣ перваго отдыха въ Дехели, мы встрѣтили другую компанію туристовъ, состоявшую изъ двухъ кавалеровъ, двухъ дамъ верхами, и ихъ прислуги. Мы присоединились къ нимъ и вмѣстѣ достигли вершины. Можно себѣ представить мое удивленіе, когда черезъ нѣкоторое время одинъ изъ лакеевъ подошелъ ко мнѣ и сказать: «герцогъ и герцогиня просятъ полковника къ обѣду». Оказалось, что туристы были герцогъ Мейнингенскій, братъ англійской королевы, и его министръ Мюнхгаузенъ. Дамы были герцогиня, очень красивая женщина, и ея фрейлина госпожа фонъ Штейнъ. Изъ разговора ихъ, или отъ моихъ дамъ они узнали, что я полковникъ русской гвардіи, и сейчасъ же позвали меня.

4-го мы разошлись; герцогъ спустился въ Веттисъ, я же съ своими спутницами прошелъ ущелье «hohle Gasse», часовню Геслера, Кюснахтъ и, сѣвъ тутъ въ лодку, прослѣдовать по озеру Четырехъ кантоновъ въ Люцернъ, гдѣ остановился въ гостиницѣ «Конь».

6-го я отправилъ черезъ куца Фаллейнъ весь свой багажъ прямо въ Андерматтенъ на Ст. Готардъ. Дамы остались въ Люцернѣ. Взявъ съ собою только ручной чемоданчикъ, я сѣлъ въ дилижансъ и поѣхалъ черезъ Земнахъ (извѣстный сраженіемъ и Арнольдомъ Винкельрихтъ), Цурзъ, Цофингентъ, Аарбургъ, Бургдорфъ, Гиндельбанкъ (въ церкви знаменитый монументъ исторіи Ланггансъ, работы скульптора Наль) въ Бернъ. Въ Бернѣ остановился въ гостиницѣ «Abbaye des Gentilshommes». Здѣсь я зналъ нашего посланника Северина, графа и графиню Толстыхъ, графиню Закревскую, полковника гвардейскихъ санеръ Назимова, моего друга Писемскаго, секретаря посольства Віольте, полковника лейбъ-гвардіи Уланскаго полка Сосѣдскаго и многихъ другихъ.

9-го мы устроили пикникъ въ Эльфенау, гдѣ встрѣтили принцессу Юлію-Генриетту-Ульрихъ Саксенъ-Кобургскую, разведенную жену нашего великаго князя Константина, жившую здѣсь подъ именемъ русской великой княгини. Вечеромъ, гуляя по терасѣ, я познакомился съ извѣстною графиней Монтолонъ, раздѣлившею вмѣстѣ съ своимъ супругомъ заточеніе Наполеона на островѣ св. Елены. Она передала мнѣ очень много интереснаго о своемъ тамъ пребываніи. Въ Бернѣ ко мнѣ присоединились мои спутницы по Швейцаріи г-жи Зоденбергъ и Дебели и мы вмѣстѣ отправились въ Тунъ, гдѣ остановились въ гостиницѣ «Freihof». Отсюда водою переправились въ Нейгаузъ, затѣмъ пѣшкомъ черезъ Интерштейнъ въ Интерлакенъ и на ночь въ Лаутербруннъ.

11-го я простился съ своими спутницами, дамы вернулись въ Аарау,

и же прошелъ пѣшкомъ черезъ Венгернъ-Алоцъ, очень опасный по множеству лавинъ съ Юнгфрау, черезъ Шпальторнъ, Шукенъ, Миттагсгорнъ, Брейтгорнъ, Зильберггорнъ, Менхъ, Эйгеръ въ Гриндельвальдъ, затѣмъ въ Меттенбергъ, Фришгорнъ, Веттергорнъ и Фаульгорнъ. На Веттернальнъ я встрѣтилъ трехъ туристовъ, шведскаго капитана Кронштрандъ и двухъ пруссаковъ, Нейде и Гейтебрюннъ, къ которымъ и пристроился. 12-го мы прошли Большой Шейдекъ, Розенлани, любовались водопадомъ Рейхенхалль, спустились въ долину Оберъ-Гасли, Мейнингенъ и ночевали въ Гуттаненъ. 13-го прошли къ водопаду Ааръ у Гандека, одному изъ замѣчательнѣйшихъ водопадовъ Европы, перешли черезъ Гримзель и Ронскій глетчеръ, черезъ Фурку и деревню Реальнъ въ Госпиталь (на С. Готардъ), гдѣ и нашелъ свой багажъ. 14-го я пѣшкомъ прошелъ Андерматтенъ, Уриеръ-Лохъ, черезъ Чортовъ мостъ въ Амштегъ, отсюда поѣхалъ въ Альтдорфъ и Флюеленъ и затѣмъ по водѣ черезъ озеро Четырехъ кантоновъ въ Грютанъ къ часовнѣ и опять назадъ въ Амштегъ. 15-го я поѣхалъ въ Госпиталь, въ Андерматтенъ, а оттуда въ экипажѣ на С. Готардъ. Ураганъ съ мятелью сильно помѣшалъ намъ поѣздкѣ, тѣмъ не менѣе достигли гостиницы, гдѣ отдохнули и затѣмъ спустились въ Айроло. Здѣсь переночевали и утромъ поѣхали черезъ Ливинскую долину въ Файдо, а затѣмъ на ночь въ Беллинцону. 17-го мы сѣли на пароходъ «Вербано» и по озеру Лаго-Маджоре поѣхали въ Лукарио, Каноббиа, Интра, Палланца и Бавено. Отсюда прослѣдовали на маленькой лодкѣ на Борромейскіе острова — Изола Белла и Изола Мадре, затѣмъ въ Арону и Ангеру, гдѣ переночевали. 18-го мы поѣхали на лодкѣ въ Зесто Календе, оттуда въ экипажѣ черезъ Варезе въ Комо, гдѣ остались ночевать.

19-го мы прокатились по озеру, осмотрѣли виллы Пастія, д'Эсте, Плиньяна, Соммарива и другія и въ тотъ же вечеръ выѣхали въ Миланъ, гдѣ остановились въ гостиницѣ «Фальконе». Пробывъ шесть дней въ этомъ интересномъ городѣ, 26-го поѣхали въ Бергамо, 27-го въ Бресція, по озеру въ Пескiera и къ обѣду прибыли въ Верону. Вечеромъ продолжали путь въ Падуа и на слѣдующій день достигли Венеціи, гдѣ остановились въ гостиницѣ «Европа». Здѣсь и встрѣтилъ генерала Кноррингъ и вмѣстѣ съ нимъ осматривалъ городъ.

16-го вечеромъ я покинулъ этотъ прелестный городъ и ночью на почтовой гондолѣ отправился въ Мостре, оттуда сухимъ путемъ въ Падуа, Ровинго и Феррара.

8-го я былъ въ Болоньѣ, перешелъ черезъ Апеннины на ихъ высочайшей точкѣ въ Кавиглиаю, которую проходилъ 11-го и 12-го по глубокому снѣгу, и прибылъ въ Флоренцію, гдѣ остановился въ гостиницѣ «Парикъ». Не будучи связанъ временемъ, я могъ оставаться вездѣ, сколько желаю, и мой маршрутъ былъ составленъ такимъ образомъ, что зимовать я долженъ былъ

въ Неаполь, во Флоренціи же пробыть только нѣсколько дней для ея осмотра. Однако же вышло совсѣмъ иначе. Уже въ Теплицѣ княгиня Лигницъ предсказала мнѣ, что, разъ забравшись въ этотъ прелестный городъ, я уже скоро изъ него не выберусь. Такъ и случилось: я остался на долго во Флоренціи. Сейчасъ же по прѣѣздѣ я посѣтилъ нашего посланника князя Горчакова (нынѣшняго канцлера) и его секретаря Хитрово. Слѣдуя ихъ совету остановиться на болѣе продолжительное время во Флоренціи, я сейчасъ же съ помощью Хитрово отыскалъ себѣ квартиру въ лучшей части города на «Lungo d'Arno», въ угловомъ домѣ у моста Св. Троицы, и главное за очень небольшую плату. Домъ носилъ имя «Arco demolito». Первые дни я не могъ оторваться отъ достопримѣчательностей этого великолѣннаго города, затѣмъ уже сдѣлалъ нужные визиты. Первый былъ сдѣланъ отставному кавалергардскому полковнику Григорію Орлову, брату моего бывшаго командира полка, въ сраженіи при Бородинѣ потерявшему ногу и поселившемуся здѣсь съ женою, французкою изъ Парижа. У него я присутствовалъ 21-го ноября на большомъ танцевальномъ вечерѣ, гдѣ встрѣтилъ массу знакомыхъ, княгиню Голицыну, рожденную Суворову, Хвощинскую, рожденную княжну Горчакову, адмирала Чичагова съ дочерью, Загаржевскую, рожденную графиню Самойлову, и другихъ. Изъ иностранцевъ я познакомился здѣсь съ госпожею Бурбель, маркизою Мортемаръ, рожденною принцессою Боргезо, герцогинею де Шуазель и другими. Я назвалъ изъ числа моихъ знакомыхъ только тѣхъ съ которыми особенно подружился и у которыхъ часто бывалъ. Здѣсь же я познакомился съ знаменитою пѣвицею Шютцъ-Ольдози, пѣвшею Норму (Дюпре игралъ Поліоне, а госпожа Даль-Зере—Адальгизу).

24-го я познакомился съ Доницетти, только что поставившимъ свою новую оперу: «Elisir d'amore».

26-го вечеромъ я былъ представленъ графу Монфоръ и его семейству. Подъ этимъ именемъ жилъ во Флоренціи братъ Наполеона-Геронимъ, бывший король Вестфальскій. Супруга его была рожденная принцесса Виртембергская, двоюродная сестра нашего императора Николая. Ихъ домъ былъ самый гостепріимный во Флоренціи и пользовался особеннымъ уваженіемъ и любовью. Дочь ихъ, принцесса Матильда, тогда дѣвочка тринадцати лѣтъ, была очень мила, а сынъ ихъ, принцъ Наполеонъ, одиннадцати лѣтъ, очень похожій лицомъ на своего великаго дядю, былъ красивый и серьезный мальчикъ. Въ домѣ графа Монфоръ господствовала почти королевская роскошь и строгій этикетъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ посчастливилось быть принятымъ у нихъ какъ свой человекъ, и я долженъ сознаться, что часы, проведенные въ этомъ домѣ, принадлежатъ къ пріятнѣйшимъ изъ всего моего пребыванія во Флоренціи. Въ первый день моего знакомства съ ними я присутствовалъ на концертѣ и балу. Изъ членовъ семьи великаго Наполеона, немѣвшихъ права

жительства во Франціи, кромѣ Монфорвъ, здѣсь жила еще графиня Сюрвейльеръ (Surveillers), супруга Іосифа Бонапарте, пожилая, очень болѣзненная дама, почти не встававшая съ своей кушетки. Я былъ ей представленъ, но быть у нея только одинъ разъ, такъ какъ она скоро уѣхала въ Римъ. Зато въ домѣ другого члена Наполеоновской семьи, старой графини Липона, я бывалъ очень часто. Подъ этимъ именемъ жила здѣсь бывшая королева Неаполитанская, Каролина, сестра императора Наполеона и вдова Іоакима Мюрата. Ея дворѣцъ находился на улицѣ «Vargo d'ogni anti». Фамилія Липона была составлена изъ трехъ слоговъ итальянскаго имени Неаполи—Наро-лі, только наоборотъ. У нея собиравлись каждый вечеръ и милая старушка принимала одинаково любезно всѣхъ гостей, не исключая и англичанъ, которые въ домѣ ея брата Іеронима не допускались. Онъ ненавидѣлъ этотъ народъ и не могъ простить ему плохого обращенія съ его братомъ на островѣ св. Елены. Не желая встрѣтиться съ англичанами, онъ рѣдко посѣщалъ свою сестру. У графа Монфоръ и графини Липона я часто встрѣчался съ очень симпатичными итальянцами, которыхъ не могу не перечислить,—графъ Динори (Dinori), оберъ-гофмаршалъ велико-герцогскаго двора, князь Корзини и его невѣстка герцогиня Казигліано, маркиза Аццоллини дель Ваньо (первая красавица Флоренціи), графиня Алдобрандини, барышни Казелли, Торрегіани, Фенци (банкиръ), маркиза Коран, графиня Бартолини (впослѣдствіи вышедшая замужъ за Іеронима Наполеона), графъ Кашпони, графъ Петровичъ-Армистъ, Баггиocchi и другіе. Изъ итальянскихъ семействъ только Баггиocchi и Торрегіани устраивали въ своихъ домахъ вечера, остальные принимали визиты по утрамъ и приглашали гостей въ свои ложы въ большомъ театрѣ (Pergola). Помню, какъ я разъ сидѣлъ въ ложѣ графа Монфоръ, гдѣ былъ и Доницетти. Давали его оперу «Elisire d'amore». Принцесса Матильда замѣтила, что много мотивовъ этой оперы могли бы служить и для контрданса. Услыхавъ это замѣчаніе, я обратился къ Доницетти съ вопросомъ, очень ли ему было бы неприятнымъ слышать свою оперу, передѣланную на мотивы танцевъ. Онъ засмѣялся, отвѣтивъ, что, напротивъ это будетъ ему очень интересно. Въ тотъ же вечеръ, придя домой, я засѣлъ за свое фортепьяно и переложилъ Доницеттievскую оперу на контрдансъ, который я конечно посвятилъ принцессѣ Матильдѣ. Этотъ контрдансъ былъ напечатанъ на голубомъ атласѣ (любимый цвѣтъ принцессы) и преподнесенъ ей мною 21-го января 1834 года. Впослѣдствіи знаменитый піанистъ Фіельдъ, жившій во Флоренціи, арранжировалъ этотъ контрдансъ для оркестра и его играли на всѣхъ балахъ во Флоренціи. Принцессѣ Матильдѣ было всего тринадцать лѣтъ и поэтому ей разрѣшалось присутствовать на балахъ и вечерахъ въ качествѣ зрительницы только до одиннадцати часовъ вечера. Когда появился мой контрдансъ, родители разрѣшали танцовать ей первый контрдансъ, причемъ выбрали

меня ей кавалеромъ. Дѣлалось это такъ: графъ подходилъ ко мнѣ и говорилъ: «Colonel, veuillez avoir la bonté d'ouvrir le bal avec la princesse Mathilde». На большомъ балу 31-го декабря въ видѣ исключенія ей было разрѣшено танцовать со мною и мазурку. Нѣсколько дней подрядъ я ходилъ къ ней по утрамъ и обучалъ ее этому танцу. Обстановка этого вечера была блистательна, весь королевскій вестфальскій сервизъ фигурировалъ въ этотъ вечеръ, такъ что мы съ блескомъ вступили въ Новый годъ. Много прелестныхъ вечеровъ бывало и въ англійской колоніи, особенно у посланника лорда Сеймуръ, и во французской у герцога Таллейбранъ и де Бурбель.

1834 г. 1-го января я былъ представленъ великому герцогу Фердинанду, его супругѣ, сестрѣ и вдовствующей великой герцогинѣ и приглашенъ на большой балъ во дворецъ Интти. На этотъ балъ я явился въ красномъ бальномъ мундирѣ конной гвардіи. Эти балы повторялись каждую среду и на нихъ приглашалось отъ 500—600 гостей. Отдѣльнаго ужина не было, зато въ открытыхъ буфетахъ можно было найти все, что только можно было желать, до устрицъ включительно. Оркестръ былъ великолѣпенъ. Производило магическое впечатлѣніе, что шума отъ ногъ танцующихъ совершенно не было слышно. Мраморный полъ громаднаго зала былъ сплошь покрытъ зеленымъ сукномъ, совершенно какъ бильярдъ. Въ Италіи всегда танцовали на коврахъ. Первое время это казалось намъ очень неудобнымъ, но привыкнувъ находили, что сукно даже пріятнѣе паркета. Итальянская молодежь была очень вялая и танцевала неохотно и плохо, иностранцы же танцовали съ большимъ оживленіемъ и были неутомимы. Особенно отличались русскіе, *il signori Rossi*, какъ насъ называли. Не было бала, на которомъ, кромѣ меня, не участвовали бы графъ Александръ Медемъ, Готтгустъ, Фирксъ, Валь и другіе. Такъ прошла зима. Особымъ оживленіемъ отличался карнаваль съ своимъ корсо. Маскарады въ Перголтѣ и шествія подъ колоннадами Palazzo d'officii были замѣчательно интересны. Карнаваль завершился великолѣпнымъ балъ-маскарадомъ у графа Монфоръ. Я былъ одѣтъ въ красный бальный мундиръ конной гвардіи и дирижировалъ баломъ. Принцесса Матильда танцевала только со мною первый контрдансъ, такъ какъ и на этотъ разъ ей было разрѣшено остаться не позднѣе 11-ти часовъ. Какъ ни печально было расставаться съ прелестною Флоренціею, но надо было продолжать свое путешествіе.

13-го февраля я покинулъ этотъ чудный городъ и поѣхалъ черезъ Умпо и Понтадино въ Пизу, а затѣмъ въ Ливорно. Тутъ я посетилъ русскаго консула, Энгельбахъ, весьма остроумнаго и веселаго человѣка, и Хвощинскую; кромѣ нихъ тутъ было много русскихъ семействъ—графъ Бутурлинъ, Жадимеровскій, Тургеневъ, Муравьевъ, князь Мешерскій, Свербѣевъ; со всеми и

быть знакомъ еще въ Петербургъ. Многие, какъ и я, провели зиму во Флоренціи Хвощинская, рожденная княжна Горчакова, была безусловно самая красивая женщина во Флоренціи и какъ сестра нашего посланника играла тамъ большую роль. Осанка ея была столь величественна, что всѣ невольно поднимались съ своихъ мѣстъ, когда она входила въ комнату.

14-го большою компаніей гуляли по городу и встрѣтили только что привезенную жираффу. Въ Ливорно я испыталъ первый разъ въ жизни землетрясеніе. Во время обѣда у Ангельбаха всѣ присутствующіе почувствовали страшный толчокъ, домъ содрогнулся, картины упали со стѣнъ, большой попутай свалился съ своей палки и люстры закачались, какъ маятники часовъ. Къ счастью, землетрясеніе особаго вреда не причинило. Большая компанія русскихъ съѣла послѣ обѣда на пароходъ «Francesco I» и покинула Ливорно. Въ 6 часовъ миновали острова Горгона и Капрая. Уже при выходѣ изъ гавани подулъ сильный вѣтеръ, который къ ночи выросъ въ бурю.

15-го увидѣли въ отдаленіи островъ Эльбу, затѣмъ острова Гигліо и Панути. Буря все бушевала и всѣ, не исключая и матросовъ, страдали морского болѣзною. Одна только Хвощинская оставалась на ногахъ. Въ полдень съ трудомъ достигли гавани Чивита-Веккіа, гдѣ пришлось остановиться и переночевать. Я, конечно, воспользовался этимъ и съѣхалъ на берегъ, чтобы осмотрѣть городъ и гавань.

16-го мы вышли въ море; за нами послѣдовали два французскихъ парохода «Henri IV» и «Sully». Буря стихла, но волненіе, такъ называемая мертвая зыбь, было ужасно и всѣ страдали морского болѣзною. Къ вечеру стихло.

17-го, въ 6 часовъ утра, когда показались острова Инія и Процида, команда парохода громко закричала ура! Мы вскочили съ нашихъ коекъ и, наскоро одѣвшись, побѣжали наверхъ, чтобы узнать причину этого восторга. И было чему обрадоваться! Везувій, бывшій спокойнымъ въ продолженіи тридцати трехъ лѣтъ, запылалъ и началъ извергать лаву. Мы видѣли пока только громадный черныи столбъ дыма, подымавшійся изъ моря. Землетрясеніе, испытанное нами нѣсколько дней тому назадъ въ Ливорно, конечно было въ связи съ дѣйствіемъ Везувія. Мы всѣ очень обрадовались, что сдѣлались свидѣтелями этой рѣдкой картины. Скоро показался и островъ Капри, а затѣмъ и вершина Везувія. Море совсѣмъ успокоилось и ослѣдило своимъ чистымъ голубымъ свѣтомъ. Въ полдень мы зашли въ гавань Неаполя. Здѣсь я остановился у Георгія Вейсѣ, моего дальняго родственника, уже давно пригласившаго меня навѣстить его въ Неаполь. Онъ жилъ тогда на «Largo Garofolo № 34 (Chiaja)». Въ первый же вечеръ мы были въ театрѣ «Delfondo», гдѣ я впервые услышалъ знаменитаго баса Лаблашъ. Въ Неаполь я зналъ посланника графа Стакельбергъ и нашелъ много знакомыхъ русскихъ семействъ.

19-го мы предприняли поездку въ Портучи и Резину и поднялись на

Везувій во время изверженія, затѣмъ посѣтили Геркуланумъ и Помпею. Въ театрѣ Сантъ-Карло подвизалась въ то время знаменитая пѣвица Малибранъ, съ которою я впоследствии познакомился въ Римѣ. Это была очень красивая, молодая женщина, къ сожалѣнію, очень маленькаго роста. Напримѣръ, въ оперѣ «Норма», которую она спѣла великолѣпно, она не производила должнаго впечатлѣнія благодаря слишкомъ мелкой фигуркѣ. Лучшую Норму по представительности и голосу, нежели Юдита Гризи въ Болоньѣ, я никогда не видѣлъ и не слышалъ. На одномъ изъ вечеровъ графини де-Местръ, супруги знаменитаго поэта, нѣсколько русскихъ дамъ, въ томъ числѣ княгиня Салтыкова съ племянницами Марією и Варварою Долгорукими, Хвошинская и другія, выразили желаніе проѣхать по окрестностямъ Неаполя и попросили меня быть ихъ проводникомъ и чичероне. Я согласился на это, но только съ условіемъ, чтобы всѣ безпрекословно покорялись моимъ указаніямъ и требованіямъ. Всѣ съ удовольствіемъ согласились на это и я представилъ маршрутъ, который былъ одобренъ. Интересная поѣздка состоялась. Девятнадцать персонъ, считая и меня, поѣхали въ Портичи, Помпею, Геркуланумъ, Торре дель Греко, Резину, Кастелламаре, Вико, Сорренто, на островъ Капри съ его голубымъ гротомъ и т. д. Особенно памятенъ мнѣ вечеръ, проведенный въ Сорренто. Мною былъ занятъ для нашей компаніи весь верхній этажъ гостиницы «la Sospinella». Мы сидѣли на верандѣ, выходившей на море, до поздней ночи. Было это 5-го марта при 20° тепла. Между крутою скалою у моря съ гротомъ «della Sospinella» и нами разстилалась апельсиновая роща. Ежеминутно намъ приносили цѣлые сучья съ чудными красными апельсинами. Передъ нами блестялъ Неаполитанскій заливъ, освѣщенный луною, съ правой стороны виднѣлся колоссъ Везувій въ полномъ изверженіи, мѣстами испещренный огненными струями пылающей лавы. Это была картина, которую словами описать невозможно, но которая врѣзывается въ память на всю жизнь. Поѣздка наша окончилась большимъ обѣдомъ въ Кастелламаре. Участники остались очень довольны моею распорядительностью и веденіемъ счетовъ. Поѣздка обоилась сравнительно очень дешево, почти въ половину того, что рассчитывали заплатить. Столь желанная мною поѣздка въ Сицилію не могла состояться, такъ какъ въ тѣ времена регулярнаго пароходнаго сообщенія между Неаполемъ и Палермо не существовало. Ожидали, пока не набиралась большая компанія, сообща нанимавшая пароходъ для переезда на островъ. Желая провести Страстную недѣлю въ Римѣ, я не имѣлъ времени дожидаться такого случая и, имѣя въ своемъ распоряженіи нѣсколько лишнихъ дней, провелъ ихъ въ Неаполь.

8-го марта я повезъ Хвошинскую и ея семью на Везувій, изверженіи котораго все усиливались.

11-го съ большимъ прискорбіемъ покинулъ Неаполь. Въ сопровожденіи моего кузена Георгія Вейсъ я поѣхалъ черезъ Аверза, Капуа, Моло ди Гаэта, Феррацина, Понтифскія болота, Веллетри, Гензано, мимо озеръ Лаго ди Непи, Лаго ди Албано, городка Альбано, и 13-го вечеромъ прибылъ въ Римъ. По дорогѣ осматривали все интересное. Въ Римѣ мы остановились въ квартирѣ, предоставленной Вейсу его друзьями, временно оставившими Римъ. Въ такое время, когда все было переполнено и трудно было найти даже нѣсколько маленькихъ комнатъ, для насъ было большимъ счастіемъ получить большую хорошо устроенную квартиру на Корсо, на углу Via della Vita, съ балкономъ, и къ тому же безвозмездно. Въ Римѣ я встрѣтилъ массу знакомыхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ, изъ Флоренціи, Неаполя и Германіи. Очень часто видѣлся я съ саксонскимъ маіоромъ Серре фонъ Максенъ, устройте-лемъ Шиллеровскихъ торжествъ. Съ нимъ я часто бывалъ у графини Готенъ (принцесса Датская), гдѣ въ одинъ изъ вечеровъ былъ представленъ вдовствующей королевѣ Неаполитанской. Въ Римѣ я познакомился съ знаменитымъ скульпторомъ Торвальдсенъ и часто посѣщать его то въ одномъ, то въ другомъ изъ его трехъ ателье. Очень я любилъ бывать въ домѣ нашего посланника графа Гурьева. Здѣсь я познакомился съ знаменитою пѣвицею Малибранъ-Гарсея, которую часто слышалъ въ Неаполѣ. Ежедневно посѣщалъ соборъ св. Петра, гдѣ 20-го марта поднялся на самый верхъ и даже вѣбзъ въ шаръ надъ куполомъ. Начиная съ Вербнаго воскресенія до перваго праздника св. Пасхи я присутствовалъ на всѣхъ духовныхъ торжествахъ въ Сикстинской часовнѣ и въ соборѣ св. Петра. Въ Вербное воскресенье я сидѣлъ въ Сикстинской часовнѣ въ ложѣ для иностранцевъ, одѣтый въ красный бальный мундиръ конной гвардіи. Замѣтивъ меня, папа Григорій XIV прислалъ мнѣ освещенную вербу, очень искусно выточенную изъ дерева. Не имѣя возможности везти ее съ собою въ моихъ странствованіяхъ, я обрадовалъ одну знакомую мнѣ католическую семью, подаривъ ей этотъ даръ папы. Особенно интересна была иллюминація собора св. Петра, которую я любовался сначала съ площади передъ соборомъ, затѣмъ съ Монте Минчіо.

31-го я былъ приглашенъ къ герцогу Браччіано-Торлонія, съ балкона котораго я наблюдалъ за фейерверкомъ (Girandola), сожженнымъ у замка св. Ангела. Осмотрѣвъ Тиволи и другія окрестности Рима, я началъ собираться въ дальнѣйшій путь.

1-го апрѣля былъ на балу у герцога Торлонія, гдѣ имѣлъ честь во время перваго контрданса быть vis-à-vis молодой королевѣ Неаполитанской.

2-го апрѣля Вейсъ, я и нѣсколько другихъ знакомыхъ покинули Вѣчный городъ. Проѣхали Понте Молле, ночевали въ Непи, миновали Чивитто Кастелано, Отриколи, Нарни и Терни съ извѣстнымъ водопадомъ и ночевали здѣсь въ «Villa Carolina». 4-го проѣхали Сполето и Фолиньо, 5-го — Перуджію и Пас-

спыняно на озерѣ Тразмменскомъ, 6-го перенли Тосканскую границу, проѣхали Каргона, Кастиглионе, Фіорентино, Ареццо и ночевали въ Левано.

7-го проѣхали Пиццу и прибыли во Флоренцію. Въ первый же вечеръ я пошелъ въ Перголу, гдѣ поспѣть въ ложахъ своихъ друзей и знакомыхъ. Здѣсь я узнать о внезапной кончинѣ генераль-адъютанта Мердеръ (воспитатели императора Александра II), въ семьѣ котораго въ Римѣ я провелъ столько пріятныхъ часовъ.

17-го былъ у графа Монфоръ, гдѣ возобновилъ знакомство съ Доннцетти, поставившимъ въ Перголѣ новую оперу «Паризина» съ Каролиною Унгеръ въ главной роли. Въ числѣ новыхъ знакомствъ, сдѣланныхъ мною 7-го числа въ Перголѣ, интереснѣйшею было знакомство съ извѣстною подрукою лорда Байрона, графинею Гунччіолл, одною изъ красивѣйшихъ женщинъ, какихъ я когда либо встрѣчалъ. Она жила въ той же гостинницѣ, гдѣ и я, и я ее часто посѣщалъ.

12-го мая неожиданно встрѣтилъ въ Перголѣ моего стараго друга и товарища графа Стенбокъ-Колахъ съ молодою женою, рожденною Мореншильдъ. Они обвѣнчались въ Мюнхенѣ и послѣ свадьбы пріѣхали въ Италію. Я съ большимъ удовольствіемъ былъ ихъ чичероне и, показывая имъ всѣ достопримѣчательности Флоренціи, вторично восхищался прелестями этого чуднаго города. Къ сожалѣнію, нельзя было засиживаться и я началъ дѣлать прощальныя визиты.

17-го былъ у Монфоровъ и получалъ отъ короля Іеронима на память портреты всей его семьи. Съ еще болѣе тяжелымъ сердцемъ, чѣмъ въ первый разъ, такъ какъ я уже не могъ надѣяться вновь увидѣть прелестную Италію и милыхъ друзей, покинулъ я вечеромъ 18-го мая милую Флоренцію и въ двухъ-колесномъ кабріолетѣ на одной лошади (calessino) въ чудную теплую ночь поѣхалъ въ Геную. Воздухъ былъ наполненъ свѣтящимися жуками. Минувалъ Прато, Пистоя и Песчія. По уговору въ послѣднемъ городѣ я встрѣтился съ Стенбокомъ и его женою и отсюда поѣхали по одной изъ прелестнѣйшихъ дорогъ Италіи. 19-го мая проѣхали Лукка и Пьетро Санто. 20-го были въ Масса и Каррара, гдѣ осматривали мраморныя каменоломни и мастерскія знаменитыхъ скульпторовъ Торвальдсена, Бертолини и Ванелли. Затѣмъ проѣхали Боргетто и Зестри, гдѣ переночевали.

22-го проѣхали Нерви и прибыли въ Геную. Вечеромъ, проходя мимо большого театра Карло Феличе, не могъ удержаться, чтобы не зайти. Взялъ билетъ и прослушалъ Норму. При входѣ въ театръ я былъ очень пораженъ, увиди двухъ Пиемонтскихъ легко-конныхъ офицеровъ, говорившихъ свободно по-русски. Я конечно подошелъ къ нимъ и представился на томъ же языкѣ. Они оказались племянниками маркиза Паулуччи, воспитывавшимся въ Петербургѣ въ Павловскомъ корпусѣ. Какъ извѣстно, маркизъ Паулуччи былъ

„30 окт. 1852 г. Астраханскій Кирасирскій полкъ получилъ великолѣпный
портретъ своего Шефа Великаго Князя Николая Николаевича”.
(Изъ записокъ барона В. Р. фонъ-Каульбарса).

Изъ офиц. собр. 8-го драг. Астрахан-
скаго Ген.-Фельдм. Вел. Князя Николая
Николаевича полка.

долгое время генераль-губернаторомъ Балтійскихъ провинцій и жилъ въ Римѣ. Покинувъ русскую службу и возвратившись въ Италію, онъ былъ губернаторомъ Генуи. Все русскіе и въ особенности Остзейцы были очень радужно принимаемы въ его домѣ. На слѣдующій же день по пріѣздѣ, Стенбоки и я сдѣлали ему и маркизѣ визитъ. Онъ сейчасъ же прикомандировалъ къ намъ своихъ племянниковъ, бывшихъ въ то же время его адъютантами, дабы они служили намъ чичероне. Въ Генуѣ я ежедневно бывалъ приглашаемъ на обѣдъ, въ театръ или на балъ и время проводилъ великолепно. Къ сожалѣнію, наши маршруты расходились: Стенбоки направлялись въ Миланъ, я же собирался въ Туринъ.

29-го утромъ я перебрался черезъ Богетту въ Нови и Маренго, гдѣ осматривалъ поля сраженій, къ обѣду былъ въ Александрію, извѣстной крѣпости, ночью при сильной грозѣ проѣхалъ Асти и утромъ прибылъ въ Туринъ. Здѣсь я зналъ посланника графа Строганова, его секретаря Бакунина, графа и графиню Закревскихъ. Кромѣ того я зналъ оберъ-штаб-мейстера Пьемонта графа Соммарива, котораго встрѣчалъ на всѣхъ празднествахъ въ Москвѣ, во время коронаціи императора Николая. Благодаря ему я видѣлъ здѣсь много интереснаго; особенно понравились мнѣ загородные дворцы. Я посѣтилъ и Суперга съ королевскими могилами и восхищался великолѣпнымъ видомъ съ этой горы.

2-го іюня я проѣхалъ черезъ Шивассо, Циліано (извѣстная культура шелководныхъ червей), Галлиаро и Романьяно и утромъ 3-го числа прибылъ въ Арону на Лаго-Маджіоре. Здѣсь я пересѣлъ въ лодку и поѣхалъ навстрѣчу парохода «Вербано», шедшаго изъ Зесто-Календо. Можно себѣ представить мою радость, когда я услышалъ окрикъ дружескихъ голосовъ и увидѣлъ на борту парохода Стенбока и его жену. Въ Бавено ѣхали вмѣстѣ и я показывалъ имъ прелестные острова Изола-Белла и Изола-Мадре. Почевали въ Бавено. Здѣсь опять разстались, такъ какъ мой путь лежалъ черезъ Симплонъ. Проѣхалъ Белчирате, Мазоне. Точія, Домо д'Осола и 4-го прибылъ въ Бригъ. Затѣмъ продолжалъ черезъ Туртеманъ, Лейкъ, Сьерре, Сіонъ и 5-го прибылъ въ Мартинъ. Здѣсь я познакомился съ молодымъ русскимъ путешественникомъ Викулинымъ и французомъ Шарри, съ которыми предпринялъ нѣсколько экскурсій. Осматривалъ водопадъ Cascade de la Salanche или Pissevâche.

6-го поднялись на Сентъ-Бернардъ. Последнюю часть дороги пришлось идти по глубокому снѣгу, при сильной бурѣ и мятели. Шли другъ за другомъ, ступая въ слѣды впереди идущаго, и, будучи на ногахъ съ четырехъ часовъ утра, страшно устали. Вдругъ всякое чувство въ моей правой ногѣ прекратилось, я упалъ и не могъ слѣдовать дальше. Шарри и Викулинъ положили свои альпійскія палки на плечи и я повисъ между ними. Такъ съ трудомъ тащились мы по дорогѣ въ «Носрісѣ». Къ счастью недалеко отъ него мы наткнулись на патруль монаховъ съ двумя громадными сенбернардскими соба-

ками. Монахи взгромодили меня на плечи и донесли до «Hospice». Всю ночь терли мою отмороженную ногу спиртомъ, пока чувство не возвратилось. Боль была сильная. Тѣмъ не менѣе утромъ пустились въ обратный путь и благополучно достигли Мартиньи. Здѣсь я впервые увидѣлъ двухъ настоящихъ кретиновъ съ отвислыми животами, громадными головами и вѣчно вываливающимся изъ рта языкомъ, болѣе походившихъ на животныхъ, чѣмъ на людей.

9-го въ большой компаніи я покинулъ Мартиньи и черезъ Форелэ, Пріестъ и Черную Голову (Tête Noire) направился въ Шамуни. Здѣсь мы вскарабкивались на всѣ горы, которыя были хоть мало-мальски доступны, осматривали все интересное и черезъ Саланшъ и кунальни Жервэ отправились въ Женеву, гдѣ остановились въ гостиницѣ «Des Bergnes». Тутъ я расстался со своими спутниками и 14-го поѣхалъ далѣе черезъ Конне, Нюнгъ, Ролль, Моргъ и Уши въ Вева. Въ этомъ городѣ жилъ нотаріусъ Жентонъ, отецъ одной изъ учительницъ въ институтѣ Финнъ въ нашемъ сосѣдствѣ въ Эстляндіи. Я везъ ему письмо отъ дочери. Письмо, хотя и весьма запоздалое, очень обрадовало отца. Недалеко отъ Вева въ замкѣ Виларъ жилъ графъ Редеригъ, женатый на баронессѣ фонъ-деръ-Паленъ, сестрѣ нашего бывшего генералъ-губернатора, съ которымъ я былъ знакомъ въ Ревелѣ. Я навѣстилъ ихъ. Осмотрѣвъ Вева и окрестности, 16-го вечеромъ отбылъ въ Лозанну, гдѣ посѣтилъ секретаря посольства Виолье, 18-го осмотрѣлъ замокъ Гранзонъ и вечеромъ поѣхалъ въ Пьюшатель.

20-го былъ въ Валантенъ и въ извѣстныхъ по выдѣлкѣ часовъ деревняхъ Лашо де Фонъ и Ле-Локль.

21-го прибылъ въ Базель. На слѣдующій день проѣхалъ черезъ Фрейбергъ въ Брейгау и ночевалъ въ Кель. Изъ послѣдняго предпринялъ экскурсію въ Страсбургъ, влѣзъ подъ самый крестъ громадной вышины собора и на ночь вернулся въ Кель. Отсюда поѣхалъ въ Баденъ-Баденъ. Здѣсь я встрѣтилъ много хорошихъ знакомыхъ изъ Россіи. Очень обрадовался, увидя графиню Остерманъ съ племянницей княгиней Долгорукою, рожденною графинею Сенъ-При¹⁾. Все время моего пребыванія въ Баденъ-Баденъ я былъ ихъ постояннымъ провожатымъ.

30-го вечеромъ я покинулъ этотъ прелестный уголокъ и поѣхалъ въ Раштадтъ (здѣсь мой дядя Вильгельмъ Адеркасъ былъ въ 1813 и 1814 годахъ комендантомъ города), затѣмъ въ Калеруэ. 2-го я проѣхалъ Швейцингенъ и прибылъ въ Майнцъ, а затѣмъ въ Гейдельбергъ, гдѣ пришлось участвовать въ очень интересномъ торжествѣ. 4-го іюля американцы, жившіе въ Гейдельбергѣ, устроили великолѣпный обѣдъ, чтобы отпраздновать объявленіе независи-

¹⁾ Ея мужъ, князь Василій Долгорукій, былъ офицеромъ моего эскадрона, затѣмъ флигель-адъютантомъ, военнымъ министромъ и шефомъ жандармовъ.

мости Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Всѣ бывшіе тогда въ Гейдельбергѣ русскіе были приглашены на этотъ обѣдъ. На слѣдующей день я проѣхалъ по извѣстной своею красотою дорогѣ Бергштрассе, черезъ Шпрингеимъ, Вейнгеймъ, Гешенгеймъ, Дармштадтъ во Франкфуртъ. 7/25 въ день рожденія императора Николая нѣсколько русскихъ и пруссаковъ отпраздновали этотъ день великодушнымъ обѣдомъ.

8-го я поѣхалъ въ Висбаденъ, гдѣ остановился въ гостиницѣ «Нассау». Здѣсь разыгралось нѣсколько комичныхъ сценъ благодаря моему сходству съ принцемъ Фридрихомъ прусскимъ. Куда я ни показывался, меня встрѣчали низкими поклонами, полиція вездѣ очищала мнѣ дорогу. Приходилось постоянно разъяснять это недоразумѣніе.

10-го я уѣхалъ въ Майнцъ и пустился въ прелестное путешествіе по Рейну на пароходѣ «Фридрихъ-Вильгельмъ». На пароходѣ меня тоже принимали за принца. Сколько графъ Кутузовъ, ѣхавшій со мною, и я не старался разувѣрять публику, намъ видимо не вѣрили. Думая, что принцъ желаетъ сохранить свое инкогнито, притворялся, что убѣдился въ своей ошибкѣ. Тѣмъ не менѣе относились ко мнѣ съ большимъ почетомъ. Въ Кобленцѣ Кутузовъ и я съѣхали съ парохода и отправились въ Эмсъ, а отсюда въ Эренбренштейнъ, который детально осмотрѣли, какъ и укрѣпленія Кобленца. Опять сѣли на пароходъ и поѣхали по Рейну въ Кельнъ, Юлихъ и Аахенъ. Вездѣ встрѣчали знакомыхъ, казалось, что находишься у себя дома въ Россіи. Въ Аахенѣ опять начались комичныя сцены изъ-за моего сходства съ принцемъ Фридрихомъ. Особенно забавно было въ Дюссельдорфѣ, мѣстѣ его жительства. Встрѣчая меня и принимая за принца, жители города недоумѣвали, по какому случаю принцъ могъ разгуливать по городу въ партикулярномъ платьѣ.

21-го по Рейну я отбылъ въ Везель, затѣмъ въ Нимвегенъ, Арнхеймъ, Утрехтъ и наконецъ въ Амстердамъ. Въ этомъ на видъ особенно чистенькомъ городѣ я провелъ нѣсколько дней и, конечно, не преминулъ съѣздить въ Саардамъ, названный такъ въ честь Петра Великаго, чтобы осмотрѣть все, что напоминало о пребываніи здѣсь нашего Великаго Царя. Отсюда черезъ Гаарлемъ и Лейденъ поѣхалъ въ Гаагу. Здѣсь я тоже зналъ дипломатовъ, Потемкина и его секретаря князя Долгорукаго; кромѣ нихъ встрѣтилъ здѣсь графа Ферзена съ супругою, рожденною Строгановою, пользовавшихся купаньями въ Шевенингъ. У нихъ я провелъ нѣсколько очень симпатичныхъ вечеровъ.

29-го продолжалъ путь, слѣдуя по каналамъ черезъ Дельфтъ въ Роттердамъ. Здѣсь пересѣлъ на пароходъ «Батавія» и поѣхалъ въ Англію. На другое утро показался англійскій берегъ, затѣмъ рѣка Темза. Слѣдуя по ней, миновали Маргате, Гревезендъ, Вульвичъ, Гринвичъ, Детфордъ и въ 5 часовъ вечера прибыли въ Лондонъ. И тутъ я зналъ почти все посольство, князя

Ливентъ, графа Медемъ, Толстого и другихъ. Лондонъ одинъ изъ интереснѣйшихъ городовъ всего свѣта, на каждомъ шагѣ наталкиваешься на что-нибудь новое. Также интересны и его окрестности, особенно Гринвичъ. Я оставался здѣсь до 8-го августа и затѣмъ черезъ Оксфордъ и Стокпортъ прослѣдовалъ въ Манчестеръ, гдѣ нашелъ стараго друга дѣтства, купца Баротъ, женившася и поселившася здѣсь. Проведя здѣсь нѣсколько дней, я былъ зрителемъ пѣшаго ученія гвардейскаго драгунскаго полка. Меня это очень заинтересовало и я попросилъ Барота передать командиру мою визитную карточку и просьбу разрѣшить осмотрѣть лошадей и конюшни (такъ же я поступилъ и въ Лондонѣ у Хорсъ-Гардовъ). Онъ сейчасъ же подошелъ ко мнѣ и очень любезно предложилъ мнѣ, какъ русскому полковнику гвардіи, осмотрѣть въ полку все, что меня интересуетъ, причемъ сейчасъ же провелъ его мимо меня церемониальнымъ маршемъ. Я стоялъ при этомъ въ штатскомъ сюртукѣ съ круглою шляпою въ рукахъ. Побывавъ въ драгунскомъ полку и осмотрѣвъ много фабрикъ и машинныхъ заводовъ, я поѣхалъ въ деревню въ Уинтонгузъ къ тецѣ Барота. Ыхали туда по вновь построенной Манчестеръ-Ливерпульской желѣзной дорогѣ (моя первая поѣздка на таковой). У госпожи Vates провели цѣлый день. Баротъ очень любезно предлагалъ ѣхать съ нимъ въ Дублинъ, Глазговъ и Эдинбургъ, но отъ этого пришлось отказаться, такъ какъ я собирався возвратиться къ зимѣ домой, а еще предстояло видѣть очень многое, внесенное въ мой первоначальный маршрутъ. Къ тому же Баротъ находилъ, что послѣ Италіи, Швейцаріи и Савойи, Шотландія покажется мнѣ совсѣмъ ничтожною. Я согласился съ нимъ и изъ Ливерпуля возвратился въ Лондонъ (впослѣдствіи весь планъ моей поѣздки измѣнился и я очень сожалѣлъ, что не пришлось побывать въ Шотландіи).

12-го августа я поѣхалъ въ Варрингтонъ, затѣмъ по Бриджъ-Уатеръ-каналу черезъ ворота, Бирмингамъ, Варвикъ (развалины Кенильворта), Лирмингтонъ и Сентъ-Альбансъ въ Лондонъ, гдѣ остановился на Лейчестеръ-скверѣ въ гостиницѣ «Sablonsière Hôtel». Здѣсь жила только что прибывшая съ острова св. Елены госпожа Джонсонъ. Она привезла съ могилы Наполеона нѣсколько новыхъ вѣтокъ. Одну изъ нихъ она подарила мнѣ¹⁾. Осмотрѣвъ все интересное и побывавъ на торжественномъ въѣздѣ короля по случаю окончанія засѣданій парламента, я покинулъ Лондонъ и отправился черезъ Фарингамъ и Винчестеръ въ Саутгемптонъ, гдѣ сѣлъ на пароходъ «Аполлонъ», чтобы ѣхать во Францію. Остановившись на островѣ Уайтъ и въ Портсмутѣ, гдѣ присутствовалъ на гонкѣ лодокъ, прибылъ въ Гавръ. Здѣсь я зашелъ къ нашему консулу Штофрегену и обѣдалъ у него. Какъ разъ въ этотъ день моему отцу

¹⁾ Половину ея я раздалъ въ Парижѣ поклонникамъ великаго императора, другая половина находится въ моемъ гербаріи въ Меддерѣ.

минуло шестьдесятъ семь лѣтъ. Узнавъ объ этомъ, Штофрегенъ приказалъ подать шампанскаго и мы пили за здоровье отца.

23-го я сѣлъ на пароходъ «Луи Филиппъ» и по рѣкѣ Сенъ, черезъ Гонфлеръ, Танкарвилль, Кильбефъ, Виллекье и Кодебекъ поѣхалъ въ Руанъ, а оттуда сухимъ путемъ въ Парижъ, гдѣ остановился въ гостинницѣ «Орлеанъ» (rue Richelieu), какъ разъ напротивъ «Théâtre Français». Въ тѣ времена русскимъ было запрещено посѣщать Францію, однакоже всеѣ нашей компаніи, прибывшей изъ Англіи, удалось еще въ Лондонѣ получить необходимыя французскія разрѣшенія на вѣздъ, и нашъ посолъ графъ Поццо ди Борго принялъ насъ очень радушно, пригласивъ ежедневно обѣдать у него (обѣды графа считались тончайшими въ Парижѣ). Весь персоналъ посольства былъ мнѣ знакомъ. Здѣсь я узналъ, что въ Швеціи появилась сильная холера и что туда ѣхать небезопасно. Я собирался какъ разъ ѣхать туда черезъ Пomerанію и Данію; теперь пришлось совершенно перемѣнить свои планы. Сейчасъ же меня потянуло назадъ въ Италію, во Флоренцію. Будучи совершенно свободнымъ человѣкомъ, не долго думая, рѣшилъ вернуться въ Италію. Послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Парижѣ, поѣхалъ на югъ и черезъ Оксеруа, Месонъ, Монтеро, Сансъ, Жуаньи, Отанъ, Шалонъ сюръ Сенъ, Маконъ и Вильфраншъ прибылъ въ Лионъ. Здѣсь я расстался съ княземъ Леонидомъ Голлицынымъ, долгое время бывшимъ моимъ спутникомъ, и черезъ Пондевуазенъ (граница Савойи), Лезешель де Савоа, Шамбергъ, Монмеліанъ, долину деля Моріенъ, Эребель и Сенъ-Жанъ Моріенъ поѣхалъ въ Моданъ. Отсюда мимо крѣпости Брамантъ въ Ланстербургъ, гдѣ началъ взбираться на гору Сенъ-Денисъ.

19-го я былъ въ Сузѣ, 20-го прибылъ въ Туринъ. Это былъ первый изъ большихъ городовъ, въ который, кромѣ Флоренціи, я попадалъ вторично. Теперь приходилось ѣхать по уже знакомымъ мѣстамъ.

20-го я былъ въ Генуѣ, гдѣ былъ очень радушно принятъ маркизомъ Паулуччи; обѣды и балы были ежедневно. На одномъ изъ нихъ я познакомился съ прусскимъ генераломъ барономъ Врангелемъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ). Изъ Генуи приходилось ѣхать по прелестной дорогѣ черезъ Спецію. Я видѣлъ теперь все съ другой стороны, и путешествіе показалось мнѣ еще великолѣпнѣе, чѣмъ въ первый разъ. По дорогѣ, въ Инзѣ, отпраздновалъ день своего рожденія (36 лѣтъ). На слѣдующій день рано утромъ прибылъ въ мою милую Флоренцію. Вечеромъ посѣтилъ всѣхъ знакомыхъ въ ихъ ложахъ въ Перголь. Удивленію ихъ не было границъ, такъ какъ никто не ожидалъ меня снова встрѣтить во Флоренціи. Благодаря пріятной и дешевой жизни въ этомъ городѣ, тутъ собралось на зиму болѣе двѣнадцати тысячъ иностранцевъ. Жизнь кипѣла ключомъ. Завтраки и обѣды, шикники и ѣшкомъ, на лошадяхъ и ослухъ, обѣды, спектакли, балы и маскарады слѣдовали одинъ за

другимъ. Я бывалъ охотнѣе всего у великаго герцога, графа Монфоръ и графини Липона, затѣмъ у княгини Салтыковой, жившей здѣсь съ племянницами Долгорукими. Около новаго года я довольно серьезно заболѣлъ. Во время болѣзни я не могъ нарадоваться милому ко мнѣ отношенію моихъ знакомыхъ. Не только мужчины ежедневно посѣщали меня въ моей квартирѣ на Лунго д'Арно, но даже графиня Липона и графъ Монфоръ подъѣзжали неоднократно къ воротамъ моего дома и присылали своихъ лакеевъ узнать о состояніи моего здоровья. Великій герцогъ тоже нѣсколько разъ освѣдомлялся обо мнѣ. У меня было сильное воспаленіе желудка. Чувствуя себя немного лучше, я рискнулъ поѣхать наканунѣ новаго года на большой балъ къ Монфорамъ и поступилъ очень неосторожно, такъ какъ болѣзнь ухудшилась и въ наказаніе за неосторожность пришлось пролежать цѣлую недѣлю. Всѣ друзья отнеслись очень сочувственно къ моей неудачѣ. Особенно сердечно отнесся ко мнѣ Орловъ.

10-го января было два сильныхъ толчка отъ землетрясенія, не причинившихъ однако никакого вреда. 12-го, въ нашъ русскій новый годъ, былъ балъ у Орловыхъ.

1835 г. Слѣдуя совѣту врача, я началъ молочное лѣченіе ослинымъ молокомъ. Простота правовъ была изумительная. Ежедневно утромъ погонщикъ пригонялъ ослицу прямо ко мнѣ въ комнату въ бель-этажъ и здѣсь ее доили. Я получалъ такимъ образомъ молоко изъ первыхъ рукъ.

20-го. Наконецъ могъ двигаться и сейчасъ же утромъ пошелъ къ графинѣ Липона. Зная, съ какимъ интересомъ я отношусь ко всему примѣчательному, она показала мнѣ комнату, стѣны которой сплошь были обставлены стеклянными шкафами. Въ нихъ хранились платья и всѣ необыкновенные костюмы, которые ся мужъ, король Неаполитанскій Іоакимъ Мюратъ, носилъ при жизни. На кругломъ столѣ посреди комнаты лежала масса мелкихъ предметовъ и сувенировъ, и въ числѣ ихъ двѣ пары кастаньетъ. Я впервые видѣлъ подобный инструментъ и попробовалъ имъ щелкнуть, но это мнѣ не удалось. Тогда графиня Липона сама научила меня, какъ ими владѣть. Онѣ мнѣ очень понравились, и я спросилъ компаньонку графини миссъ Кукъ, имѣются ли во Флоренціи хорошія кастаньеты. Услыхавъ мой вопросъ, графиня подарила мнѣ одну пару¹⁾, сказавъ при этомъ: «Gardez cela comme un petit souvenir de moi, c'est bien peu de chose, que je vous offre là, mais cela aura quelque intérêt historique pour vous, car elles étaient le premier cadeau que mon frère Joseph m'a fait, après avoir monté sur le trône de l'Espagne». Вислѣдствіи (19-го апрѣля)

¹⁾ Онѣ находятся въ архивѣ бароновъ Каульбарсъ.

она подарила мнѣ свой портретъ. Въ тотъ же день далъ мнѣ свой портретъ молодой герцогъ Лейхтенбергскій, братъ супруга нашей великой княгини, очень ко мнѣ расположенный¹⁾. На одномъ изъ маленькихъ баловъ князя Карла Понятовскаго я былъ представленъ герцогу Луккскому (Лисса), очень скучавшему въ своей резиденціи и часто пріѣзжавшему во Флоренцію. Балы Понятовскихъ отличались тѣмъ, что тамъ собирались самыя красивыя женщины Флоренціи. Князь, незамѣтно для другихъ, шопотомъ передавалъ свое приглашеніе, обыкновенно слѣдующими словами: «*Odgi facciamo di Chiasso*». Князь Карлъ Понятовскій и его супруга, рожденная графиня Монтекатини, какъ и братъ его Іосифъ извѣстны своими оперными композиціями и своимъ великолѣпнымъ пѣніемъ. Не могу здѣсь не упомянуть объ одной моей хорошей знакомой, госпожѣ Вайтъ, англичанкѣ, которая впоследствии была постоянною спутницею Гарибальди. Въ то время она была подругою скульптора Бертолинни. И часто бывалъ у нихъ.

6-го февраля. Повторилось землетрясеніе.

19-го марта здѣсь произошло ужасное происшествіе. Рядомъ съ церковью С.-Фредіано былъ театръ; представленія давались въ верхнемъ этажѣ. Въ этотъ день онъ былъ переполненъ народомъ. Полъ не выдержалъ тяжести столькихъ людей и рухнулъ. Болѣе полтораста человекъ провалилось изъ второго въ первый этажъ, причемъ было много убитыхъ и тяжело раненыхъ. Я былъ свидѣтелемъ той ужасной картины, когда на слѣдующее утро братья «*della Misericordia*»²⁾ отрывали и вытаскивали изъ обломковъ и мусора страшно изуродованные трупы несчастныхъ. На моихъ глазахъ произошелъ и другой печальный случай. На одномъ изъ баловъ у великаго герцога вдругъ упалъ молодой англійскій полковникъ, статный и рослый, одѣтый въ красный, шитый золотомъ мундиръ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда приглашалъ даму на контрдансъ, и тутъ же скончался.—Къ сожалѣнію, и мое третье пребываніе во Флоренціи приходило къ концу. Графъ Монфоръ устроилъ для меня прощальный балъ, на который пригласилъ всѣхъ моихъ друзей.

7-го мая я покинулъ Флоренцію и въ сопровожденіи прусскаго секретаря посольства Реймонта (извѣстный впоследствии писатель) поѣхалъ черезъ Кавинліаю, Болонью, Модену, Мантую и Верону, Ровередо, Триентъ, Боценъ, Бриксенъ, черезъ Брейнеръ и прелестную долину Штубигъ въ Инсбрукъ (былъ и на скалѣ Мартинсвандъ). Продолжая путь, перебрались черезъ Цир-

¹⁾ Впоследствии онъ женился на португальской королевѣ Маріа да Глорія и умеръ въ Португаліи.

²⁾ «*Misericordia*» было тайное общество съ девизомъ «дѣлать тайно добро». Къ нему принадлежали лица всѣхъ классовъ. Чтобы ихъ не узнавали, они всегда ходили закутанные съ покрывалами на лицѣ, въ которыхъ были отверстія для глазъ и рта. По сигналу имъ однимъ извѣстному они обязаны были немедленно собираться и подавать необходимую помощь. На всѣхъ пожарахъ, несчастьяхъ на улицахъ и похоровахъ бѣдныхъ людей всегда можно было встрѣтить нѣсколькихъ изъ нихъ.

дербъ-Бергъ, Миттенвальде, вдоль озера Валлеръ, черезъ гору Кугельбергъ, вдоль озера Кугель въ Бенедиктъ Бейренъ. 13-го мая прибыли въ Мюнхенъ. Здѣсь я посѣтилъ нашего посланника князя Гагарина и секретаря Крюденера, женившася незадолго передъ тѣмъ на графиню Лерхенфельдъ. Отсюда черезъ Шлейсгеймъ, Пфаффенгофенъ, Ингольштадтъ, Эйхштедтъ, Эллингенъ, Рейнфельдъ, Ротъ и Швабахъ поѣхали въ Нюренбергъ.

19-го мы миновали Байрейтъ, Гофъ, Плауэнъ, Рейхенбахъ, Цвиккау, Хемницъ, Фрейбергъ и Тарандъ и 21-го мая прибыли въ Дрезденъ. Здѣсь я встрѣтилъ барона Оттона Штапельберга, брата моего шурина, известнаго изслѣдователя Греціи. Онъ мнѣ сообщилъ, что моя сестра Софія въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ, въ числѣ которыхъ была и кузина Эмма Данилова, рожденная Вейсъ, предприняла поѣздку за границу и на дняхъ должна прибыть въ Дрезденъ. Я приготовилъ имъ хорошую квартиру и при въѣздѣ въ городъ устроилъ имъ сюрпризъ.

2-го іюня у воротъ ихъ встрѣтилъ человекъ и доложилъ, что квартира готова. Больше отъ него онъ узнать ничего не могли. Можно себѣ представить ихъ удивленіе, когда я, котораго считали въ Италіи, встрѣтилъ ихъ въ дверяхъ ихъ новой квартиры. Бывъ уже разъ въ Дрезденъ, я зналъ его хорошо и, конечно, былъ ихъ чичероне въ городъ и окрестностяхъ, а также возилъ ихъ въ Саксонскую Швейцарію. Сестрѣ и кузинѣ Эммѣ было предписано врачами купанье въ Маріенбадѣ, я рѣшилъ ихъ сопровождать, и 12-го іюня мы покинули Дрезденъ и поѣхали черезъ Цирна, Петерсвальде и Кульмъ въ Теплицъ. Здѣсь жилъ король Карлъ X со всѣмъ семействомъ (герцогиня де Берри, Ангюлемъ и т. д.). Мы встрѣтили ихъ на прогулкѣ. Затѣмъ проѣхали Дуксъ, имѣніе графа Вальдштейна, Заацъ и Петчау и 14-го іюня прибыли въ Маріенбадъ. Я устроилъ своихъ дамъ и 17-го поѣхалъ въ Карлсбадъ. Здѣсь жили на водахъ великій князь Михаилъ Павловичъ и великая княгиня Елена Павловна. На слѣдующій же день я представился имъ и былъ очень любезно принятъ. Великій князь весьма заинтересовался моимъ путешествіемъ, и я рассказалъ ему со всѣми деталями, гдѣ былъ и что видѣлъ. Когда я кончилъ, онъ засмѣялся и сказалъ: «Теперь я вижу, какъ ошибся, думая, что ты будешь скучать въ деревнѣ. Ты то веселишься, но за то я скучаю тутъ ужасно». Затѣмъ онъ повелъ меня къ великой княгинѣ, принявшей меня очень приветливо и разспросившей меня о моихъ сестрахъ, которыхъ встрѣчала на купаньяхъ въ Екатериненталь близъ Ревеля. Послѣ этого привелъ трехъ маленькихъ великихъ княжентъ Марію, Елизавету и Екатерину и великій князь для шутки устроилъ имъ ученіе, заставлялъ ихъ ворочаться и маршировать. При этомъ онъ сказалъ мнѣ, смѣясь: «надо же и мнѣ чѣмъ нибудь заниматься, а то совсѣмъ забуду строй». Когда я откланивался, великій князь взялъ съ меня слово, что, кончивъ путешествовать, я опять поступлю на военную

службу. Это обѣщаніе я далъ тѣмъ охотнѣе, что это было и мое завѣтное желаніе.

21-го я выѣхалъ. Въ дилижансѣ рядомъ со мною сидѣлъ Вольфгангъ Амадеусъ Моцартъ, второй сынъ знаменитаго композитора, капельмейстеръ въ Пресбургѣ. ѣхали черезъ Шнебергъ, Цвиккау, Альтенбургъ въ Лейпцигъ, гдѣ я провелъ нѣсколько дней. Оттуда поѣхалъ въ Берлинъ.

3-го я его покинулъ и черезъ Пренцлау, Паазевалькъ, Анкламъ и Грейфсвальде прибылъ въ Штральзундъ. Тутъ жили двоюродныя сестры моего отца баронессы Вильгельмина и Ядвига фонъ Каульбарсъ, дочери барона Христиана Каульбарса и его жены, рожденной фонъ Болтенштернъ. Онѣ очень обрадовались столь близкому родственнику. Въ Штральзундѣ я видѣлъ домъ, въ которомъ жила мой дѣдъ, когда онъ командовалъ здѣсь шведскимъ полкомъ. Домъ стоялъ на улицѣ св. Духа. Это было старое строеніе въ готическомъ стилѣ и съ тѣхъ поръ не измѣнилось. Я сѣзидилъ и въ имѣніе Гогендорфъ, въ которомъ мой отецъ провелъ часть своего дѣтства.

8-го іюля я вернулся въ Грейфсвальде, откуда на пароходѣ «Мутала» переехалъ въ Пштадъ въ Швецію и остановился въ гостинницѣ «Hôtel du Sud». Такъ какъ я сильно усталъ, то легъ отдохнуть. Когда я всталъ, коридорный доложилъ мнѣ, что меня спрашивала какая-то дама и узнавъ, что я сплю, обѣщала зайти черезъ часъ. Дама эта оказалась моею кузиною, Фредерикою, дочерью моего дяди Вильгельма, пріѣхавшей въ Пштадъ и остановившейся въ той же гостинницѣ. Прочитавъ въ книгѣ пріѣзжихъ мою фамилію, она заинтересовалась узнать, кто я такой. Кузина была замужемъ за пробстомъ Эдманъ, жившимъ въ своемъ имѣніи «Sud-Wilje». Я собирался разыскивать ее и ея брата и былъ очень радъ встрѣтить ее. Съ нею я поѣхалъ въ ея помѣстье, а оттуда въ Мальме, гдѣ ея братъ Густавъ Вильгельмъ служилъ лейтенантомъ въ Шоненскомъ пѣхотномъ полку и былъ бригаднымъ адъютантомъ. Съ нимъ я провелъ нѣсколько очень пріятныхъ дней и познакомился съ шведскимъ обществомъ.

12-го поздно вечеромъ я выѣхалъ на парусной шкунѣ и къ утру прибылъ въ Копенгагенъ. Не успѣлъ ступить на сушу, какъ встрѣтилъ стараго знакомаго консула Эбелинга. Кромѣ него я зналъ здѣсь посланника Дашкова и секретаря Глинку и былъ пріятно пораженъ, встрѣтивъ старыхъ друзей изъ Флоренціи, герцога Талейрана съ женою, переведенныхъ сюда на ту же должность.

17-го. Уѣхалъ на норвежскомъ пароходѣ «Принцъ Карлъ», заѣхалъ въ Ландскрона и Гельсингеръ и 18-го іюля прибылъ въ Готенбургъ. Въ этомъ городѣ мой прадѣдъ баронъ Іоганъ Фридрихъ фонъ Каульбарсъ былъ многіе годы генералъ-губернаторомъ Готенбурга и Богуслана. Память о немъ еще сохранилась, и дворецъ, въ которомъ онъ жилъ—нынѣ городская ратуша,—и по-

сейчасъ еще носить имя «Kulbars Hus». Здѣсь я познакомился съ графомъ Вреде и графомъ Вахтмейстеромъ. Узнавъ, что я правнукъ Каульбарса, они устроили мнѣ великолѣпный обѣдъ съ шампанскимъ въ залѣ искусственныхъ минеральныхъ водъ у директора Каваллина. Посмотрѣвъ на ловлю омаровъ, которые были различной величины и очертаній, я сѣлъ на пароходъ «Платенъ» и поѣхалъ по Гота-каналу. Въ первый же день миновалъ знаменитый водопадъ Тролахатта и множество шлюзовъ. На слѣдующій день утромъ у Венерсборга вошелъ въ озеро Венеръ. 24-го я миновалъ Викъ, Форсѣ-Викъ, Боттенъ и озеро Веттеръ. Ночевалъ въ Мотала, гдѣ поконтся прахъ великаго Платена. 25-го я проѣхалъ озеро Роксенъ у Линкепинга, затѣмъ Аспленгенъ и Зедеркепингъ и вышелъ въ море въ бухту Стетбоккенъ въ Ботническомъ заливѣ.

26-го я зашелъ въ заливъ Энгельсте-Викъ и у городка Зедертелье вошелъ въ озеро Меларъ, испещренное островами съ красными замками, старыми руинами и т. д. Послѣ полудня прибыли въ Стокгольмъ. На пароходѣ сдѣлалъ пять сотъ пятьдесятъ верстъ и прошелъ черезъ семьдесятъ два шлюза и девять озеръ. Въ Стокгольмѣ жилъ мой старый другъ Бодиско, нашъ посланникъ, и его братъ полковникъ. Благодаря имъ я познакомился съ Стокгольмскимъ обществомъ. Чаше всего бывалъ я у стараго фельдмаршала графа Стедингга и у его сына ротмистра шведскаго лейбъ-коннаго полка (гусары). Хотя Каульбарсовъ почти что не осталось въ Швеціи, нашъ родъ пользовался тамъ большимъ почетомъ. Гербъ нашъ, хотя и не баронскій, понынѣ находится въ рыцарскомъ залѣ въ Стокгольмѣ.

29-го я былъ зрителемъ ужаснаго несчастія, постигшаго церковь Риддерсгольменъ. Наканунѣ, при сильной грозѣ, молнія ударила въ башни церковей Риддерсгольменъ и другой церкви, недалеко отъ первой. Сейчасъ же принялись тушить и ту, и другую. Съ первою покончили скоро, со второю провозились до поздняго вечера. 29-го, пообедавъ въ «Hôtel du Nord», я вышелъ на улицу и вдругъ замѣтилъ множество маленькихъ огненныхъ язычковъ, видѣвшихся на самой вершинѣ башни у креста. Не успѣлъ я крикнуть, что церковь горитъ, какъ уже услыпалъ тревогу. Башня была очень высокая и тонкая (какъ Олафъ въ Ревелѣ). Дотащить на такую высоту воду было дѣломъ невозможнымъ, поэтому пламя одолѣвало и въ четыре съ половиною часа рухнуло сверху крестъ, въ пять съ половиною вся верхняя часть башни, а въ семь часовъ вечера и вся остальная башня съ четырьмя маленькими башеньками-пристройками. Затѣмъ сгорѣла и вся крыша. Уцѣлѣли одиѣ почернѣвшія стѣны и своды надъ великолѣпными могилами королей. Украшенія съ могилъ и все, что можно было вынести, было спасено.

31-го на пароходѣ «Упсала» я поѣхалъ въ городъ Упсалу. Здѣсь я отыскалъ профессора Шредера, стараго друга моего дѣда. Онъ принялъ меня очень радушно и показалъ мнѣ домъ, въ которомъ когда-то жили дѣдъ и

бабушка, а также могилы ихъ на мѣстномъ кладбищѣ. Осмотрѣвъ городъ и великолѣпный соборъ, величайшій и красивѣйшій въ Швеціи, я на томъ же пароходѣ возвратился въ Стокгольмъ. На пароходѣ я познакомился съ красавицею графинею Армфельдъ, рожденною Армфельдъ, и съ королевскимъ бібліотекаремъ Арвидзономъ, также женатомъ на Армфельдъ. Изъ Стокгольма часто ѣздили въ Ульрихсдалъ къ нашему посланнику Бодиско. Въ тѣ времена не существовало регулярнаго пароходства между Швеціею и Финляндіею, поэтому пришлось ждать оказій и я только поздно вечеромъ 5-го августа уѣхалъ на большомъ парусномъ пакботѣ. Утромъ имѣлъ пріятный сюрпризъ встрѣтить на палубѣ графиню Армфельдъ. Въ этотъ день проѣхали Ваксгольмъ, Тюрюзундъ и вечеромъ Аландъ. Въ Дегерби стали на якорь, такъ какъ въ темнотѣ было опасно двигаться.

7-го августа поднялся штормъ, который принудилъ насъ искать убѣжище въ шхерахъ Финляндіи. Вечеромъ тронулись и 8-го августа прибыли въ Або. Здѣсь я посѣтилъ моего кузена барона Эрнста Каульбарса ¹⁾, служившаго майоромъ въ пѣхотномъ полку, и коменданта города генерала Дершау. Вечеромъ съ англійскимъ посольскимъ курьеромъ Берти въ его собственной коляскѣ поѣхали далѣе и вечеромъ слѣдующаго дня прибыли въ Гельсингфорсъ. Нѣсколько дней пришлось ожидать попутнаго вѣтра въ Ревель, наконецъ 12-го числа довольно скверненькій бригъ рискнулъ выйти въ море. Это окончилось неудачею; усилившійся вѣтеръ выкинулъ наше суденышко на мель острова Малый Врангельсгольмъ. Бригъ аваріи не потерпѣлъ, тѣмъ не менѣе пассажиры съѣхали и переночевали въ крестьянской избѣ. Раю утромъ мы наняли рыбацкія лодки и при сильномъ туманѣ направились въ Ревель. Такъ какъ я былъ знакомъ съ управленіемъ лодкою, то меня посадили на руль. Съ компасомъ въ рукахъ, при довольно сильномъ волненіи, мы медленно двигались впередъ. Въ десять часовъ разъяснилось, и мы миновавъ Вульфзундъ, вошли въ три часа дня 13-го августа въ Ревельскую гавань. Здѣсь ожидалъ меня пріятный сюрпризъ. Мать, сестра Эмилиа и невѣстка, рожденная Энгельгардтъ, были въ Ревелѣ. Я провелъ здѣсь нѣсколько очень пріятныхъ недѣль, часто выѣзжая на обѣды и балы, даваемые здѣсь лечившимся на купаньяхъ петербургскимъ *beau-monde* омъ.

9-го отбылъ въ Меддерсъ, чтобы поспѣть ко дню рожденія отца—къ 10-ому. Съ момента выѣзда изъ Меддерса до момента пріѣзда туда же, мое путешествіе длилось два года три мѣсяца и двадцать восемь дней. Отпраздновавъ рожденіе отца, я вернулся въ Ревель, а оттуда поѣхалъ въ Шлосъ-Фалль къ графинѣ Бенкендорфъ.

29-го октября я былъ опять въ Меддерсѣ. Вдоволь нагулявшись, рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ и вновь поступить на службу.

¹⁾ Умеръ въ Ревелѣ 8-го марта 1871 г. генералъ-майоромъ.

23-го декабря прибылъ въ Петербургъ и остановился въ казармахъ конной гвардіи у моего стараго друга Ивана Балабина. Насколько дешевы были путешествія въ тѣ года, конечно, если не имѣть большихъ претензій, доказываетъ моя поѣздка. Изъѣздивъ большую часть Европы, потративъ на это почти два съ половиною года времени, не отказавъ себѣ ни въ какихъ удовольствіяхъ, я изстратилъ всего 8.600 рублей ассигнаціями, что, считая на серебро, составитъ 2.150 рублей.

1836 г. 10-го января я явился великому князю Михаилу Павловичу, принявшему меня очень привѣтливо, и доложилъ ему о желаніи поступить вновь на службу въ л.-гв. Конный полкъ. Каково было мое удивленіе, когда онъ мнѣ въ этомъ отказалъ, предложивъ поступить въ Кавалергардскій полкъ. Это предложеніе меня ошеломило, настолько оно было неожиданнымъ. Я попросилъ разрѣшенія его обдумать. Несмотря на то, что желаніе великаго князя было для меня очень лестно, но было и нѣсколько обстоятельствъ, затруднявшихъ мое рѣшеніе. Несмотря на самыя дружескія отношенія между нашимъ полкомъ и кавалергардами все же существовало небольшое соревнованіе между этими частями. Поступая къ нимъ, я сталъ бы сразу старшимъ ротмистромъ. Въ кавалергардскомъ полку случилась какая-то непріятность, вслѣдствіи которой нѣсколько офицеровъ оставило полкъ. Но какимъ то соображеніямъ высшее начальство рѣшило занять ихъ мѣста офицерами со стороны, и я оказался бы переведеннымъ туда насильно, что сразу могло испортить мои хорошія отношенія къ полку. Всѣ мои друзья въ кавалергардскомъ полку, въ томъ числѣ и командиръ его, генераль Гринвальдъ, уговаривали меня покориться волѣ великаго князя и поступить къ нимъ, не обращая вниманія на ту тенденціозность, которою послѣдній обставлялъ этотъ переводъ. Не желая, несмотря на наилучшія отношенія къ офицерамъ полка, стать все таки въ нѣсколько фальшивое относительно ихъ положеніе, я искалъ исхода изъ этой дилеммы и обратился за совѣтомъ къ дежурному генералу графу Клейнмихелю и къ начальнику штаба гвардейскаго корпуса генералу Веймарну. Обоихъ я зналъ уже давно, и оба относились ко мнѣ всегда съ большою любезностью. Обсудивъ мое дѣло, они вполне согласились съ моими доводами и посовѣтовали мнѣ, какъ единственный исходъ изъ этого положенія, зачислиться на время въ одинъ изъ армейскихъ кавалерійскихъ полковъ, остаться на годъ въ Петербургъ въ Образцовомъ полку и выждать, какъ обернется мое дѣло. Я выбралъ кирасирскій принца Альберта полкъ, въ который и былъ зачисленъ подполковникомъ. Въ формѣ этого полка я явился великому князю, такъ какъ, отбывая годъ въ Образцовомъ полку, оставался подъ его непосредственною командою. Войдя въ комнату, великій

князь сейчас же заметил меня и, подойдя, сказал: «что это за зеленый воротник?»; затем обратился к Веймарну: «Каульбарс всегда хорошо знает службу, его не надо вторично обучать в Образцовом полку, но очень прошу сейчас же переменить воротник: желаю видеть его красным с серебром (кавалергардским)». После этих слов великого князя Клейнмихель и Веймарн решили, что им ничего другого не остается, как перевести меня немедленно в кавалергардский полк. Входя в мое положение, они нашли способ обойти желание великого князя, а именно посоветовать мне уехать на место моего нового служения. Не желая быть в фальшивом положении, справив всю экипировку и боясь кроме того с моими ограниченными средствами не быть на высоте полка, я согласился на выезд. Впоследствии я не жалел о своем решении, так как благодаря ему был свидетелем многого весьма интересного и познакомился с новыми местами и их бытом. С разрешения дежурного генерала графа Клейнмихеля я провел еще некоторое время в Петербурге, стараясь не попасться на глаза великому князю, и собирался в столь для меня неожиданное путешествие в 1550 верст. Для дороги я приобрел себе крепкую дорожную бричку. Видимо, мне было суждено присутствовать на народных бедствиях. Как в Флоренции при обвале театра, в Стокгольме при пожаре собора, так и в Петербурге в первый день масленицы 2-го февраля я сделался свидетелем ужасной катастрофы на Адмиралтейской площади,—пожара в балагане Лемана. В пять часов дня, во время представления какого-то фарса, загорелась одна из кулис, огонь распространился со страшною скоростью. Первый заметил огонь комик трушны (паяц), который крикнул в публику «пожар!». Последовал громкий взрыв хохота, так как публика приняла это за шутку. Чем больше тот горячился, указывая на ужас положения, тем громче хохотала публика и тем неистовее аплодировала ему. Только густой едкий дым, наполнивший зрительный зал, заставил понять, что это не шутка. Сразу все ринулись к дверям. Последние, к несчастью, открывались во внутрь и публика своим внезапным натиском захлопнула их и придавила, лишая себя возможности спастись. Хотя полиция и пожарные были сейчас же на месте и пробили топорами выходы в стенах балагана, но было уже поздно. Проникнув во внутрь, увидели страшную картину. Большая часть жертв задохлась в дыму, не имея возможности и времени подняться с места, и так и сидела амфитеатром. Много тел обуглилось и было неузнаваемо. Около 340 человек пало жертвою этого пожара.

7-го марта генерал Веймарн передал мне еще раз желание великого князя о переводе меня в кавалергардский полк, но я этот раз стоял на своем: решившись уехать в армию, я уже не хотел переменить своего намерения.

12-го апрѣля, на разводѣ, Государь подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ: «очень радъ, что ты опять поступилъ на военную службу».

25-го я выѣхалъ наконецъ, изъ Петербурга. По дорогѣ остановился около Новгорода въ военныхъ поселеніяхъ, въ Гродненскомъ гусарскомъ полку, у моего кузена Георгія Адеркаса и провелъ здѣсь нѣсколько дней.

2-го мая я прибылъ въ Москву въ четвертый разъ въ моей жизни, и остановился у моего товарища по конной гвардіи Мерлина. Первымъ, что я сдѣлалъ въ Москвѣ, было поспѣшить къ моимъ друзьямъ изъ Флоренціи и Неаполя—Хвоцинскимъ. Къ моему величайшему прискорбію, сама Хвоцинская была очень больна (говорили, что у нея чахотка въ послѣдней степени, и дѣйствительно она прожила послѣ этого не долго), и не могла меня принять. Пришлось уѣхать изъ Москвы, не увидѣвъ вновь этой прелестной милой женщины. Мерлинъ пригласилъ меня заѣхать въ его имѣніе подѣ Тулою. Такъ какъ это мнѣ было по дорогѣ, то я съ удовольствіемъ принялъ его любезное приглашеніе, и 16-го мая мы выѣхали изъ Москвы. Изъ имѣнія Мерлина я ѣздилъ въ городъ Тулу и детально осматрѣлъ Тульскій оружейный заводъ.

16-го я уѣхалъ, миновать Орелъ, Курскъ, Обоинъ, Бѣлгородъ, Харьковъ, Полтаву и Кременчугъ и 23-го мая прибылъ въ Новую Прагу, мѣсто моего новаго служенія. Названіе «Новая Прага» вмѣсто Петриковки мѣстечко это получило въ память знаменитой атаки кирасирскаго принца Альберта полка подѣ Прагою въ сраженіи при Гроховѣ. Онъ былъ единственнымъ кирасирскимъ полкомъ, имѣвшимъ на каскахъ надписи: «за отличіе». Сейчасъ же явился я командиру полка полковнику графу Ржевусскому, бригадному командиру генералу фонъ-цуръ Мюлену и начальнику дивизіи генералъ-лейтенанту Яхонтову. Всѣхъ трехъ я зналъ еще въ Петербургѣ. Изъ нихъ графъ Ржевусскій и Мюлень были женаты, первый на княжнѣ Лопухиной, второй на Полянковой.

28-го въ Елизаветградѣ я явился командиру корпуса барону фонъ-деръ Остенъ-Сакену. Графъ Ржевусскій часто уѣзжалъ въ отпускъ по своимъ дѣламъ, и я, какъ старшій, вступалъ въ командованіе полкомъ. Остальными тремя полками нашей дивизіи командовали: 1-мъ полкомъ полковникъ Энгельгардтъ, 2-мъ—полковникъ Рейснеръ и 4-мъ—полковникъ баронъ Фитингофъ. Тѣмъ на дивизионный сборъ всѣ полки собирались у насъ въ Новой Прагѣ. Корпусный сборъ имѣлъ мѣсто осенью въ Новомиргородѣ.

18-го августа прибылъ къ намъ инспекторъ всѣхъ военныхъ поселеній генералъ-отъ-кавалеріи графъ Виттъ и осматрѣлъ нашъ 2-й резервный кавалерійскій корпусъ.

25-го нашъ полкъ возвратился въ мѣсто своей стоянки. Осень, а затѣмъ и зима миновали скоро, было много служебнаго дѣла, частыя поѣздки по дѣламъ полка въ Елизаветградъ, а для удовольствія—посѣщенія друзей и знакомыхъ.

въ ихъ имѣніяхъ въ окрестностяхъ Новой Праги. Общественная жизнь въ нашемъ городкѣ протекала очень симпатично и оживленно, благодаря большому количеству женатыхъ офицеровъ и окрестныхъ помѣщиковъ, въ большинствѣ очень образованныхъ и съ очень милыми семьями. Такъ какъ нашъ полкъ былъ разбросанъ по-эскадронно по деревнямъ, то, какъ штабъ-офицеру, мнѣ приходилось ихъ часто объѣзжать; также по нѣскольکو разъ въ мѣсяцъ надо было быть въ корпусномъ штабѣ въ Елизаветградѣ. Всѣ эти поѣздки были довольно скучны и занимали много времени; набиралось нѣрядное число верстъ, проѣженное мною такимъ образомъ. Я насчиталъ, что, включая сюда и поѣздку изъ Петербурга, я въ этомъ году изъѣздилъ 3.252 версты. Новый годъ я встрѣтилъ на великолѣпномъ балу въ дворянскомъ клубѣ въ Елизаветградѣ.

1837 г. Въ январѣ этого года нашъ бригадный командиръ генералъ фонъ-Цуръ-Мюленъ былъ переведенъ въ 1-ю кирасирскую дивизію, а на его мѣсто назначенъ генералъ Сомовъ, одинъ изъ моихъ прежнихъ товарищей по конной гвардіи.

7-го февраля проѣхалъ черезъ нашу стоянку фельдмаршалъ князь Витгенштейнъ, и я, въ качествѣ временно командующаго полкомъ, принялъ его со всѣми подобающими ему почестями. Уже заранѣе, по приказанію корпуснаго командира, трубаческія команды всѣхъ полковъ дивизіи собрались въ Новой Прагѣ и вмѣстѣ съ ихъ капельмейстерами поступили подъ мою команду. Императоръ Николай предполагалъ въ этомъ году устроить сборъ всей расположенной на югѣ Россіи кавалеріи подъ городомъ Вознесенскомъ.

12-го мая весь нашъ полкъ былъ собранъ и усердно принялся за подготовку къ этому сбору. Первымъ дѣломъ полкъ изъ шести-эскадроннаго состава преформировался въ восьми-эскадронный. Къ 7-му іюля всѣ приготовления были закончены и весь корпусъ собрался въ Елизаветградѣ и его окрестностяхъ. 17-го іюля мой братъ Карлъ прошелъ съ своимъ конно-піонернымъ эскадрономъ прямо въ Вознесенскъ. 27-го тронулись и мы, по-бригадно, и 2-го августа заняли лагерь, отведенные намъ на берегу рѣки Буга, недалеко отъ города Вознесенска¹⁾. Не могу обоити молчаніемъ этотъ единственный по своему великолѣпію, размѣрамъ и порядку кавалерійскій сборъ. На сравнительно небольшомъ пространствѣ было собрано 356 эскадроновъ и 18 конныхъ батарей (144 орудія). Палатки 1-го, 2-го и 3-го кавалерійскихъ

¹⁾ Планъ окрестностей Вознесенска съ указаніемъ на немъ дислокаціи войскъ и «правила боевыхъ порядковъ для кавалеріи, собираемой при г. Вознесенскѣ въ 1837-му году», находится въ архивѣ бароновъ Каульбарсъ.

корпусовъ (драгунскихъ), конныхъ піонеръ и принадлежавшей къ нимъ артиллеріи тинулись отъ города Вознесенска вверхъ по Бугу. Непрерывная линія ихъ растянулась на 13 верстъ, несмотря на то, что полки были размѣщены на бивакахъ въ эскадронныхъ колоннахъ, занимавшихъ наименьшее мѣсто. Сводный кавалерійскій корпусъ стоялъ по окрестностямъ города. Кромѣ всей этой массы кавалеріи, въ отдѣльномъ лагерѣ подъ Вознесенскомъ стояло еще 28 баталіоновъ пѣхоты и 6 полковъ кантонистовъ, съ нашимъ сборомъ ничего общаго не имѣвшихъ.

До 18-го августа время проходило въ приготовленіяхъ и репетиціяхъ. Въ этотъ день рано утромъ прибылъ императоръ Николай I и сейчасъ же произвелъ смотръ, длившійся отъ 10-ти часовъ утра до 6-ти часовъ вечера, на площади между городомъ Бугомъ и рѣчкою Мертвоводомъ. Кавалерія и артиллерія были размѣщены въ пяти линіяхъ. Громкій голосъ Государя при тихой, ясной погодѣ былъ отчетливо слышенъ до послѣдняго ряда. На этомъ смотрѣ присутствовало много приглашенныхъ Государемъ иностранныхъ офицеровъ. Вечеромъ послѣ парада братья Карлъ и я зашли къ одному изъ нихъ, прусскому генералу Барнеру, командиру гвардейскихъ драгунъ, у котораго собралось большое общество, почти сплошь состоявшее изъ иностранцевъ. Увидавъ насъ, всѣ бросились къ намъ со словами: «Мы со всѣмъ ошеломлены, живемъ какъ во снѣ! Въ Петербургѣ и Варшавѣ намъ показали гвардейскую кавалерію, въ Твери массу великолѣпныхъ полковъ и теперь новые 356 эскадроновъ, причемъ одинъ изъ нихъ лучше другого!» Многіе особенно восхищались конно-піонерами и узнавъ, что этою частью командуетъ мой братъ, наговорили ему много лестнаго. Не проходило дня безъ какого-нибудь смотра, и каждый разъ въ такомъ же грандіозномъ масштабѣ, какъ и въ первый день. Полки имѣли каждый свою отдѣльную офицерскую столовую въ особой большой палаткѣ, куда часто приглашали знакомыхъ дамъ и кавалеровъ. У графа Витта ежедневно собирался по вечерамъ весь beau-monde Вознесенска и окрестностей для танцевъ и ужина. На одномъ изъ этихъ вечеровъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ подошелъ ко мнѣ и, пожавъ обѣ руки, сказалъ: «какъ я радъ встрѣтить здѣсь стараго товарища изъ Петербурга». Великому князю Михаилу Павловичу представлялись всѣ, служившіе когда либо въ гвардіи подъ его начальствомъ. Онъ принялъ насъ очень ласково и, говоря со мною, не вспоминалъ о неисполненіи его желанія—о поступленіи въ Кавалергардскій полкъ.

22-го вечеромъ была заря съ церемонією передъ дворцомъ Государя, выстроеннымъ графомъ Виттомъ специально для этого сбора. Тутъ были собраны всѣ барабанщики пѣхоты, трубачи кавалеріи и пѣсенники кантонистовъ, въ общемъ около 4.000 человекъ. Хотя этотъ громаднй оркестръ и производилъ чарующее впечатлѣніе, я лично ожидалъ отъ него большаго эффекта. Жаль,

что люди были скучены въ одной густой колоннѣ и немного мѣшали другъ другу; если бы ихъ поставили амфитеатромъ, тонъ былъ бы чище и полнѣе.

23-го, въ 8 часовъ утра, вся кавалерія была вызвана по тревогѣ на заранее указанное сборное мѣсто и маневрировала до 3 часовъ послѣ обѣда. Нашему полку посчастливилось, такъ какъ до сборнаго мѣста было всего четыре версты, но тяжело было для тѣхъ, кому до мѣста пришлось скакать 13 верстъ и сейчасъ же безъ передышки участвовать въ очень горячемъ ученіи при ужасномъ зноѣ. Движенія производились цѣлыми дивизіями и бригадами. Впослѣдствіи оказалось, что отъ жары и переутомленія пало около 600 лошадей, большею частью жирныхъ и не подготовленныхъ для большой работы. При той громадной массѣ конницы, которая здѣсь собралась, это было, однако же, на столько малый процентъ, что его сразу и не замѣтили.

24-го послѣ обѣда пріѣхала императрица Александра. Въ честь ея пріѣзда повторилась заря и концертъ четырехъ-тысячнаго оркестра. Городъ и лагерь были великолепно иллюминированы. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, на крутомъ склонѣ горы, какъ разъ противъ оконъ дворца, были устроены свѣтящіеся инициалы Государя и Государыни, каждый длиною въ 400 шаговъ, т. е. болѣе четверти версты, и состоявшій изъ многихъ тысячъ лампочекъ.

26-го большой парадъ передъ императрицею.

27-го было французское представленіе въ городскомъ театрѣ. Здѣсь я имѣлъ удовольствіе, кромѣ массы петербургскихъ знакомыхъ, встрѣтить стараго Флорентинскаго друга графа Ла-Роншъ-Пушана, адъютанта герцога Луккского.

28-го—маневръ драгунскаго корпуса съ конно-піонерами, на которомъ я присутствовалъ верхомъ въ свитѣ Государя и великолепно видѣлъ все ученіе.

29-го былъ маневръ и боевая стрѣльба артиллеріи. Это была одна изъ интереснѣйшихъ картинъ, какія мнѣ довелось видѣть въ жизни. Посреди степи былъ выстроенъ изъ досокъ цѣлый городокъ, окруженный валами, на которыхъ стояли морскія пушки. Противъ этого городка дѣйствовала наша артиллерія, стрѣляла съ различныхъ дистанцій и подъ конецъ забросала его гранатами, которыя, разрываясь, подожгли его. Орудія на валахъ были заряжены холостыми зарядами. При паденіи на нихъ горѣвшихъ досокъ фитили зажигались и раздавались выстрѣлы. На зрителей это произвело рѣдкое впечатлѣніе: казалось, что крѣпость отвѣчаетъ на огонь нашей артиллеріи. Въ довершеніе этой величественной картины, въ послѣдній моментъ обвала крѣпости, изъ груды балокъ и золы поднялся букетъ изъ десяти тысячъ ракетъ. Государыня любовалась этимъ интереснымъ зрѣлищемъ съ возвышенія, на которомъ была разбита палатка. Графъ Виттъ пригласилъ меня въ эту палатку и я имѣлъ возможность восхищаться этою великолѣпною картиною.

Упомянутый артиллерійскій маневръ начался послѣ обѣда и продолжался до темноты, что еще больше увеличило феерическій эффектъ.

30-го, въ день св. Александра, былъ балъ на 2.000 персонъ въ манежѣ, превращенномъ въ блестящій танцевальный залъ. Городъ и окрестности были иллюминированы.

2-го и 3-го сентября были большіе двухсторонніе маневры, причемъ самъ Государь командовалъ нашимъ отрядомъ, графъ Виттъ и генералъ Герштенцвейгъ—другимъ, намъ враждебнымъ. Наша кирасирская дивизія стояла въ резервѣ на высотахъ у Кантакузовки и въ дѣйствіе не вступала. Всю ночь я съ двумя эскадронами охранялъ мостъ черезъ рѣку Бугъ у названнаго села. Этимъ маневромъ и закончился кавалерійскій сборъ подъ Вознесенскомъ.

4-го сентября Государь прощался съ нами. Всѣ безъ исключенія офицеры были собраны на правомъ флангѣ лагеря. Въ 10 часовъ подъѣхалъ Государь и благодарилъ за отличныя дѣйствія частей. Здѣсь же были объявлены награды, причемъ я былъ произведенъ въ полковники. Затѣмъ Государь простился съ нами и направился съ семействомъ и иностранными гостями въ Таганрогъ, желая показать послѣднимъ еще 50 казачьихъ полковъ. Говорятъ, что эти кавалерійскіе сборы имѣли политическую подкладку. По Европѣ разнесся слухъ, что русская конница находилась въ печальномъ состояніи, что турецкая война 1829 года и польскій мятежъ 1831 года почти уничтожили ее. Находясь во Флоренціи на балу у Орлова, я лично слыпалъ это отъ редактора «National» Armand Carrel'я. На мой вопросъ, откуда у него подобныя ложныя свѣдѣнія, онъ съ улыбкою отвѣтилъ, что всегда отлично освѣдомленъ и что разубѣдить его мнѣ не удастся. Императоръ Николай нарочно пригласилъ на свои кавалерійскіе сборы массу иностранныхъ офицеровъ всѣхъ странъ и блестяще доказалъ всю неосновательность этихъ вздорныхъ слуховъ, показавъ имъ конницу, количествомъ и качествомъ переполюявшую любую въ Европѣ. Необходимо указать, какимъ образомъ велось сложное хозяйство этого громаднаго кавалерійскаго сбора. Кромѣ наградъ, лично розданныхъ Государемъ Императоромъ, государственная казна не несла никакихъ расходовъ. Полки о своемъ довольствіи въ Вознесенскѣ не заботились. Ежедневно все требуемое доставлялось на волахъ въ части изъ огромныхъ запасовъ хлѣба и сѣна военныхъ поселеній. Постройка дворца и всѣ расходы по сбору также были уплочены изъ многомилліонныхъ суммъ военныхъ поселеній. Даже насчетъ гостей было разослано особое распоряженіе. Каждый командиръ полка долженъ былъ заботиться объ одномъ иностранцѣ, считавшемся гостемъ полка, устроить ему квартиру въ городѣ, снабдить экипажемъ и прислугою. Всѣ иностранные гости были ежедневно приглашаемы къ царскому столу. На этихъ торжествахъ герцогъ Максимиліанъ Лейхтен-

бергскій впервые познакомился съ нашею великою княжною Маріей Николаевною. Не желая въ настоящихъ запискахъ входить въ детали, какъ это мною сдѣлано въ дневникѣ, долженъ тѣмъ не менѣе отмѣтить, что на сборъ въ Вознесенскѣ собралось кавалерійскихъ, артиллерійскихъ, піонерныхъ, обозныхъ и офицерскихъ лошадей около 64.000. По отъѣздѣ Государя, его семьи и гостей, войска начали выступать въ мѣста своихъ стоянокъ. Уходили по бригадно.

12-го сентября я благополучно привелъ нашъ полкъ домой на отдыхъ въ Новую Прагу. Такъ какъ я имѣлъ теперь много времени и занятій не было, то мнѣ поручили создать въ Елизаветградѣ дворянскій клубъ, директоромъ котораго уже заранѣе меня же и назначили. Нашъ бригадный командиръ, генераль Сомовъ, холостой и не нуждавшійся въ большомъ помѣщеніи, уступилъ намъ свою квартиру. Я сейчасъ же уничтожилъ стѣну между двумя комнатами и получилъ залъ, очень удобный для танцевъ.

6-го декабря клубъ открылся великолѣпнымъ баломъ, на который мы пригласили много окрестныхъ помѣщиковъ, ихъ женъ и дочерей и городскихъ жителей. Главный контингентъ нашего общества составляли полковыя дамы и великолѣпный офицерскій корпусъ нашей кирасирской дивизіи. Первый балъ такъ понравился, что было рѣшено собираться черезъ каждыя двѣ недѣли на новый балъ. Новый годъ встрѣтили въ клубѣ.

1838 г. 11-го января, въ 8 часовъ 45 минутъ вечера, было сильное землетрясеніе. Я сидѣлъ съ генераломъ Паникутинымъ и его женою за чайнымъ столомъ, какъ вдругъ почувствовалъ два послѣдовательныхъ толчка, настолько сильныхъ, что насъ вмѣстѣ съ стульями отбросило отъ стола, посуда опрокинулась и посыпалась на полъ, штукатурка потолка и стѣны отлѣпилась и упала, покрывая насъ густымъ облакомъ пыли. Полъ качался, какъ качели. Подобныхъ сильныхъ толчковъ я не ощущалъ и въ Италіи. Было 18 градусовъ мороза. Къ счастью, всѣ дома были деревянные и все обошлось безъ крупныхъ несчастій, большинство отдѣлалось однимъ испугомъ. Придя домой, я не нашелъ ни одной вещи на своемъ мѣстѣ, картины и зеркала висѣли криво. Я сейчасъ же направился въ конюшню, чтобы посмотреть на своихъ лошадей. Несчастныя животныя дрожали отъ испуга всѣмъ тѣломъ, храпѣли и долго не могли успокоиться. Уже въ Вознесенскѣ графъ Ржевусскій выразилъ желаніе сдать полкъ и переимѣнить мѣсто служенія; графъ Виттъ согласился и предназначилъ меня въ его преемники. Меня это назначеніе однако же не устраивало, такъ какъ меня тянуло назадъ въ Петербургъ. Кнмать былъ мнѣ вреденъ, я страдалъ сильными геморoidalными болями и хотѣлъ лечиться. Поэтому я отказался принять полкъ и попросился въ годичный отпускъ. Послед-

ние три дня масляницы были вечера въ нашемъ клубѣ. По окончаніи послѣдняго, мнѣ преподнесли адресъ за подписями всѣхъ присутствовавшихъ нустную благодарность за труды по устройству клуба и вечеровъ въ продолженіе всей зимы.—Получивъ мое прошеніе объ отпускѣ, графъ Виттъ назначилъ преемникомъ графа Ржевусскаго уланскаго полковника Шель. Послѣдній былъ моложе меня въ чинѣ, и меня 2-го февраля перевели въ кирасирскій великой княгини Елены Павловны полкъ (4-й полкъ дивизіи). Получивъ приказъ, я немедленно выѣхалъ въ Новгородку и явился командиру полка, моему старому другу полковнику барону Фитингофу. Съ его разрѣшенія я прожилъ еще нѣкоторое время въ Новой Прагѣ и уже отсюда собрался ѣхать въ отпускъ.

9-го апрѣля меня ожидалъ пріятный сюрпризъ. На память о проведенныхъ вмѣстѣ часахъ наше здѣшнее общество и окрестные помѣщики преподнесли мнѣ нѣсколько хорошенекхъ серебряныхъ вещицъ. Не желая покидать юга, не увидавъ Одессы, я обратился къ корпусному командиру. Послѣдній былъ столь любезенъ, что далъ мнѣ порученіе къ графу Виттъ. 20-го мая я выѣхалъ и на слѣдующій день былъ въ Николаевѣ, гдѣ провелъ нѣсколько дней у старыхъ знакомыхъ и осматривалъ городъ.

24-го я прибылъ въ Одессу, гдѣ былъ очень любезно встрѣченъ графомъ Виттъ, выразившимъ мнѣ свое сожалѣніе, что я отказался отъ командованія кирасирскимъ принца Альберта полкомъ. Осмотрѣвъ Одессу, я собрался ѣхать на сѣверъ. Когда я откланивался графу Виттъ, разговоръ коснулся Крыма и графъ былъ пораженъ тѣмъ, что я его не зналъ. «Ce serait un pecher de quitter ces contrées, sans avoir vu la Crimée!» сказалъ онъ мнѣ и немедленно разрѣшилъ сѣздить туда.

2-го іюня я выѣхалъ на пароходѣ «Петръ Великій» и на слѣдующее утро увидѣлъ берегъ и горы Крыма, высочайшая изъ которыхъ имѣетъ болѣе 4.000 футъ вышины. Въ 8 часовъ утра миновали Херсонъ, скалы Георгіевскаго монастыря, Балаклаву, Алуку, Оріадну и т. д. и бросили якорь въ бухтѣ прелестной Ялты. Здѣсь я взялъ почтовыхъ лошадей и по великолѣпному шоссе, по чудной мѣстности, среди розовыхъ и олеандровыхъ кустовъ, прослѣдовалъ въ Алуку къ графу Воронцову. Принятый имъ и графинею очень радушно, я провелъ у нихъ нѣсколько чудныхъ дней. Въ ихъ обществѣ я объѣхалъ самыя красивыя мѣстности Крыма. Байдарскую долину, Балаклаву и Севастополь я осматривалъ одинъ, и въ Бахчисараѣ вновь присоединился къ Воронцовымъ. Во дворцѣ древнихъ хановъ была приготовлена для меня комната. Отсюда мы прослѣдовали черезъ горы въ Ялту и Массандру, тоже принадлежавшую графу, гдѣ я и провелъ нѣсколько дней. Затѣмъ я уѣхалъ въ Одессу, а оттуда въ Елизаветградъ.

22-го іюля, простившись со всѣми друзьями, уѣхалъ на сѣверъ. Проѣхавъ Черниговъ, Витебскъ и Динабургъ, я прибылъ въ Ригу 1-го августа.

Осмотрѣвъ городъ, направился въ Дерптъ, а затѣмъ въ Меддерсъ. Здѣсь я не нашелъ своихъ родителей и вслѣдъ за ними поѣхалъ въ Лиліенбахъ. Пробывъ нѣсколько дней въ семьѣ, поѣхалъ съ матерью и сестрами въ Павловскъ къ молодоженамъ Неффъ и Луизѣ. Изъ Павловска часто ѣздили въ Петербургъ.

23-го августа мы воавратились въ Меддерсъ. Здѣсь я прожилъ до 3-го ноября, часто бывая у сосѣдей и въ Ревель. 3-го отправился въ Петербургъ, гдѣ остановился у Неффа и Луизы, жившихъ въ домѣ Грефа на углу Невского и Адмиралтейской площади. 24-го ноября я явился великому князю Михаилу, очень милостиво меня принявшему и сказавшему мнѣ на прощаніе: «ну, уже теперь я тебя отсюда не отпущу». 27-го явился великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, какъ офицеръ ея полка. 11-го декабря, послѣ развода, представился Государю Императору.—Въ Петербургѣ я жилъ у своей сестры Луизы, бывшей замужемъ за извѣстнымъ художникомъ фонъ Неффомъ. Пребываніе въ ихъ квартирѣ было очень интереснымъ. Мастерскую часто посѣщали Государь, Императрица и члены Царскаго Дома. Приходили безъ всякаго предупрежденія, чтобы полюбоваться прелестными картинами и иконами, рисуемыми Неффомъ для вновь отстраивавшагося послѣ пожара Зимняго дворца. Герцогъ Лейхтенбергскій, бывшій въ то время женихомъ великой княжны Маріи Николаевны, заказалъ у Неффа свой портретъ для невесты. Для нея это должно было быть сюрпризомъ. Не имѣя возможности часто позировать, онъ попросилъ меня позировать для рисованія туловища. Одѣвшись въ его лейбъ-гусарскій мундиръ съ Андреевскою лентою черезъ плечо, я сидѣлъ въ ателье Неффа, какъ вдругъ туда вошелъ Государь и, принявъ меня въ первый моментъ за герцога, хотѣлъ поздороваться. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ засмѣялся. Другой разъ Государь вошелъ въ ателье, когда Неффъ рисовалъ «Тайную Вечерю», причемъ я позировалъ полуодѣтый для головы одного изъ апостоловъ. Картина предназначалась для маленькой церкви Зимняго дворца. Замѣтивъ меня и не позволивъ мнѣ встать и перемѣнить позу, Государь сказалъ шутя: «очень радъ, что и ты тутъ трудишься!». Еще чаще пріѣзжала смотрѣть на картины Неффа императрица. Не позволяя ему прекращать работу въ ея присутствіи, она могла часами слѣдить за его кистью. Наглядѣвшись, императрица уходила въ гостинную сестры Луизы и отдыхала тутъ въ особенно удобномъ креслѣ, поставленномъ здѣсь для этой цѣли.

1839 г. 1-го января былъ выходъ въ залахъ Императорскаго Эрмитажа. Зимній дворецъ послѣ пожара еще отстраивался. Здѣсь поздравилъ меня къ себѣ генералъ Шлиппенбахъ, директоръ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, и передалъ мнѣ желаніе великаго князя

Михаила Павловича назначить меня командиромъ эскадрона этой школы на мѣсто полковника Стунѣва, получавшаго полкъ. Предложеніе было очень лестное, но до того неожиданное, что я сразу не зналъ, на что рѣшиться. Шлиппенбахъ торопилъ меня отвѣтомъ, такъ какъ въ этотъ же день на докладъ долженъ былъ передать его великому князю. Я согласился принять эту столь отвѣтственную должность. Узнавъ, что я согласенъ, великій князь выразилъ Шлиппенбаху свое удовольствіе, сказавъ, что лучше онъ выбрать не могъ. Меня немедленно прикомандировали къ школѣ, помѣщавшейся тогда въ нынѣшнемъ дворцѣ великой княгини Маріи Николаевны.

6-го февраля моя мать пріѣхала къ сестрѣ Луизѣ, которая готовилась стать матерью. 9-го февраля я уѣхалъ въ Ревель, чтобы направить сюда всѣ свои вещи, и провелъ нѣсколько дней съ отцомъ и сестрами Софією и Эмилиєю.

23-го февраля возвратился въ Петербургъ и узналъ здѣсь, что 10-го у сестры родилась дочь Марія. Явившись великому князю и Шлиппенбаху, я перенесъ 26-го февраля въ казармы конной гвардіи къ моему другу и бывшему товарищу Ивану Балабину. Отсюда я отправлялся ежедневно въ школу, пока еще зрителемъ, чтобы ознакомиться съ обязанностями моей новой службы. Имѣя относительно много свободного времени, я прилежно работалъ надъ приведеніемъ въ порядокъ моихъ путевыхъ альбомовъ, которые свелъ въ четыре тома. Каждый изъ нихъ былъ длиною въ аршинъ и относительно широкъ; въ нихъ я вклеилъ всѣ привезенныя мною литографіи, виды, портреты и т. д., начиная съ Травемюнде, строго придерживаясь послѣдовательности въ мѣсяцахъ и дняхъ, такъ что оконченное цѣлое представляло маршрутъ и описаніе моего путешествія въ картинахъ. Всего у меня набралось 1965 изображеній. Эти альбомы вызвали восторгъ всѣхъ моихъ знакомыхъ, они просматривались съ большимъ интересомъ, для меня же, какъ память о проведенномъ за границею времени, имѣли громадную цѣнность.

25-го марта я присутствовалъ на праздникъ конной гвардіи. Государь, по своему обыкновенію, обошелъ казармы и конюшни полка. Отдѣлка Зимняго дворца была окончена и въ праздникъ св. Пасхи всѣ залы открылись для приглашенныхъ. Послѣ заутрени подходили съ поздравленіемъ къ Государю и Императрицѣ, послѣ чего разговлялись во дворцѣ (было болѣе 3.000 чело-вѣкъ). Генералъ Клейнмихель, строитель Зимняго дворца, былъ возведенъ въ графское достоинство, всѣ, кто участвовалъ въ отдѣлкѣ дворца, получили серебряную медаль на голубой лентѣ, особо отчеканенную для этого случая. Неффъ, какъ художникъ, нарисовавшій иконы для церкви, также получилъ ту же медаль. Въ эту зиму я участвовалъ на всѣхъ балахъ при Дворѣ и въ большомъ свѣтѣ. На дворцовыхъ вечерахъ императрица всегда очень милостиво разговаривала со мною.

22-го іюня кадетскіе корпуса, а съ ними и наша школа, перешли въ лагерь въ Петергофъ. На слѣдующій день и я послѣдовалъ за ними и занялъ назначенную мнѣ палатку.

25-го въ день рожденія Государя я присутствовалъ на большомъ обѣдѣ, но послѣ него пришлось покинуть Петергофъ и переѣхать въ городъ, такъ какъ уже нѣкоторое время я чувствовалъ себя больнымъ. Это же недомоганіе помѣшало мнѣ присутствовать на бракосочетаніи великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ и на всѣхъ празднествахъ, назначенныхъ по этому случаю.

8-го іюля я вернулся въ лагерь, но по приказанію врача не могъ жить въ палаткѣ и поэтому нанялъ себѣ нѣсколько комнатъ на дачѣ напротивъ лагеря. Императрица не забыла меня, несмотря на много лѣтъ отсутствія, и приглашала на свои малые вечера, изъ которыхъ мнѣ особенно памятенъ балъ въ Монплеизрѣ 24-го іюля съ иллюминаціею и ужиномъ.

27-го, въ день рожденія великаго князя Николая Николаевича, въ честь его въ лагерь военно-учебныхъ заведеній былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ, по обыкновенію кончившійся букетомъ изъ 10,000 ракетъ. При этомъ случилось несчастье. Молодому крестьянину, любовавшемуся фейерверкомъ, стержень ракеты, падавшій съ большой высоты, упалъ на голову съ такою силою, что, пробивъ фуражку, проникъ черезъ черепъ въ мозгъ на нѣсколько дюймовъ. Несчастный, не крикнувъ, повалился замертво. Полковникъ Александръ Гельмерсенъ подскочилъ къ нему и осторожно вынулъ стержень. Спассти его не было никакой возможности, такъ какъ смерть наступила мгновенно. Грустно было смотрѣть на этого красиваго молодого человѣка, погибшаго въ цвѣтъ лѣтъ и лежавшаго передъ нами съ открытыми глазами и улыбавшимся лицомъ.—Болѣзнь, мучившая меня въ продолженіе всего лѣта, вдругъ прошла, послѣ того какъ изъ меня вышелъ солитеръ въ четыре или пять дюймовъ. Остатокъ лагернаго времени я провелъ очень пріятно, часто посѣщая музыку и навѣщая моихъ друзей на дачахъ въ Петергофѣ и его окрестностяхъ. Часто игралъ въ четыре руки на фортепьянахъ съ молодою княжною Енгальчевою.

8-го августа корпуса перешли въ Петербургъ, наша же школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ отправилась прямо въ новыя казармы на Намайловскомъ плацу. Прежнее помѣщеніе было отдано великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ и перестраивалось на дворецъ.

14-го сентября я присутствовалъ при поднятіи креста на куполъ Псаа-кѣвскаго собора, что было исполнено съ большою торжественностью. При частыхъ отлучкахъ полковника Стунѣева, я вступалъ въ командованіе эскадронномъ и поэтому постоянное присутствіе въ школѣ сдѣлалось необходимымъ. 3-го октября я перебрался въ новую квартиру въ помѣщеніяхъ школы. 10-го ноября Государь впервые осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ новое

помѣщеніе школы. Конецъ года прошелъ въ службѣ, визитахъ, обѣдахъ и балахъ. Очень часто я посѣщалъ музыкальные вечера графини Мамоновой, гдѣ собирались артисты со всего міра. Здѣсь меня особенно увлекалъ своею дивною игрою на виолончели знаменитый Серва.

1840 г. Полковникъ Стунѣевъ былъ представленъ къ командованію полкомъ и 10-го февраля я принялъ эскадронъ школы. 28-го офицеры эскадрона чествовали своего уходящаго командира прощальнымъ обѣдомъ. 6-го марта онъ отбылъ въ свой Псковской кирасирскій полкъ. Въ тотъ же день я переѣхалъ въ освободившуюся квартиру. 8-го марта состоялся Высочайшій приказъ о переводѣ меня полковникомъ въ л.-гв. Конный полкъ съ утвержденіемъ командиромъ эскадрона школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Такъ исполнилось мое желаніе вновь вернуться въ любимый мною Конный полкъ. Форму его однакоже одѣть болѣе не пришлось, такъ какъ я въ тотъ же день переодѣлся въ школьную форму.

17-го апрѣля былъ большой выходъ при Дворѣ по случаю крестинъ великой княжны Александры Максимиліановны, старшей дочери великой княгини Маріи Николаевны. При этомъ случаѣ я познакомился съ фрейлиною Ея Величества баронессою Александрою фонъ Дризенъ. Это была дочь генералъ-лейтенанта барона Дризена, бывшаго командира Муромскаго пѣхотнаго полка, потерявшаго ногу въ сраженіи при Бородинѣ и вынужденнаго ходить на костыляхъ, и его первой жены, рожденной Айкенсъ, дочери англійскаго консула въ Ригѣ. Съ генераломъ и его супругою, умершею въ Ревелѣ отъ родовъ въ 1826 году, я былъ знакомъ, будучи еще молодымъ конно-гвардейскимъ офицеромъ. Въ прошлую осень (1839) генералъ былъ переведенъ изъ Риги, гдѣ былъ комендантомъ, въ Петербургъ и назначенъ казначеемъ Капитула Императорскихъ русскіихъ орденовъ. Его сынъ Александръ незадолго передъ тѣмъ поступилъ юнкеромъ въ мой эскадронъ¹⁾. Дочь Александра родилась въ 1819-мъ году и была крестницею императрицы. Она была самою красивою изъ фрейлинъ Двора и безусловно одною изъ красивѣйшихъ женщинъ, которыхъ я когда либо встрѣчалъ. Съ этого дня я очень часто бывалъ въ домѣ генерала Дризена. Онъ женился въ Ригѣ вторично и жилъ съ женою, тремя дочерьми, Александрою, Марією и Еленою, и двумя сыновьями, Фридрихомъ и Александромъ, въ Петербургѣ. Впослѣдствіи выяснится, отчего я такъ детально описалъ эту семью.

Ранѣе чѣмъ сдать свои картины во дворецъ, мой шуринъ Неффъ выставилъ нѣсколько картинъ въ моей квартирѣ, довольно обширной

¹⁾ Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и командиръ 2-го армейскаго корпуса.

и довольно необставленной. Выставку эту посѣщало очень много людей, и въ одинъ хорошій или, вѣрнѣе, плохой день, я замѣтилъ, что мои чудные золотые часы, стоившіе пятьсотъ рублей, пропали. Подозрѣніе въ воровствѣ пало на жену нашего врача, пришедшую сюда съ генеральшею Шлиппенбахъ и почему-то пожелавшею осмотрѣть всѣ комнаты моей квартиры. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ той же квартиры у госпожи Стунѣвой было украдено кольцо съ великолѣпнымъ брильянтомъ и тогда всѣ были убѣждены въ ея виновности.

22-го іюня эскадронъ перешелъ въ лагерь въ Петергофъ. Государь, по своему обыкновенію, встрѣтилъ корпуса при вѣздѣ. Лѣто было очень дождливое и поэтому уже 25-го іюля лагерь кончился и мы возвратились въ Петербургъ.

7-го августа я купилъ въ инструментальномъ магазинѣ Шульцъ—фортепьяно, которое по сей день находится у насъ въ Меддерсѣ, и заказалъ у художника Шлейфъ напѣть гербъ на стеклѣ.

11-го августа случилось большое несчастье на Царскосельской желѣзной дорогѣ. Ночью столкнулись два поѣзда и при крушеніи шесть человѣкъ было убито и шестьдесятъ тяжело ранено. Въ числѣ послѣднихъ была и моя сестра Наталія Штакельбергъ, опасно раненая въ грудь, спину и руки осколками досокъ и стекла. Сосѣдъ ея съ правой стороны, нѣкто докторъ Меѣръ, былъ убитъ на мѣстѣ, сосѣдъ ея слѣва, ея сынъ Карлъ, остался нетронутымъ.

21-го на поворотѣ опрокинулись извозничьи дрожки, въ которыхъ я ѣхалъ, и я былъ сброшенъ на мостовую съ такою силою, что серьезно повредилъ себѣ лѣвый бокъ и глазъ. Нѣсколько дней пришлось сидѣть дома и лечиться.

8-го сентября состоялся торжественный вѣздъ невесты нашего Наслѣдника Цесаревича, принцессы Дармштадтской. Въ этотъ день дежурною фрейлиною была баронесса Александра Дризенъ, встрѣтившая принцессу на подѣздѣ Зимняго дворца. Начиная отъ Московской заставы вплоть до Зимняго дворца по обѣимъ сторонамъ улицъ были раставлены полки императорской гвардіи. Два вечера подрядъ городъ былъ великолѣпно иллюминированъ.—Квартира моя ремонтировалась и наконецъ была готова. Первымъ дѣломъ я перевезъ въ нее свои чудныя тропическія растенія, хранившіяся въ продолженіе моего отсутствія за границею въ дружественной мнѣ семьѣ Бухмейера. Особенно замѣчательно было пизанговое дерево (*Musa paradisiaca*), очень рѣдко выносящее комнатный воздухъ. Наплывъ публики, любовавшейся картинами моего шурина Неффа, все не уменьшался; когда же онъ выставилъ новую картину, представлявшую двухъ великихъ князей Марію и Ольгу на балконѣ, то отъ зрителей не было отбоя. Особенно интересовалась картинами англійская колонія. На моей квартирѣ Неффъ доканчивалъ огромную картину,

портретъ императрицы во весь ростъ на тронѣ въ полномъ облаченіи, предназначенную Государемъ для королевы Викторіи въ отвѣтъ на подаренный ею свой портретъ. Я присутствовалъ при томъ, какъ эту картину вносили въ Петергофскій дворецъ. Вмѣстѣ съ нею прибыли пятнадцать большихъ черепахъ, каждая величиною не менѣе аршина. При мнѣ онѣ были помѣщены въ бассейнъ верхняго сада, гдѣ плавали въ продолженіе всего лѣта и привлекали массу любопытныхъ. Выставка Неффовскихъ картинъ на моей квартирѣ и особенно его работа надъ портретомъ Государыни доставляли мнѣ много хлопотъ. Для отдѣлки костюма и украшеній на портретѣ императрицы изъ дворца было прислано шитое золотомъ платье, великолѣпное ожерелье и другія драгоценности, отвѣтственность за цѣлость которыхъ всецѣло лежала на Неффѣ и мнѣ. Послѣ кражи моихъ часовъ я не могъ быть спокойнымъ и былъ очень доволенъ, когда Неффъ сдалъ всѣ драгоценности обратно во дворецъ. Случалось, что послѣдній уходилъ изъ дома и въ то же время усылся куда нибудь нашъ единственный человѣкъ. Я же былъ обязанъ присутствовать въ опредѣленные часы въ манежѣ на ѣздѣ моихъ юнкеровъ. Не желая оставить безъ надзора брильянты императрицы, я не видѣлъ другого выхода, какъ, наполняя ими свои карманы, нагрузивъ себя почти миллионнымъ состояніемъ, производить затѣмъ мои занятія въ манежѣ ¹⁾. Юнкера поступали въ школу четырнадцати лѣтъ, и теперь, въ 1840 году, имъ уже минуло шестнадцать. Хотя отъ нихъ пока требовалась только пѣшая выправка, но многіе изъ нихъ, особенно учившіеся ѣздить верхомъ дома, ѣздили очень порядочно. Желая ихъ приучить, я бралъ лучшихъ ѣздоковъ на репетиціи ординарческой ѣзды кавалергардовъ и Коннаго полка и исподволь подготавливалъ ихъ для этого дѣла.

10-го ноября я представилъ великому князю Михаилу въ его кабинетѣ моихъ пѣшихъ ординарцевъ. Оставшись ими очень доволенъ, онъ спросилъ меня полушутя: «когда ты думаешь показать мнѣ этихъ молодцовъ въ конномъ строю?» На мой отвѣтъ, что я готовъ послать ихъ на разводъ хотъ въ слѣдующее воскресенье, великій князь посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и сердито промолвилъ: «ну, ну, не хвастайся, еще посмотримъ, что изъ этого выйдетъ!» Какъ извѣстно, по воскресеньямъ, послѣ парада, къ Государю подходили и подѣзжали ординарцы, которые должны были шегольнуть своимъ искусствомъ въ верховой ѣздѣ и ружейныхъ приѣмахъ. Людей, которыхъ съ спокойнымъ сердцемъ можно было отправлять на эти высшія испытанія, въ

¹⁾ Въ числѣ вещей, присланныхъ изъ дворца, находилось и нѣсколько локоновъ императрицы. Когда картина была окончена, гофъ-фурьеръ или камердинеръ императрицы забралъ всѣ присланные вещи, локоны же забылъ захватить. Я нашелъ ихъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, и такъ какъ никто ихъ обратно не требовалъ, сохранилъ ихъ на память. Онѣ находятся въ архивѣ бароновъ Каульбарсъ.

эскадронахъ гвардейскихъ полковъ было очень не много, человѣка два, три; поэтому мое предложеніе и удивило великаго князя.

17-го ноября, въ слѣдующее воскресенье, мои ординарцы были вытребованы на разводъ. Я назначилъ юнкеровъ графа Стенбокъ-Фермора и барона Торнау. Государь Императоръ былъ очень доволенъ ихъ выправкою, ѣздою и лихостью, великій князь Михаилъ, не ожидавшій такихъ блестящихъ результатовъ, въ восторгѣ сказалъ намъ много комплиментовъ. Послѣ этого мои юнкера принимали участіе во всѣхъ разводахъ и всегда ѣздили отлично, такъ что каждый разъ удостоивались похвалы Государя Императора.

5-го декабря было совершено миропомазаніе и присоединеніе къ православію принцессы Маріи Дармштадтской, а 6-го ея обрученіе съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

7-го всѣ офицеры гвардейскаго корпуса приносили поздравленія Ихъ Высочествамъ. И этотъ годъ я выѣзжалъ очень много, часто бывалъ на объѣздахъ и балахъ. Особенно я любилъ бывать въ домѣ генерала барона Дризена.

1841 г. Въ послѣднемъ году я столько разъ упоминалъ о семьѣ генерала Дризена, что, вѣроятно, всѣ уже замѣтили, кто меня туда притягивалъ.

25-го февраля я обручился съ баронессою Александрою Дризенъ. Такъ какъ она была фрейлиною императрицы, то должна была испросить разрѣшенія Ея Величества на бракъ. До этого времени мы держали наше обрученіе въ тайнѣ. Конечно, съ этого дня я проводилъ все свободное отъ службы время въ домѣ моей невѣсты.

16-го марта на разводѣ я представилъ мою десятую пару ординарцевъ, которая, какъ и всѣ предыдущія, исполняла великолепно все, что требовалось. Государь былъ очень доволенъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ зорко слѣдилъ за каждымъ отдѣльнымъ движеніемъ юнкеровъ. Когда они кончили, онъ вдругъ взялъ меня подъ-руку, отвелъ въ глубину манежа и, ходя со мною взадъ и впередъ, сказалъ: «теперь я долженъ тебѣ отдать справедливость, ты не хвастался зря, эскадронъ поставленъ именно на ту ногу, какъ я всегда этого желалъ!» Затѣмъ, подведя меня къ генераламъ и офицерамъ, стоявшимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Государя, продолжалъ: «обратите вниманіе, дѣти дѣлаютъ свое дѣло даже лучше старыхъ ординарцевъ кавалергардовъ и конно-гвардейцевъ» и, обратясь къ директору школы генералу Шлиппенбаху, сказалъ: «кавалерійскіе юнкера далеко перещеголяли пѣхотныхъ». Послѣ развода, какъ всегда, собрались у великаго князя и Государь хвалилъ или указывалъ на ошибки, замѣченныя имъ на парадѣ. Когда очередь дошла до меня, онъ сказалъ мнѣ слова, дорогія и памятные на всю жизнь: «сегодня юнкера опять ѣздили превосходно, все, обмундировка, сѣд-

ловка, посадка, выѣздка лошадей, однимъ словомъ все было отлично; помню, какъ во время польскаго мятежа ты мнѣ вышколилъ дивизіонъ Конной гвардіи и представилъ въ короткій промежутокъ времени въ такомъ блестящемъ видѣ, что сейчасъ еще благодарю тебя за это». Я былъ тронутъ до глубины души этими милостивыми словами Государя, тѣмъ болѣе, что съ того времени, о которомъ онъ упомянулъ, миновало уже одиннадцать лѣтъ. Отпуская меня, онъ прибавилъ: «слышалъ, ты хочешь жениться, ну и сумѣлъ же ты выбрать себѣ прелестную невѣсту».

6-го апрѣля на площади между дворцомъ и Адмиралтействомъ былъ разводъ. Мои юнкера ѣздили отлично. Великій князь Михаилъ Павловичъ, замѣтивъ между зрителями мою невѣсту, подошелъ къ ней и сказалъ: «Je ne puis que vous féliciter du zèle de votre fiancé, c'est véritablement étonnant, ce qu'il a fait de ces garçons».

16-го апрѣля праздновалось бракосочетаніе Наслѣдника Цесаревича, а вечеромъ былъ bal-paré въ Георгіевскомъ залѣ. Моя невѣста была въ этотъ день дежурною фрейлиною при Государынѣ Императрицѣ, и послѣдняя назначила ей въ награду за службу и въ память этого дня 1.500 рублей ассигнаціями изъ своей шкатулки.

23-го апрѣля на большомъ балу у Наслѣдника Цесаревича, на который были позваны моя невѣста и я, я встрѣтился съ принцессою Матильдою де-Монфоръ, вышедшею замужъ за Демидова. Мы танцевали нѣсколько танцевъ вмѣстѣ и вспоминали прелестную Флоренцію и вечера у ея отца, на которыхъ ей разрешалось танцевать со мною первую кадрили. Красивое лицо и великолѣпный цвѣтъ лица принцессы не измѣнились, но, къ сожалѣнію, она только очень пополнила.

29-го на майскій парадъ я вывелъ одинъ взводъ въ пятнадцать рядовъ съ унтеръ-офицерами, всего 33 человека. Всѣ три прохожденія удостоились Царскаго спасибо.

Въ моей квартирѣ кипѣла работа, надо было все приготовить для свадьбы. Мнѣ удалось сравнительно недорого купить великолѣпную мебель у уѣзжавшаго англійскаго посла, работы извѣстнаго мастера Гамбса. Наша свадьба была назначена на осень, послѣ окончанія лагеря. 20-го іюня перешли въ Петергофъ. 5-го іюля я наблюдалъ съ парохода за смотромъ и маневрами флота, произведенными Государемъ на Кронштадтскомъ рейдѣ. Въ первой линіи стояло 18 линейныхъ кораблей, во второй и третьей фрегаты, корветы и другія суда. 27-го я получилъ прелестный подарокъ: по почтѣ мнѣ доставили чудныя фарфоровыя чашки, присланныя мнѣ г-жею Багрѣевою, рожденною Сперанскою (дочь знаменитаго Сперанскаго).

15-го августа возвратились изъ лагеря.

16-го августа праздновалась моя свадьба. Вѣнчаніе происходило въ англиканской церкви на Англійской набережной, такъ какъ невѣста моя принадлежала церкви своей матери, англичанки; вѣнчалъ насъ пасторъ Лау (Law). Посаженымъ отцомъ былъ генераль-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, посаженною матерью баронесса Крюденеръ, рожденная графиня Лерхенфельдъ. Постѣдніе находились въ Петергофѣ и посѣли только благодаря любезности Государя, разрѣшившаго имъ воспользоваться казеннымъ пароходомъ «Ладога», доставившимъ ихъ прямо въ церковь на набережной. Съ моей стороны были генераль Оттонъ фонъ-Эссенъ, командиръ конной гвардіи, и баронесса Софія Дризенъ, рожденная графиня Ламсдорфъ. Шаферами были—со стороны невѣсты баронъ Александръ фонъ-деръ-Паленъ, впоследствии эстляндскій предводитель дворянства, и баронъ Германъ Гюне, оба офицеры Конной гвардіи; съ моей стороны—мой двоюродный братъ графъ Эмануэль Сиверсъ, камеръ-юнкеръ, и мой племянникъ баронъ Карлъ Штакельбергъ, офицеръ Конной гвардіи. Постѣ вѣнчанія всѣ собрались въ нашей квартирѣ. Великій князь Михаилъ разрѣшилъ мнѣ отпускъ на 28 дней, и я уѣхалъ съ молодою женою въ Лиліенбахъ къ сестрѣ Наталіи Штакельбергъ. Сюда пріѣхали и родители, и братъ Карлъ, бывшій тогда въ Гельсингфорсѣ.

23-го поѣхали въ Меддерсъ. Родители выѣхали заранѣе и устроили намъ торжественную встрѣчу. 3-го сентября отправились въ Ревель, гдѣ представились всей роднѣ, затѣмъ въ Гельсингфорсѣ посѣтили кузена Эрнста Каульбарса и его жену, рожденную баронессу Веліо. 16-го числа возвратились въ Петербургъ¹⁾. Осень въ служебномъ отношеніи прошла великолепно, мои юнкера всегда ѣздили отлично.

9-го ноября юнкера князья Багратионъ и Волконскій ѣздили такъ хорошо, что великій князь отпустилъ ихъ тутъ же въ отпускъ на три дня и, показывая на меня, сказалъ присутствовавшимъ: «вотъ тотъ, кому я долженъ быть благодарнымъ, что все идетъ такъ великолепно!» Къ сожалѣнію, дома не все было такъ благополучно, такъ какъ жена моя сильно захворала и только къ 1 ноября немного поправилась.

1842 г. Начало года для меня ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалось.

6-го мая мнѣ удалось вывести на майскій парадъ цѣлый полуэскадронъ. При каждомъ прохожденіи мы удостоивались Царскаго «спасибо». На слѣдующій день всѣ командиры отдѣльных частей собрались у великаго князя, гдѣ разбирался вчерашній парадъ. Великій князь былъ въ восторгѣ отъ про-

¹⁾ Отъ стр. 56 до стр. 59 разбираются личные счета бар. В. Р. Каульбарса съ тестемъ, интереса не представляющіе. Е. К.

хожденія моихъ юнкеровъ и по счету генерала Шлиппенбаха поцѣловаль меня 17 разъ.

8-го мая прошелъ мѣсяцъ со дня посѣщенія моею женою Государыни Императрицы и просьбы ея быть воспріемницею будущаго нашего ребенка, какъ вдругъ доложили намъ о приходѣ дворцового лакея въ красной ливрѣ. Когда онъ вошелъ, то передалъ женѣ небольшой пакетъ со словами: «г-жѣ полковницѣ отъ Ея Величества». Въ пакетѣ оказались 2000 рублей ассигнаціями и собственноручное письмо императрицы съ наилучшими пожеланіями для будущаго и просьбою употребить прилагаемые деньги на покупку чепчиковъ для ожидаемаго ребенка. Это новое доказательство сердечной доброты Государыни растрогало насъ до слезъ.

22-го мая родился нашъ первый сынъ Николай.

20-го іюня эскадронъ перешелъ въ лагерь, я же былъ принужденъ подать рапортъ о болѣзни и остаться въ Петербургѣ, такъ какъ отъ простуды сильно заболѣли зубы и все лицо вспухло. Какъ только наступило небольшое облегченіе, я поѣхалъ въ Петергофъ, но не на долго, такъ какъ опухоль возобновилась и мнѣ пришлось вновь рапортоваться больнымъ и сидѣть въ Петербургѣ. Вѣроятно, было такое повѣтріе, такъ какъ много людей переболѣло въ это лѣто тою же болѣзнію. Государь былъ тоже боленъ.

8-го августа эскадронъ возвратился въ Петербургъ и состоялось производство въ офицеры. Такъ какъ это былъ первый при мнѣ выпускъ, и юнкера всегда отличались на разводахъ, то не могу отказать себѣ въ удовольствіи вспомнить ихъ при выпускѣ и перечислить. Вышли—графъ Стенбокъ-Ферморъ въ Конную гвардію, Гурко, баронъ Торнау, князь Багратионъ и Фроловъ—Багрѣвъ въ л.-гв. Кирасирскій полкъ (Царское Село), Крыловъ—въ Конно-Гренадерскій, Лихардовъ въ лейбъ-Уланскій, князь Волконскій, Абаза, Свѣчинъ, Фурманъ, Хитрово и Татищевъ въ лейбъ-Гусарскій, Кривцовъ въ л.-гв. Уланскій великаго князя Михаила, Казнаковъ (мой первый вахмистръ), Леоновъ, Приклонскій, Збороміевскій, Дьяковъ, Глѣбовъ и Балашовъ въ Гродненскій гусарскій, Федоровъ и Масловъ въ лейбъ-Кирасирскій Наслѣдника Цесаревича полкъ (Гатчино), Вонляряевскій въ гусарскій Великаго Князя Михаила полкъ и Юматовъ въ гусарскій короля Шведландскаго полкъ.

23-го сентября крестили нашего сына. Назвали его Николай-Рейнгольдъ-Фридрихъ. Воспріемникомъ былъ императоръ Николай I, подарившій по этому случаю моей женѣ пару великолѣпныхъ брилліантовыхъ серегъ.

Послѣдній балъ въ Екатеринентаѣ.
По рис. 1825 г. Изъ собр. бар. Е. К. Каульбарса.

1. Кн. П. А. Вяземскій.	6. Губернаторъ, ген. баронъ Будбергъ.
2. австрійскій посолъ баронъ Лебедельтернъ.	7. Вице-губернаторъ, г. Левенштернъ.
3. Бахметевъ.	8. Г-жа Левенштернъ.
4. повидимому гр. Шереметевъ.	9. повидимому отст. полк. Барановъ.
5. голландскій посланникъ.	

1843 г. 15-го января. Наша школа состояла до сихъ поръ въ вѣдѣніи гвардейскаго штаба, съ этого же дни была переведена въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній, и мы поступили подъ начальство генерала Ростовцова. Начальникомъ этого вѣдомства былъ великій князь Михаилъ Павловичъ.

25-го былъ большой балъ въ Патріотическомъ обществѣ, который Государь и Императрица освятили своимъ присутствіемъ.

28-го. Жена и я были на балу въ Концертномъ залѣ. Императрица и великая княжна Ольга были очень милостивы къ намъ и долго говорили съ женою. 11-го апрѣля нашъ директоръ генераль Шлиппенбахъ былъ назначенъ директоромъ 1 кадетскаго корпуса, а его мѣсто у насъ занялъ полковникъ Сутгофъ, принявшій командованіе 20-го числа. 24-го офицеры школы чествовали своего уходившаго начальника обѣдомъ. 5-го мая семья моего тестя уѣхала къ его брату отставному генералу барону Вильгельму Дризену, жившему вблизи Новомиргорода въ своемъ имѣніи Красноселкѣ. Жена его

была рожденная Красовская. 22-го мая былъ майскій парадъ; и на этотъ разъ юнкера прошли отлично; Государь крикнулъ имъ: «Славно, господа, славно!» 16-го іюня жена съ сыномъ уѣхали къ моимъ родителямъ въ Меддерсъ. 20-го я перешелъ съ эскадрономъ въ лагерь.

1-го іюля великая княжна Александра была объявлена невѣстою принца Гессенъ-Кассельскаго. Петергофъ по этому случаю былъ великолѣпно иллюминованъ.

15-го іюля Государь проѣхалъ черезъ кадетскій лагерь; замѣтивъ меня, онъ остановился и высказалъ мнѣ свое удовольствіе исправкою и поведеніемъ моихъ юнкеровъ. 31-го іюля совершенно неожиданно для насъ пришло приказаніе идти въ Ропшу и принять участіе въ большихъ маневрахъ гвардіи. Но непрерывный дождь помѣшалъ этому и маневры не состоялись. 2-го августа мы выступили изъ Ропши и, не заглядывая въ лагерь въ Петергофъ, прямо черезъ Стрѣльну возвратились въ Петербургъ. На слѣдующій день состоялось производство въ офицеры. Мой шуринъ баронъ Александръ Дризенгъ былъ произведенъ въ корнеты въ л.-гв. Кирасирскій Его Величества полкъ. Послѣ производства я взялъ отпускъ и поѣхалъ къ 10 числу, дню рожденія моего отца, въ Меддерсъ. Меня сопровождалъ художникъ Георгій Мейеръ, только что съ медалью выпущенный изъ академіи.

5-го сентября я возвратился въ Петербургъ и приступилъ къ занятіямъ въ эскадронѣ. Художникъ Георгій Мейеръ сопровождалъ извѣстному путешественнику по Алтаю Чихачеву и нарисовалъ много картинъ, изображающихъ эту дикую горную мѣстность. Восемь изъ этихъ картинъ принадлежали прусскому королю, одну по моему заказу онъ нарисовалъ мнѣ. Уже болѣе полугода послѣдняя украшала мою стѣну, какъ вдругъ Мейеръ попросилъ меня отдать ее временно на выставку его картинъ, устраиваемую имъ въ Академіи Художествъ. Конечно, я не могъ отказать въ этой просьбѣ и отдалъ картину. Вдругъ я получаю письмо отъ секретаря Академіи, профессора Григоровича, съ извѣщеніемъ, что моя картина, выставленная безъ отмѣтки о принадлежности мнѣ, выбрана Государемъ въ числѣ другихъ, и князю Волконскому приказано отправить ихъ въ Его кабинетъ. Какъ у Григоровича, такъ и у Мейера не хватило гражданскаго мужества сказать Государю, что картина эта не продажная. Въмѣсто нея Мейеръ обѣщалъ мнѣ нарисовать копію съ нея, но уѣхалъ въ Римъ и обѣщанія не исполнилъ. Государь заплатилъ Мейеру двѣ тысячи рублей ассигнаціями за выбранныя въ академіи картины. Такимъ образомъ, благодаря небрежности профессора Григоровича и Мейера, я лишился чудной картины.

6-го декабря я получилъ св. Станислава 2-й ст.

8-го мы получили извѣщеніе, что моя младшая сестра Эмилиа объявлена невѣстою нашего сосѣда по имѣнію, отставного полковника артиллеріи Карла

фонъ-Эссенъ-Куркюль. Оставивъ сына у тестя, жена и я поѣхали въ Меддерсъ, чтобы присутствовать на празднованіи золотой свадьбы родителей.

1844 г. Въ приготовленіяхъ къ этому торжеству прошли дни и 6-го января мы отпраздновали этотъ великій для насъ всѣхъ день. Кромѣ родныхъ пріѣхало еще 80 человѣкъ соседей. Такъ какъ я взялъ на себя устройство ихъ помѣщеній, то я насчиталъ при нихъ 54 человѣка прислуги и 140 лошадей. Былъ сильный морозъ съ вьюгою, помѣшавшій многимъ желающимъ прибыть въ Меддерсъ. Вечеръ начался лоттереею въ пользу школы для дѣвочекъ, основанной моею матерью и барономъ Толль-Куккерсъ, а закончился баломъ и ужиномъ съ шампанскимъ. Большинство гостей не могло развѣхаться по случаю стужи и вьюги и мы съ большимъ трудомъ и довольно неудобно, однакоже, все-таки размѣстили эту массу людей.

10-го января мы возвратились въ Петербургъ.

16-го было вѣчаніе великой княжны Александры и вечеромъ большой балъ въ Георгіевскомъ залѣ. 19-го было вѣчаніе великой княжны Елизаветы Михайловны съ герцогомъ Нассаускимъ и большой балъ въ томъ же Георгіевскомъ залѣ. 2-го февраля былъ великолѣпный bal-masqué у великаго князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны. Особенно интересно было шествіе костюмовъ изъ Оберона, затѣмъ живыя картины, костюмированные кадрили, итальянская опера (Cisseventola) и въ концѣ великолѣпно сервированный ужинъ на парадной лѣстницѣ. По службѣ все шло отлично. Государь все время былъ доволенъ успѣхами моихъ юнкеровъ. 11-го мая родился нашъ второй сынъ Александръ. Восприемникомъ его былъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, подарившій моей женѣ великолѣпный брилліантовый фермоаръ, стоимостью въ 500 рублей серебромъ. Ко времени выступленія въ лагерь, мое здоровье настолько разстроилось, что пришлось просить отпускъ и уѣхать въ Меддерсъ. 23-го іюля пробствъ Гершельманъ изъ прихода Якоби, когда-то крестившій меня, совершилъ это таинство и надѣл моимъ сыномъ. Назвали его Александромъ-Вильгельмомъ-Андреемъ. Затѣмъ я уѣхалъ въ Ревель, дабы пользоваться морскими ваннами. Къ 10-му августа, рожденію отца, я вернулся въ Меддерсъ, откуда часто навѣщалъ сестру Эмилию, жившую въ имѣніи Куркюль. Возвратившись въ Петербургъ, я передалъ великому князю мое желаніе командовать полкомъ и онъ предназначилъ меня командиромъ имени своего гусарскаго полка. Однакоже, это назначеніе не состоялось. Очень лестно отозвавшись обо мнѣ, Государь сказалъ великому князю, что желаетъ еще на нѣкоторое время удержать меня въ школѣ, такъ какъ отъменно доволенъ блестящими успѣхами юнкеровъ, что всецѣло приписываетъ моей работѣ. Съ представленіемъ о полкѣ приказалъ великому князю

обратиться къ нему вторично черезъ нѣкоторое время. Отвѣтъ этотъ былъ мнѣ переданъ черезъ генерала Ростовцова и, конечно, желаніе Государя было исполнено. Я пересталъ и думать о командованіи полкомъ и еще ревностнѣе принялся за службу въ эскадронѣ.

1-го декабря великій князь Михаилъ Павловичъ приказалъ генералу Ростовцову лично заѣхать ко мнѣ и передать отъ его имени, что онъ очень сожалѣетъ, что не можетъ назначить меня командиромъ своего освободившагося гусарскаго полка, но вполне раздѣляетъ желаніе Государя удержать меня при школѣ и очень радъ, что я такъ охотно исполнилъ это желаніе. Остатокъ года не принесъ мнѣ ничего интереснаго.

1845. Первая половина года прошла тоже безъ особыхъ происшествій.

17-го марта мой тестъ былъ произведенъ въ генералъ-отъ инфантерій. Въ эскадронѣ и дома все шло хорошо. Въ этомъ году молодые великіе князья Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи начали обучаться ѣздѣ верхомъ подъ моею командою, и я подготовлялъ ихъ къ участию въ ренетціяхъ по ѣздѣ ординарцевъ. Впослѣдствіи, встрѣчая меня на праздникахъ Конной гвардіи и Георгіевскомъ, великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи каждый разъ вспоминали объ этомъ времени.

19-го апрѣля моя жена, выходя съ визита у графини Барановой, встрѣтила Государя Императора, который протянулъ ей обѣ руки и долго мило-стивно разговаривалъ съ нею. 22-го Государь былъ особенно доволенъ ѣздою и выправкою моихъ молодцовъ-юнкеровъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Чести и слава тебѣ!» 2-го мая былъ майскій парадъ. 18-го іюня жена переехала съ дѣтьми въ Меддерсъ, я же 20-го выступилъ съ эскадрономъ въ лагерь. Изъ-томъ пришлось присутствовать на великолѣпномъ зрѣлищѣ — смотру флота въ Кронштадтѣ и при освященіи форта «Александръ». 11-го августа вернулись въ Петербургъ. На слѣдующій день было произведено въ офицеры 22 юнкера. 14-го я уѣхалъ въ Меддерсъ, гдѣ, кромѣ своихъ, встрѣтилъ и тестя Дризента съ дочерьми Марією и Еленою. Здѣсь оставался до 21-го и возвратился въ Петербургъ съ семейю. Какъ разъ поспѣлъ къ присягѣ молодыхъ офицеровъ, раздачѣ наградъ и большому обѣду вновь произведенныхъ.

6-го декабря былъ большой балъ у Наслѣдника Цесаревича, балъ, съ котораго жена и я вернулись домой послѣ четырехъ часовъ утра.

1846. 19-го января я получилъ орденъ Св. Анны 2-й ст.

20-го число было торжествомъ для нашего эскадрона. Ординарцы изъ юнкеровъ ѣздили такъ хорошо, что Государь поставилъ ихъ «всѣмъ въ образецъ». Вечеромъ этого дня пришло извѣстіе о кончинѣ бабушки жены въ Антверпелѣ. 2-го февраля мнѣ сообщили, что мой отецъ серьезно заболѣлъ и

уже 4-го пришло извѣстіе о его смерти 30 января. И сейчасъ же уѣхалъ въ Ревель. Здѣсь я нашелъ свою сестру Эмилию и ея мужа, которые помогали матери во всѣхъ дѣлахъ. Въ Ревелѣ я пробылъ до 9-го марта и возвратился въ Петербургъ. По дорогѣ остановился въ нашемъ другомъ имѣніи Рагга-феръ и въ родовомъ склепѣ простился съ моимъ покойнымъ отцомъ. Заѣхавъ въ Лиліенбахъ, 14-го прибылъ въ Петербургъ.

2-го мая былъ большой парадъ. Нашъ эскадронъ проходить великолѣпно. Государь не только благодарилъ за каждое прохожденіе, но по окончаніи парада подѣхалъ къ намъ и крикнуть на прощаніе: «Славно, господа!»

11-го мая Неффъ подарилъ мнѣ чудную картину, изображающую моихъ родителей съ нашимъ старшимъ сыномъ на колѣняхъ у бабушки. 6-го іюня сестра Луиза съ мужемъ и я поѣхали въ Меддерсъ на похороны покойнаго отца. 16-го я вернулся въ Петербургъ. 20-го мы ушли въ лагерь. Государь и великій князь присутствовали при выступленіи. Жена, бывшая въ ожиданіи, не поѣхала въ деревню, а на время переселилась къ отцу на дачу на Антекарскомъ островѣ. 25-го іюня въ Петергофѣ праздновалось обрученіе великой княжны Ольги Николаевны съ принцемъ Виртембергскимъ. 1-го іюля было ихъ вѣчаніе. Вечеромъ былъ bal-rapé во дворцѣ и иллюминація верхняго сада. 2-го былъ разводъ Кавалергардскому полку. Къ сожалѣнію, былъ сильный дождь и Государыни, бывшая въ коляскѣ, и полкъ промокли до костей. Вечеромъ была иллюминація верхняго и нижняго садовъ. 8-го іюля Наслѣдникъ Цесаревичъ устроилъ балъ въ Англійскомъ дворцѣ, причемъ Англійскій паркъ былъ великолѣпно иллюминированъ. Это была замѣчательно живописная картина. 20-го на дачѣ принца Ольденбургскаго состоялась блестящая карусель и состязанія въ верховой ѣздѣ (Снегга). Въ бытность мою въ лагерь въ Петергофѣ, я часто посѣщалъ фрейлину графиню Юлію Гауке, сестру жены моего племянника Карла Штакельберга. 11-го августа Государь далъ большой прощальный обѣдъ принцу Вильгельму Прусскому, на который и я былъ приглашенъ. 12-го эскадронъ съ маневрами пошелъ въ Стрѣльну, а оттуда вернулся въ Петербургъ. Въ этомъ году было произведено 28 юнкеровъ. 14-го утромъ родился нашъ третій сынъ, котораго 18-го октября, въ день моего рожденія (48 лѣтъ), окрестили Вильгельмомъ-Германомъ-Карломъ. Восприимникомъ былъ Императоръ Николай I. Отъ его имени на крестинахъ присутствовали мой дядя, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Карлъ Сиверсъ. Жена получила въ подарокъ отъ Государя брилліантовые серьги. Мнѣ жена подарила въ этотъ день большіе бронзовые часы съ лошадью.

7-го ноября Государь праздновалъ пятидесятилѣтіе своего зачисленія въ списки Конной Гвардіи. Въ его присутствіи въ полку былъ парадъ, послѣ котораго всѣ офицеры были позваны на обѣдъ во дворецъ. 6-го декабря мнѣ устроили сюрпризъ. Инспекторъ департамента вошелъ утромъ въ мой кабин-

нетъ и обратился ко мнѣ со словами: «Ваше превосходительство, поздравляю васъ съ производствомъ въ генералы!» Тѣмъ же приказомъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры и братъ мой Карлъ, командовавшій Московскимъ драгунскимъ полкомъ. Какъ обрадовался бы этому нашъ покойный отецъ! Ему не суждено было видѣть обоихъ сыновей генералами. Меня зачислили по кавалеріи и 12 декабря я сдалъ эскадронъ своему старшему дежурному офицеру ротмистру фонъ-деръ-Лауницъ. Впредь до назначенія моего преемника, мнѣ было разрѣшено остаться на старой квартирѣ.

22-го я представлялся Государю и великому князю, которые горячо благодарили меня за обученіе юнкеровъ. Великій князь настоялъ на томъ, чтобы меня произвели въ генералы безъ предварительнаго командованія полкомъ, что было большимъ отличіемъ, но не подумалъ при этомъ назначить меня на какое нибудь штатное мѣсто, безъ котораго выдача жалованья прекращалась, и я при своихъ ограниченныхъ средствахъ былъ поставленъ въ критическое положеніе. Не зная, какъ тутъ извернуться, я написалъ великому князю письмо, излагая мое безвыходное положеніе и указывая на то, что чинъ, дарованный мнѣ Его Величествомъ въ награду, на самомъ дѣлѣ губитъ меня, лишая возможности существовать съ семьей. Великій князь внимательно прочелъ мое письмо и задумался; затѣмъ передалъ его генералу Ростовцову, сказавъ при этомъ: «странно, но правда, дай ходъ письму».

1847. Государь, узнавъ въ чемъ дѣло, повелѣлъ немедленно выплатить мнѣ тысячу пятьсотъ рублей и уже 17-го января я былъ назначенъ командиромъ резервныхъ эскадроновъ 1-ой легкой кавалерійской дивизіи и занесенъ въ кандидаты на бригаду. Жалованье мнѣ было положено 3000 рублей въ годъ ассигнаціями. Какъ извѣстно, я былъ три года въ отставкѣ и разбѣжалъ по чужимъ краямъ, въ это время мой младшій братъ Карлъ былъ произведенъ въ полковники и поэтому при нашемъ общемъ производствѣ въ генераль-маіоры сталъ старше меня по чину. Ему было приказано именоваться Каульбарсомъ 1-мъ, а мнѣ 2-мъ.

22-го жена моя получила свою часть изъ наслѣдства бабушки, умершей въ Ливерпулѣ. Считая на серебро, тутъ было всего 599 рублей 55 копѣекъ. 24-го изъ Воронежа, гдѣ онъ командовалъ Московскимъ драгунскимъ полкомъ, прѣхалъ братъ Карлъ и остановился у насъ. 25-го была свадьба сестры моей жены Елены съ барономъ Вильгельмомъ Крюденеръ. Ихъ вѣнчали въ церкви принца Ольденбургскаго, который былъ посаженнымъ отцомъ. 9-го февраля братъ и я представлялись Государю по случаю производства въ генералы. Государь сказалъ брату много очень лестнаго про его полкъ, мнѣ же промолвилъ: «Когда придется что нибудь формировать, я убѣжденъ, что ты

исполнишь это такъ же блестяще, какъ когда-то въ Конной гвардіи, и мнѣ останется только тебя вновь поблагодарить. Очень радъ видѣть обоихъ братьевъ у меня».

10-го мы оба уѣхали къ сестрѣ въ Лиліенбахъ, а оттуда въ Меддерсъ, чтобы обрадовать мать и показаться ей въ новыхъ чинахъ. Не желая въ этихъ запискахъ распространяться на счетъ дѣла о наслѣдствѣ, указываю на томъ I¹⁾, стр. 176 и 177, гдѣ мною детально описано все, что было рѣшено по этому дѣлу.

3-го марта мы возвратились въ Петербургъ и отсюда братъ отбылъ въ свой полкъ въ Воронежъ. Ожидая конца распутицы и возможности переселиться въ Меддерсъ, мы жили въ Петербургѣ, занимаясь укладкою необходимыхъ въ деревнѣ вещей и продажей всего лишняго.

8-го апрѣля совершенно неожиданно узнать я о кончинѣ нашей дорогой матери, послѣдовавшей 4-го апрѣля. Гробъ съ останками покойной былъ временно поставленъ въ часовнѣ надъ нашимъ родовымъ склепомъ въ имѣніи Раггаферъ. Похороны должны были состояться, когда соберутся все дѣти. Мой шурина Эссенъ и сестра Эмилія только что продали свое имѣніе Куркюль и жили пока въ Меддерсѣ, гдѣ вели все наши дѣла. Они уговаривали меня сейчасъ же переехать и заняться хозяйствомъ, мой братъ Карлъ предложилъ мнѣ выборъ имѣнія, и я выбралъ себѣ Меддерсъ, ему же предложилъ Раггаферъ. Не имѣя возможности сейчасъ же приступить къ дѣлу, я упросилъ шурина продолжать веденіе дѣлъ до похоронъ матери, когда соберется вся семья и дѣло рѣшится окончательно. 12-го мая все офицеры школы, какъ кавалерійскіе, такъ и пѣхотные, устроили мнѣ прощальный обѣдъ, длившійся отъ 4 часовъ дня до 11 часовъ вечера. Наши сборы кончились, и мы были готовы къ переезду въ Меддерсъ. Много вещей, къ которымъ привыкли, пришлось продать, особенно жалко было расставаться съ моею гордостью,—прекрасными Пизанговыми деревьями, столь украшавшими нашу квартиру. День отъѣзда былъ уже назначенъ, какъ вдругъ внезапно серьезно заболѣлъ нашъ второй сынъ Александръ и задержалъ насъ до 5-го іюня. Пришлось перенести очень тяжелое время въ пустой квартирѣ на чужихъ кроватяхъ и стульяхъ, данныхъ намъ сосѣдями. Обозъ уже ушелъ въ Меддерсъ. Въ день нашего отъѣзда мы обѣдали у капитана Генриха фонъ Дена, офицера пѣхотнаго отдѣленія школы, и его жены, рожденной фонъ Раухъ. Послѣ обѣда меня еще на лѣстницѣ встрѣтили все мои юнкера и, поднявъ на плечи, понесли съ громкими криками ура! черезъ дворъ и садъ передъ школою; здѣсь ожидали меня пѣхотные юнкера, пожелавшіе оказать мнѣ такую же честь, и носили меня нѣсколько разъ вокругъ сада. Сердечно по-

¹⁾ Подлинныхъ записокъ (Nachrichten). *Ред.*

благодаривъ этихъ милыхъ юношей за ихъ трогательную дружбу, я вошелъ въ свою квартиру. Вскорѣ подъѣхали наши дорожные экипажи и мы вышли, чтобы садиться. Но и тутъ мой юнкера оказали мнѣ то же трогательное вниманіе, на рукахъ донесли меня до экипажа, и когда тотъ тронулся, съ громкимъ ура! провожали насъ по Пзмайловскому плацу, бросая фуражки на воздухъ.

7-го іюня мы прибыли въ Меддерсъ со все еще не совсемъ поправившимся ребенкомъ, и могли присутствовать на похоронахъ нашей дорогой матери. Отложить похоронъ не было никакой возможности. Раадѣливъ между нами шестью все движимое, мы запросили брата, какъ рѣшить онъ окончательно съ имѣніемъ, уступаетъ ли онъ мнѣ Меддерсъ, или желаетъ метать жребій, что намъ предписывало духовное завѣщаніе отца. Онъ избралъ послѣднее, и его старшій сынъ Рейнгольдъ вытянулъ ему Раггаферъ. Я сдѣлался владѣльцемъ Меддерса. Такимъ образомъ братья получили по имѣнію съ банковымъ и частнымъ долгамъ, четыре сестры же—домъ въ Ревелѣ, оцѣненный въ 20,000 рублей серебромъ или 70,000 ассигнаціями, а также и другой домъ, меньшій, находившійся за церковью. Не имѣя возможности управлять большимъ барскимъ домомъ, или же держать его въ однихъ рукахъ, онъ рѣшилъ его продать. Уже осенью купилъ его господинъ фонъ Бенкендорфъ, жена котораго была рожденная Бенардаки, за 90,000 рублей ассигнаціями. Каждая изъ сестеръ выгадала такимъ образомъ 5000 рублей ассигнаціями. Для насъ это было очень печально, такъ какъ покойный отецъ и благодѣтели, его усыновившіе, завѣщали сохранить въ семьѣ и имѣнія, и домъ. Когда я вступилъ во владѣніе Меддерсомъ, на немъ лежалъ банковый долгъ Эстляндской дворянской кредитной кассы въ 25875 рублей 71 копейка и частныхъ долговъ на 9085 рублей. Теперь пришлось самому взяться за хозяйство. Мой шуринъ Эссенъ, фонъ Кюгельгенъ-Финнъ и нашъ давнишній управляющій Георгій Лимбергъ помогали мнѣ во всемъ. Пришлось многое обновить и переимѣнить. Въ винокурении я перешелъ сейчасъ же на паровой двигатель. За неимѣніемъ свободныхъ денегъ пришлось прибѣгнуть къ небольшому капиталу моей жены, составившемуся изъ продажи лишнихъ брильянтовыхъ украшеній, вышитыхъ фрейлинскихъ платьевъ и треновъ. Туда же ушли и мои экономіи, предназначенныя для будущей экипировки дѣтей. Первый годъ моего хозяйства былъ очень тяжелый; частыя бури, ливни и градъ уничтожили почти весь мой урожай, кромѣ того погибъ и весь картофель отъ какой-то болѣзни, впервые появившейся въ нашей мѣстности.

26-го ноября я получилъ орденъ Св. Георгія 4-й степени за XXV-ти лѣтнюю безпорочную службу, право на каковой орденъ дало мнѣ 14-ое декабря 1825 года¹⁾.

¹⁾ По статутамъ ордена въ продолженіе этихъ 25 лѣтъ надо было хоть разъ быть въ дѣлѣ и подл. непріятельскими пулями. 14-го декабря недостатка въ послѣднихъ не было.

22-го августа я получилъ уже пряжку за XXV лѣтъ службы. Зима прошла очень симпатично и быстро въ кругу милыхъ друзей и сосѣдей, часто навѣщавшихъ насъ и звавшихъ насъ къ себѣ.

1848. Мой старый другъ и товарищъ по Конной гвардіи, князь Суворовъ, теперь уже генераль-лейтенантъ, былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Остзейскихъ провинцій и мы часто встрѣчались съ нимъ. 25-го января я съѣздить въ Ревель на ландтагъ. остатокъ же зимы прожилъ въ Меддерсѣ. Моя старшая, незамужняя сестра Софія жила у насъ. Но не долго пришлось сидѣть дома. Во Франціи опять вспыхнула революція, и Государь рѣшилъ быть готовымъ ко всякимъ неожиданностямъ. По приказу отъ 8-го марта я былъ вызванъ къ дежурному генералу, такъ какъ Государь Императоръ лично назначилъ меня командиромъ вновь формируемыхъ резервныхъ и дополнительныхъ эскадроновъ 1-ой и 2-ой легкихъ кавалерійскихъ дивизій (16 эскадроновъ). Получивъ необходимыя бумаги и закупивъ все необходимое для дальней дороги, я 17-го марта выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ должны были формироваться четыре изъ моихъ резервныхъ эскадроновъ. 20-го я прибылъ въ Петербургъ и остановился у моего тестя. Протѣжая мимо школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, я остановился на минуту у своей старой квартиры, и къ своему большому прискорбію узналъ, что мой преемникъ по командованію эскадрономъ баронъ Георгій Врангель наканунѣ скончался. 4-го апрѣля я представлялся Государю, повторившему мнѣ милостивыя слова, сказанныя имъ при моемъ производствѣ въ генералы. Мои четыре эскадрона формировались въ Павловскѣ, и я ѣздилъ туда почти каждый день по желѣзной дорогѣ, чтобы давать свои указанія и слѣдить за точнымъ ихъ исполненіемъ.

13-го мой тестъ Дризенъ получилъ отъ своей сестры генеральши фонъ Борстель письмо изъ Штральзунда съ извѣщеніемъ о смерти послѣдней бывшей еще въ живыхъ тетки Каульбарсъ. 2-го мая я заболѣлъ столь сильнымъ воспаленіемъ печени, что былъ лишенъ возможности лично представить Государю и великому князю вновь сформированные мною эскадроны. Государь приказалъ мнѣ передать благодарность за отличное исполненіе его порученія. Отдохнувъ немного послѣ болѣзни, я уѣхалъ 11-го іюня въ Миліенбахъ, а оттуда въ Меддерсѣ, гдѣ уже засталъ моего тестя съ семьей. Здѣсь я провелъ короткое время, а затѣмъ съ женою и ея сестрою Мери поѣхалъ черезъ Дерптъ въ Газеллау къ барону Александру Крюденеръ. Тутъ я провелъ нѣсколько дней и пустился отсюда въ дальній путь въ Елизаветградъ, гдѣ долженъ былъ формировать свои остальные двѣнадцать эскадроновъ. Протѣхавъ Верро, Пешуръ, Изборскъ, Исковъ, Суражъ, Витебскъ, Оршу, Могн-

левъ и Черниговъ, я прибылъ 1-го іюня въ Нѣжинъ, гдѣ въ это время стоялъ Московскій драгунскій полкъ, которымъ командовалъ мой братъ Карлъ, и остановился у него.

3-го іюля поѣхалъ дальше и 4-го вечеромъ прибылъ въ Кременчугъ, гдѣ явился генераль-инспектору всей резервной кавалеріи графу Никитину. Въ Кременчугъ я провелъ два очень симпатичныхъ дня, остановившись у начальника штаба генераль-адъютанта князя Долгорукого, моего товарища по Конной гвардіи, женатаго на графинѣ С-тъ При (St. Priest). 6-го я выѣхалъ; по дорогѣ, въ моей старой стоянкѣ въ Новой Прагѣ, посѣтилъ генераль-лейтенанта барона Фитингофа, начальника 2-ой кирасирской дивизіи, и 7-го вечеромъ достигъ мѣста своего назначенія—Елизаветграда. Явившись моему начальнику генералу Олферьеву и посѣтивъ моего бывшаго корпуснаго командира генерала Остенъ-Сакена, его начальника штаба фонъ-деръ-Лауница и другихъ, познакомился съ остальными присланными для формированія эскадроновъ генералами Рейснеромъ, Рыковымъ и Козодавлевымъ. Конечно, сейчасъ же возобновились старыя знакомства 1836, 1837 и 1838 годовъ.

9-го числа я собралъ у себя всѣхъ назначенныхъ подъ мою команду командировъ частей, штабъ и оберъ-офицеровъ—всего 10 штабъ и 10 оберъ-офицеровъ—и передать имъ всѣ необходимыя указанія.

13-го поѣхалъ къ дядѣ моей жены, отставному генералу Вильгельму Дризену, жившему въ 40 верстахъ отъ Елизаветграда въ имѣніи Красноселкѣ, полученномъ имъ въ приданое за женою, рожденною Красовскою. Дризенъ служилъ когда-то въ л.-гв. драгунскомъ, нынѣ л.-гв. конно-гренадерскомъ, полку и я въ бытность офицеромъ Конной гвардіи часто съ нимъ встрѣчался. Жены же его я не зналъ. Я провелъ у нихъ нѣсколько дней и посѣтилъ жившихъ по сосѣдству въ имѣніи Ставидло генерала Гревса и его жену, сестру генеральши Дризень. Къ нимъ я ѣздилъ нерѣдко еще въ прежнія времена, когда жилъ въ Елизаветградѣ. У нихъ же я познакомился и съ семействомъ Красовскихъ. Братъ генеральши Дризенъ и Гревсъ, съ красавицею женою жилъ въ своемъ имѣніи Лазиновкѣ въ двѣнадцати верстахъ отъ Красноселки. Домъ у нихъ былъ великолѣпный и убранный съ княжескою роскошью. Во время обѣда у нихъ всегда игралъ собственный оркестръ изъ 26 человекъ, подъ управленіемъ нѣмца капельмейстера. Къ имѣнію Красовскихъ принадлежало около 4000 душъ крестьянъ. Я очень любилъ посѣщать этихъ родственниковъ моей жены и всегда веселился на ихъ чудныхъ обѣдахъ и вечерахъ.—Моя служба была очень трудная и утомительная. Приходилось получать людей изъ различныхъ полковъ, одѣвать ихъ и формировать изъ нихъ эскадроны резервной бригады. Переписка была громадная. Отъ дневныхъ дрягъ я отдыхалъ по вечерамъ въ милыхъ семьяхъ Сакена, Лауница и старыхъ Елизаветградскихъ друзей.

Жара стояла невыносимая, отсутствие дождей вызывало ужасную засуху, листья на деревьях пожелтели, как осенью, въ окрестностяхъ Елизаветграда появилась холера. Въ городѣ въ полночь термометръ показывалъ -25° R. Стѣны каменныхъ домовъ, въ томъ числѣ и моего, были раскалены какъ печи. Днемъ и ночью воздухъ былъ пропитанъ горячею черноземною пылью. Съ одной стороны улицы на другую не видно было домовъ. Глаза начали болѣть и 30-го юли мнѣ пришлось завести себѣ очки. Къ сожалѣнію, и такъ привыкъ къ нимъ, что до сихъ поръ пользуюсь ими.

18-го августа, въ то время, когда я производилъ своимъ резервнымъ эскадронамъ иѣшій смотръ, произошло странное явленіе. Надъ нами пролетѣлъ рой саранчи безконечной длины, говорили потомъ, что онъ тянулся отъ десяти до двѣнадцати верстъ и былъ въ версту шириною. Это облако ползло такъ низко надъ стѣною, что насъ совершенно заволокло и мы были принуждены прекратить занятія. Мы были сплошь покрыты саранчею; животныя ударялись въ каски и попадали въ лицо, приходилось руками отбиваться отъ нихъ. Когда рой нѣсколько уменьшился, наши солдаты забавлялись тѣмъ, что собирали упавшихъ на землю животныхъ въ свои каски и фуражки. На нашихъ глазахъ весь рой съѣлъ на землю, покрывъ площадь въ нѣсколько квадратныхъ верстъ густою сплошною массою отъ одного до двухъ футъ толщиной. 15-го сентября въ Елизаветградѣ открылась сельско-хозяйственная выставка Херсонской губерніи, очень содержательная и интересная. На этой выставкѣ я встрѣтился съ финляндцемъ генераломъ Тунбергъ, съ которымъ я познакомился когда-то въ Вознесенскѣ на кавалерійскомъ сборѣ 1837 года. Мы разговорились и онъ между прочимъ спросилъ, не родственникъ ли я бирону Карлу Эрнсту фонъ-Каульбарсу. Узнавъ, что это былъ братъ моего отца, онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее о его судьбѣ. Мой дядя и Тунбергъ были шведскими офицерами и служили въ томъ же полку и въ той же ротѣ. 2-го сентября 1808 года, въ сраженіи при Оравайскѣ, онъ шелъ рядомъ съ Каульбарсомъ. Пушечныя ядра сыпались со всехъ сторонъ. Вдругъ одно изъ нихъ попало въ послѣдняго и сорвало ему всю верхнюю часть черепа, причемъ Тунбергъ и другіе офицеры были забрызганы его мозгами. Стоя среди груды тѣлъ, одинъ изъ товарищей хладнокровно замѣтилъ: «вотъ и Каульбарсъ готовъ!» Эта ужасная картина навѣки вѣшалась въ памяти всехъ присутствовавшихъ. Такимъ образомъ я получилъ указаніе о судьбѣ моего безъ вѣсти пропавшаго дяди Карла.

3-го сентября пошелъ, наконецъ, дождь, но въ такомъ громадномъ количествѣ и съ такою силою, что стекавшая съ возвышеній вода затопляла улицы и уносила мелкія вещи. Природа сразу ожила, деревья и луга позеленѣли. Октябрь былъ восхитителенъ. Осенью улеглись неурядицы во Франціи, политическій горизонтъ очистился и мы прекратили дальнѣйшія вооруженія.

11-го сентября пришло приказаніе расформировать собранные резервы. Сформировать эту массу эскадроновъ (въ Елизаветградѣ было всего 46 эскадроновъ кирасиръ, уланъ и гусаръ) было не легко, расформировать же ихъ было еще труднѣе и нуднѣе. Приходилось сдавать обратно обмундировку, оружіе, сѣдельныя принадлежности. Къ счастью, еще не успѣли закупить лошадей. На вторую половину нашей работы пошло столько же времени, сколько и на первую. 3-го ноября вечеромъ я былъ свидѣтелемъ великолѣпнаго зрѣлища. Появилось на небѣ прелестное розовое сѣверное сіяніе, какого никто еще никогда не видалъ. — Когда кончилось расформированіе частей, генераламъ было разрѣшено разъехаться. Простившись со всеми друзьями, 28-го ноября я пустился въ обратный путь въ Петербургъ. По отвратительнѣйшимъ дорогамъ прибылъ 30-го въ Кіевъ, гдѣ остановился у стараго друга генераль-лейтенанта Александра Бухмейера, инспектора саперныхъ батальоновъ. У него я провелъ нѣсколько очень интересныхъ и поучительныхъ дней, знакомясь со варывами минъ, гальванизмомъ и саперными сооруженіями, съ которыми ознакомилъ меня Бухмейеръ въ саперномъ лагерѣ. 3-го декабря продолжалъ путь и, страдая отъ выюга, дождей, мороза, снѣга и особенно отъ отвратительныхъ дорогъ, 13-го декабря достигъ Меддерса, сдѣлавъ изъ Елизаветграда до Меддерса 1666 верстъ. За весь же прошедшій годъ, не считая разъезды по эскадронамъ, я проѣхалъ 4592 версты.

1849. 4-го января состоялась свадьба моей племянницы Луизы Штапельбергъ, выходившей замужъ за барона Фридриха Штапельбергъ-Пергенталъ (нынѣ, 1875 г., тайный совѣтникъ и сенаторъ). Наканунѣ былъ великолѣпный балъ. Оставивъ дѣтей подъ надзоромъ г-жи Эмилиі фонъ-Рекампфъ, дочери арендатора Раггафера, жена и я поѣхали къ этому дню въ Лиліенбахъ. Моя жена послѣ свадьбы племянницы уѣхала съ Карломъ Штапельбергомъ въ Петербургъ, чтобы навѣстить родителей, я же вернулся въ Меддерсъ. Конецъ зимы прошелъ въ кругу родныхъ и сосѣдей. Въ мартѣ я былъ, по обыкновенію, въ Ревелѣ.

1-го мая мы узнали о манифестѣ Государя Императора по поводу возстанія въ Венгріи и обѣщанномъ имъ императору австрійскому содѣйствіи. Уже 8-го я получилъ приказаніе приготовиться къ выѣзду и 12-го мая военный министръ назначилъ меня въ распоряженіе главнаго начальника резервовъ и военныхъ поселеній графа Никитина, къ которому я и долженъ былъ явиться въ Кременчугъ. Получивъ слѣдующія мнѣ бумаги и деньги, я выѣхалъ 26-го мая. По дорогѣ встрѣтилъ нѣсколько гвардейскихъ полковъ, шедшихъ на охрану побережья, и остановился въ Лиліенбахѣ на одинъ день.

28-го поѣхалъ дальше и въ Чирковичахъ имѣлъ удовольствіе встрѣтить стараго знакомаго князя Менцера и его жену, рожденную Карамзину. Вечеромъ прибылъ въ Царское Село, гдѣ остановился у ротмистра л.-гв. кирасирскаго полка барона Торнау, одного изъ моихъ первыхъ юнкеровъ. На слѣдующій день поѣхалъ въ Петербургъ на свадьбу моего шурина барона Александра Дризенна съ фрейлиною Ея Величества Идвигою фонъ-Штрэндманъ. Вечеръ слѣдующаго дня я провелъ въ Царскомъ Селѣ у молодыхъ и ночью пустился въ путь. Проѣхавъ по обычной дорогѣ, 8-го іюня утромъ прибылъ въ Кременчугъ и былъ очень любезно принятъ генераломъ Лауницомъ и его семьею. Послѣдній еще прошлую зимою былъ назначенъ начальникомъ штаба резервной кавалеріи на мѣсто князя Василія Долгорукаго. Отъ Лауница я узналъ, что графъ Никитинъ предписалъ мнѣ сформировать резервную бригаду 5-ой легкой кавалерійской дивизіи. Подъ мое начальство былъ назначенъ подполковникъ баронъ Германъ Гюне, бывшій конно-гвардеецъ. На слѣдующій же день по пріѣздѣ я явился графу Никитину, пригласившему меня сейчасъ же къ обѣду. У него я встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ, генераловъ Шиллера, Нистолькорса, князя Багратиона и другихъ. При проѣздѣ въ Елизаветградъ остановился въ Новой Прагѣ у генерала Фитингофа и прибылъ въ Елизаветградъ 13-го іюня. Здѣсь я посѣтилъ старыхъ друзей, генерала Сакентъ, Сливницкихъ, Эммануэля, Гафмъ и другихъ и осмотрѣлъ новыя строенія, сооруженныя въ городѣ во время моего отсутствія.

14-го поѣхалъ въ Красноселку къ Дризенамъ, оттуда въ Ставидло къ Гревсамъ, въ Лазиновку къ Красовскимъ, въ Поновку къ Бѣлоконытовымъ и въ Терновку къ братьямъ Граве. 21-го поѣхалъ въ Ново-Миргородъ къ командиру 2-й бригады 2-й кирасирской дивизіи генералу Нуцину и 22-го прибылъ въ новое мѣсто своего служенія—Вознесенскъ. И здѣсь у меня было нѣсколько знакомыхъ (еще отъ 1837-го года)—князь Кантакузинъ и генеральша Дашлевская.

26-го мнѣ являлись подполковникъ баронъ Гюне и другіе подчиненные. Сейчасъ же приступилъ къ разбору всего необходимаго для сформированія бригады. Все утро я проводилъ въ работѣ, обѣдать же и проводить вечера у знакомыхъ и друзей въ ихъ роскошныхъ садахъ. Имѣя свободное время, я поѣхалъ съ Гюне въ Одессу, гдѣ мы остановились въ гостиницѣ Плькевича, съ великодушнымъ видомъ на море. Здѣсь я посѣтилъ коменданта генерала Розенфельда, князя Гагарина, директора карантина, бывшаго конно-гвардейца, и поѣхалъ съ нимъ на дачу Рено къ князю Ренину и его супругѣ Елизаветѣ, рожденной Балабиной. Вечеръ провелъ въ итальянской оперѣ, слушалъ г-жу Альберти въ «Нормѣ». Въ Одессѣ встрѣтилъ еще одного стараго товарища по Конной гвардіи Магнуса фонъ-Бреверна, вышедшаго въ отставку и жившаго въ нашей же гостиницѣ. 6-го числа Гагаринъ познакомилъ меня со

службою въ карантинѣ, и я восхищался всѣми мѣрами предосторожности, принимаемыми въ серьезныхъ случаяхъ заразы. 7-го мы возвратились въ Вознесенскъ.

14-го я проѣхался въ село Благодатное, 16-го въ Лысую гору, гдѣ детально осмотрѣлъ квартировавшіе тамъ эскадроны.

19-го поѣхалъ въ Ольшанку, военное поселеніе на рѣкѣ Синухѣ, гдѣ была назначена моя главная штабъ-квартира. Сейчасъ же усердно принялись за работу, за осмотръ людей, лошадей и за ихъ обученіе.

26-го іюля я поѣхалъ въ Умань къ графу Никитину, который перешелъ туда со штабомъ, дабы находиться поближе отъ австрійской границы. Дочь графа Никитина, графиня Орлова-Денисова, проводила лѣто у отца.

27-го явился графу съ рапортомъ о состояніи инспектированныхъ мною эскадроновъ. Въ этотъ день я обѣдалъ у графа и вечеромъ графиня Орлова-Денисова показала мнѣ великолѣпный садъ Софіевку, или, какъ онъ теперь прозывается, Царицыно, съ фонтанами, каскадами, скалами, туннелями и гротами. Съ разрѣшенія инспектора, я остался въ Умани до 2-го августа. Жилъ здѣсь превосходно, часто посѣщая графа и милыя семейства генераловъ Олферьева, Скалона и другихъ старыхъ знакомыхъ по Петербургу.

2-го я выѣхалъ и возвратился въ мою скучную Ольшанку. Опять взялся усердно за свои эскадроны и часто представлялъ ихъ разнымъ проѣзжавшимъ инспектировавшимъ начальникамъ. Такъ прошло время до 4-го сентября, когда опять понадобилось ѣхать въ Умань. По дорогѣ между Шишковкою и Ново-Архангельскомъ я встрѣтилъ кирасирскій великой княгини Елены Павловны полкъ и узналъ отъ маіора Вейнберга печальную вѣсть о кончинѣ великаго князя Михаила Павловича, умершаго въ Варшавѣ 28-го августа. Въ Умани я остановился опять у маіора Бреверна въ домѣ Маньковского. Опять наступило веселое, пріятное время: частые обѣды, прогулки и вечера у графа Никитина, его дочери, графини Орловой, и у другихъ вполне вознаградили меня за мое скучное одиночество въ Ольшанкѣ.

9-го сентября, при выѣздѣ изъ Умани, со мною случилось небольшое несчастье. Почтовые лошади не смогли удержать коляски на крутомъ спускѣ, и кучеръ направилъ ихъ на домъ, дышло сломалось и коляска ударилась въ стѣну. Я отдѣлался довольно легкою шишкою на лбу. Коляску пришлось чинить и я остался еще на одинъ день въ Умани.

14-го, отправляясь въ Ольшанку, заѣхалъ въ городокъ Ольвиополь, извѣстный тѣмъ, что онъ когда-то лежалъ на границѣ трехъ государствъ: Россіи, Польши и Турціи. Здѣсь я впервые увидѣлъ громадныя оранжевыя арбузы. Они мнѣ такъ понравились, что я и въ другихъ мѣстахъ спрашивать ихъ, но нигдѣ не находилъ подобныхъ.

13-го октября пришелъ приказъ четыремъ эскадронамъ приготовиться къ выступленію въ Букарестъ, а пять оставшихся четырехъ выделить кадры для сформированія новыхъ четырехъ эскадроновъ. Всѣмъ моимъ эскадронамъ были назначены новыя мѣста стоянокъ, и я не безъ удовольствія покинулъ Ольшанку и вернулся въ Вознесенскъ. Отсюда безпрестанно объѣзжалъ эскадроны, назначенныя въ Букарестъ, и слѣдилъ за ихъ обученіемъ.

16-го ноября пришло приказаніе отъ графа Никитина задержать выступленіе этихъ эскадроновъ впредь до новаго приказанія (Венгерская кампанія подходила къ концу). 19-го ноября я получилъ письмо отъ моего тестя Дризенъ со вложеніемъ Высочайшаго приказа отъ 3-го ноября, въ которомъ я былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-ой уланской дивизіи. Въ этомъ же приказѣ мой помощникъ баронъ Гюне былъ произведенъ въ полковники. По случаю этого производства и моего назначенія я устроилъ большой обѣдъ съ шампанскимъ, на которомъ веселились до поздней ночи. 1-го декабря полковникъ Гюне устроилъ мнѣ прощальный обѣдъ, на которомъ присутствовало 40 человѣкъ. Простившись со всѣми друзьями, 2-го декабря я уѣхалъ въ Красноселку къ Дризенамъ.

4-го, въ день св. Варвары, былъ здѣсь обѣдъ на 30 персонъ и балъ, длившійся до 5 часовъ утра. На слѣдующій день къ обѣду набралось опять 30 человѣкъ. Здѣсь я оставался до 9-го числа и черезъ Елизаветградъ и Новую Прагу, гдѣ пробылъ день у Фитингофа, отправился въ Кременчугъ. При переправѣ черезъ Днѣпръ ледъ оказался настолько тонокъ, что пришлось переходить пѣшкомъ: коляску перетаскивали люди на веревкахъ, а лошадей перегнали черезъ рѣку по-одиночкѣ. Въ Кременчугъ я явился инспектору, который, въ виду окончанія кампаніи, опять перебрался сюда со своимъ штабомъ. Здѣсь я оставался до 15-го, а затѣмъ уѣхалъ въ Полтаву, гдѣ остановился въ кадетскомъ корпусѣ у директора его генерала Георгія Врангеля. Онъ еще не зналъ о своемъ производствѣ 6-го декабря въ генераль-лейтенанты, мнѣ же о немъ сообщили у инспектора въ Кременчугъ и я поздравилъ его, найдя его при моемъ раннемъ пріѣздѣ еще въ кровати. Осмотрѣвъ кадетскій корпусъ и посѣтивъ начальницу института Цербинину, знакомую мнѣ по Харькову въ 1827 и 1828 годахъ, я на другое утро выѣхалъ въ Харьковъ.

18-го посѣтилъ старушку Душину, предводителя дворянства князя Голицына и другихъ петербургскихъ знакомыхъ и вечеромъ уѣхалъ въ Чугуевъ. Здѣсь я посѣтилъ командира первой бригады генераль-маіора Ознобишина, моего стараго товарища по Конной гвардіи, явился генераль-маіору Рольцбергъ и передалъ ему врученныя мнѣ паунцомъ для передачи въ штабъ уланской дивизіи десять тысячъ рублей.

17-го я явился корпусному командиру генераль-лейтенанту Гельфрейху и начальнику дивизіи генераль-лейтенанту барону Пиллару. Обѣ-

ивившись визитами со всеми принадлежавшими къ нашей дивизіи особами, и выѣхалъ изъ Чугуева и прибылъ въ тотъ же день въ мѣсто своего новаго служенія — Ново-Борисоглѣбскъ (прежнія Андреевка). Сейчасъ же по пріѣздѣ ко мнѣ явился съ рапортомъ командиръ 4-го полка моей бригады — уланскаго Борисоглѣбскаго принца Гессенскаго полка полковникъ Клэронъ. Утромъ слѣдующаго дня онъ представилъ мнѣ своихъ господъ офицеровъ.

26-го я поѣхалъ въ Ново-Серпуховъ, гдѣ стоялъ 2-й полкъ моей бригады, уланскій Серпуховской великой княгини Екатерины Михайловны полкъ. Меня сейчасъ же встрѣтилъ съ рапортомъ командиръ полка полковникъ Стоббе и представилъ мнѣ своихъ офицеровъ. Вернувшись въ Ново-Борисоглѣбскъ, я началъ готовиться къ поѣздкѣ въ отпускъ. Имѣя, наконецъ, должность, на которой могъ рассчитывать остаться нѣсколько лѣтъ, я могъ теперь подумать о томъ, чтобы перевести сюда мою семью изъ Меддерса. Чтобы устроить это дѣло, я поѣхалъ въ Чугуевъ, гдѣ остановился у Ниллара. Жена его была рожденная княжна Кудашева. — Въ этомъ году я проѣхалъ на почтовыхъ и поселенческихъ 4476 верстъ.

1850 г. 4-го января выѣхалъ за семьею. Проѣхавъ Харьковъ, былъ 8-го въ Смоленскъ, гдѣ при сильномъ морозѣ осмотрѣлъ городъ и поле сраженія 1812 года и переночевать.

10-го проѣхалъ Великѣ, гдѣ въ 1821 году былъ съ Конною гвардіею, затѣмъ Псковъ и 12-го прибылъ въ Лиліенбахъ къ сестрѣ. Путешествіе было очень затруднительное по случаю большихъ холодовъ и вѣтровъ. Отдохнувъ одинъ день, отбылъ въ Меддерсъ, куда пріѣхалъ 13 января. Проживъ въ кругу семьи и друзей двѣ недѣли, жена и я рѣшили съѣздить въ Петербургъ, чтобы навѣстить ея родителей. нашихъ трехъ маленькихъ сыновей свезли въ институтъ Фининъ, начальница котораго госпожа фонъ Кдугентъ была такъ любезна, что взяла ихъ на время нашего отсутствія на свое попеченіе. По дорогѣ мы провели день въ Лиліенбахъ и 31-го прибыли въ Петербургъ, гдѣ остановились у Дризенъ.

2-го февраля я явился Наслѣднику Цесаревичу и всему начальству, посѣтить семью Штрандманъ, сестру Луизу Неффъ и другихъ. Жена въ это время ѣздила съ визитами къ графинѣ Барановой и къ своимъ бывшимъ подругамъ. Въ этотъ день родился у великаго князя Константина Николаевича его старшій сынъ Николай. Имѣя впередъ большое путешествіе съ семьею и хозяйствомъ, я подалъ прошеніе черезъ дежурнаго генерала о назначеніи мнѣ пособія для перевозки семьи и вещей на новое мѣсто служенія, но мнѣ въ этомъ было откаано. Подобное путешествіе съ женою, тремя дѣтьми, прислугою и багажемъ, при разстояніи въ 1600 верстъ, не могло стоить менѣе

900 или 1000 р. Жена рассказала объ этомъ графинѣ Барановой, и впоследствии она устроила это дѣло. По случаю сильныхъ холодовъ разводы были отменены и я не имѣлъ возможности представиться Государю Императору. Императрица, болѣвшая все это время, тоже ничего не принимала.

8-го февраля я откланивался всѣмъ по случаю отъѣзда. Вечеромъ жена и я были въ итальянской оперѣ въ предоставленной намъ большой директорской ложѣ. Давали «Гугенотовъ» съ участіемъ Жульеты Гризи, Марио, Тамбурини и другихъ. 11-го мы выехали. Родня провожала насъ до Краснаго кабачка, гдѣ былъ устроенъ прощальный ужинъ съ шампанскимъ. 12-го прѣехали въ Медерсъ. Здѣсь начали собираться въ дальній путь. Холода вдругъ прекратились и наступила оттепель, весь снѣгъ сошелъ и дороги сдѣлались непроходимыми. При такихъ обстоятельствахъ везти съ собою семью не было никакой возможности; пришлось измѣнить свои планы и ѣхать одному, такъ какъ отпускъ подходилъ къ концу.

19-го при ужаснѣйшей погодѣ я выѣхалъ и по непролазной грязи дотащился до Лиценбаха, гдѣ провелъ день и слѣдующую ночь. Затѣмъ въ своей Борисоглѣбской кибиткѣ продолжалъ дальне. Погода опять переимѣнилась. морозъ поднялся до 12° и пошелъ снѣгъ. Это меня очень устраивало, такъ какъ на саняхъ уже не было возможности слѣдовать дальне, теперь же сани пригодились. Шоссе на Гдовъ было совершенно голое и почтальоны выбирали себѣ дорогу по замерзшимъ обочинамъ и канавамъ. Для меня это кончилось печально. Не доѣзжая нѣсколько верстъ до Гдова, лошадь и кибитка провалились на льду глубокой канавы: сани въ одно мгновеніе наполнились водою. Долго пришлось провозиться съ лошадьми, не двигавшимися съ мѣста, пока проѣзжіе крестьяне не помогли намъ высвободиться. Совершенно промокшій я прѣехалъ въ Гдовъ. Здѣсь приняли во мнѣ самое горячее участіе артиллерійскій полковникъ Линницкій и содержатель почты Маркграфъ. Послѣдній отдалъ мнѣ лучшія комнаты своей квартиры, первый сушить мои мундиры, бѣлье и другія вещи, совершенно промокшія и испорченныя. Кое-какъ обсушившись, дрожа отъ холода и простуды, я продолжалъ дальне и прибылъ совершенно больнымъ въ Псковъ. Здѣсь пришлось остановиться и лечь въ кровать: лихорадка все усиливалась и объ отъѣздѣ нельзя было и думать. Пришлось пригласить начальника гарнизона, полковника Прохоровича, городского врача Вернарда и жандармскаго подполковника Юрковского для освидѣтельствованія меня и для составленія рапорта и медицинскаго свидѣтельства. Докторъ не допускалъ и мысли о томъ, чтобы въ такомъ состояніи, въ которомъ я находился, можно было проѣхать болѣе 1000 верстъ по плохимъ дорогамъ и при переменчивой погодѣ. Всѣ совѣтовали мнѣ вернуться домой, тамъ при хорошемъ уходѣ отлежаться, а затѣмъ уже со свѣжими силами пуститься въ путь. Рапортъ былъ отправленъ, и я, какъ только могъ

двигаться, сейчас же возвратился въ Меддерсъ, куда прибылъ 27-го февраля. Тутъ я слегъ и пролежалъ болѣе недѣли, страдая сильными болями въ рукахъ и ногахъ. Вещи были попорчены и ихъ пришлось вторично высушивать.

1-го марта къ намъ заѣхалъ мой братъ Карлъ и сейчас же прослѣдовалъ далѣе въ Ревель.

10-го баронъ Георгъ Пилларъ сообщилъ намъ печальное извѣстіе, что мой братъ продать ему имѣніе Рантаферъ, оставивъ за семействомъ Каульбарсъ только родовое кладбище и часовню. Вѣчная жалоба арендатора довела брата до этой продажи. Насколько она была невыгодна для него, доказываетъ слѣдующее. Братъ продать Пиллару имѣніе за 49.000 рублей, тотъ перепродать его три года спустя за 75.000 рублей г-ну фонъ Бремену, а послѣдній опять черезъ три года получилъ отъ нынѣшняго владѣльца фонъ Дена 100.000 рублей. Не могу не вспомнить письма моего тѣстя Дризена, полученнаго во время моей болѣзни, съ извѣстнымъ анекдотомъ, циркулировавшимъ тогда въ Петербургѣ на счетъ Венгерской кампаніи. Императоръ Николай, желая наградить участвовавшія въ ней войска медалью, обратился къ князю Меншикову съ вопросомъ, какою надписью снабдить эту медаль. Князь Меншиковъ отвѣтилъ очень остроумно: «на одной сторонѣ надо помѣстить портретъ Вашего Величества съ надписью—«съ нами Богъ», а на противоположной сторонѣ медали портретъ австрійскаго императора съ надписью: «Богъ съ нами!»—Выше мною уже сказано, что въ пособіи на перевозку семьи мнѣ было отказано и что жена рассказала объ этомъ графинѣ Барановой. Послѣдняя приняла наше положеніе къ сердцу и выхлопотала у Государя это пособіе.

2-го апрѣля я получилъ отъ статсъ-секретаря Гофмана письмо со вложеніемъ 1000 рублей на переездъ. Графиня передала Императрицѣ объ отказѣ штаба и доброе сердце Ея Величества подсказало ей сейчас же, что намъ нужно помочь. Чувствуя себя довольно сносно, я опять собрался въ путь. Дороги были убійственны, погода перемѣнчивая, квартира неустроена, поэтому я рѣшилъ пока выѣхать одинъ, оставивъ семью въ Меддерсъ—впредь до дальнѣйшихъ распоряженій.

14-го апрѣля я выѣхалъ въ двухмѣстной каретѣ, провелъ два дня въ Петербургѣ у родныхъ, 20-го проѣхалъ Москву, гдѣ осмотрѣлъ новый дворецъ, 25-го былъ въ Орлѣ, гдѣ остановился на нѣсколько дней у кузины Минодоры Мухановой, рожденной графини Сиверсъ, мужъ которой былъ здѣсь губернаторомъ. Шоссе еще не существовало, и я по отвратительной дорогѣ поѣхалъ въ Харьковъ. Здѣсь зашелъ къ старушкѣ Душиной и 27-го прибылъ въ Чугуевъ, гдѣ остановился у начальника дивизіи барона Пиллара. У него оставался до 2-го мая, явился корпусному командиру Гельфрейху, справилъ кое-какія дѣла, посѣтилъ всѣхъ знакомыхъ и вечеромъ уѣхалъ въ Ново-Борисоглѣбскъ,

гдѣ въ моей бригадной квартирѣ устроить себѣ нѣсколько комнатъ. Полковникъ Кларонъ и мой бригадный адъютантъ штабсъ-ротмистръ Хандаковъ очень любезно помогли мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

8-го заѣхалъ ко мнѣ мой братъ Карлъ, направлявшійся въ свою бригаду (2-я бригада 1-ой кирасирской дивизіи). Время протекало быстро. Почти ежедневно приходилось производить смотры и ученія полкамъ бригады. Устройство дома и сада при немъ тоже занимало не мало времени.

13-го и 14-го инспекторъ графъ Никитинъ дѣлалъ смотры полкамъ бригады и остался ими очень доволенъ. Послѣ него прѣѣзжали корпусный командиръ и начальникъ дивизіи.

8-го въ Чугуевѣ я получилъ печальную вѣсть о кончинѣ моей сестры Наталіи, умершей въ Петербургѣ на квартирѣ своего сына Карла Штапельберга. Въ Ново-Борисоглѣбскѣ жили очень весело, тамъ было много семейныхъ офицеровъ и очень симпатичныхъ помѣщиковъ, въ числѣ посѣднихъ я сошелся съ барономъ Раденомъ. Въ Харьковѣ я закупилъ все необходимое для устройства дома, который выкрасилъ и отдѣлалъ, а также и флигель. Помѣщеніе было готово и семья могла въѣхать. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ еще нѣкоторое время съ этимъ пообойдѣть. Жара стояла нестерпимая и отъ страшной засухи поднялась густая пыль. Въ тѣни рѣдко бывало ниже 26° R. Мы купались ежедневно въ Дону при постоянной температурѣ воды въ 23° R. Жители Ново-Борисоглѣбска занимались шелководствомъ въ большихъ размѣрахъ. Имѣя въ саду много черемухи, я тоже завелъ себѣ небольшое шелководство.

19-го іюля я получилъ корону на орденъ св. Анны 2-ой ст. за формирование резервовъ въ 1848 и 1849-хъ годахъ.

4-го я повелъ свою бригаду въ деревню Коробочкино въ 12 верстахъ отъ Чугуева, на дивизіонный сборъ. Ужасно страдали отъ жары, на солнцѣ температура часто стояла на 47° R. Дабы облегчить войскамъ ихъ задачу, выходили на ученіе въ три или четыре часа, но уже къ шести часамъ утра температура становилась несносною. Здѣсь мы оставались до 29-го августа, когда бригада перешла въ Чугуевъ, гдѣ собирался уже весь корпусъ.

1-го сентября прибыла 1-ая кирасирская дивизія, а съ нею и мой братъ Карлъ. Затѣмъ пришла 6-я легкая кавалерійская дивизія. 6-го прибылъ нашъ инспекторъ графъ Никитинъ, а 13-го — великіе князя Николай и Михаилъ Николаевичи, которые при встрѣчѣ со мною очень милостиво вспоминали, какъ ѣздили въ школы подъ моимъ начальствомъ. 13-го, въ пять съ половиною часовъ вечера, прибылъ Императоръ Николай. Я былъ дежурнымъ по корпусу и подходилъ къ нему съ рапортомъ. Смотры длились до 18-го, и Государь остался очень доволенъ частями. 15-го всѣ генералы были позваны къ Государю на обѣдъ. 16-го корпусъ давалъ великолѣпный балъ великимъ князьямъ. Мой братъ Карлъ, полковники Кларонъ и Рубецъ и я были распо-

рядителями. 18-го Государь и великіе князья, очень довольные всѣмъ видѣннымъ, уѣхали. Отдохнувъ нѣсколько дней, полки разошлись по своимъ стоянкамъ. Я воспользовался свободнымъ временемъ и поѣхалъ съ братомъ въ Харьковъ для закупки кое-какихъ необходимыхъ для моей квартиры вещей. По имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ, жена съ тремя сынками и гувернанткой баронессою Медемъ выѣхала уже изъ Меддерса и, отдохнувъ въ Петербургѣ, продолжала далѣе. Надзоръ за хозяйствомъ въ Меддерсѣ очень любезно принялъ на себя нашъ сосѣдъ Александръ фонъ Денъ-Коно. До сихъ поръ помогали моей женѣ въ хозяйствѣ господа фонъ Кюгелгенъ-Финнгъ и фонъ Шубертъ-Вайкюль.

4-го октября моя семья прибыла въ Ново-Борисоглѣбскъ и расположилась въ почти уже устроенной квартирѣ. Благодаря милому и любезному приему, моя жена скоро освоилась съ новымъ мѣстомъ.

22-го октября должны были прибыть наши вещи, но вмѣсто нихъ пришло извѣщеніе, что посланные черезъ подрядчика сундуки съ разными предметами сгорѣли въ селѣ Подсолнечномъ, въ 60 верстахъ отъ Москвы. Оказалось, что наши сундуки слѣдовали съ транспортомъ хлопчатой бумаги. При остановкѣ на ночь подводы были поставлены на дворъ корчмы. Последняя загорѣлась и большая часть подводъ сдѣлалась жертвою пламени. Изъ всего значительнаго числа нашихъ сундуковъ уцѣлѣли только три, которые впоследствии и были доставлены намъ изъ Москвы. Къ сожалѣнію, сгорѣли всѣ мои альбомы и всѣ сувениры моего путешествія за границу, а также сундуки съ самыми необходимыми и любимыми вещами моей жены. Такъ какъ при перевозкѣ были допущены разныя злоупотребленія, то я подалъ въ судъ, но изъ этого ничего не вышло, даже за провозъ вещей изъ Москвы въ Чугуевъ пришлось уплатить вторично. Условіе съ подрядчикомъ было написано не по формѣ. Больше всего поразило меня отношеніе къ дѣлу суда. Безпорядки и незаконныя дѣйствія въ транспортѣ совершенно не интересовали судей, происхожденіе пожара также не было разобрано, рѣшили, что это было несчастіе, которое могло случиться съ каждымъ.—Остатокъ года прошелъ очень весело, у насъ составилъ большой кругъ знакомыхъ. Чаше другихъ бывали у насъ полковникъ Клэронъ, французъ, бывший лейбъ-уланъ, и мой адъютантъ Хандаковъ. Братъ, стоявшій съ бригадою недалеко отъ насъ, тоже часто наѣзжалъ и останавливался у насъ. Новый годъ встрѣтили у насъ въ большой веселой компаніи. Въ этомъ году я проѣхалъ еще больше верстъ, чѣмъ въ предыдущихъ, а именно 5529 верстъ.

1851 г. Дядя моей жены, отставной генералъ баронъ Вильгельмъ Дризенъ пригласилъ всю нашу семью къ себѣ въ деревню.

1-го февраля жена, я, трое дѣтей и гувернантка поѣхали черезъ Чугуевъ, Харьковъ, Полтаву и Кременчугъ въ Красносельку, куда и прибыли 5-го числа. Здѣсь мы прожили двѣ съ лишнимъ недѣли, часто ѣздили къ сосѣдямъ и присутствовали на свадьбѣ племянницы Дризена, Белокопытовой, вышедшей замужъ за командира Елизаветградскихъ гусаръ полковника Гермейера. Часто навѣщали мы и Красовскихъ въ ихъ великолѣпномъ имѣніи Лазиновкѣ.

24-го тронулись въ обратный путь. Ѣхали въ возкѣ и останавливались по дорогѣ у знакомыхъ. 2-го марта возвратились въ Ново-Борисоглѣбскъ. 9-го марта прибыли, наконецъ, спасенные отъ пожара сундуки и купленное въ Харьковѣ фортепьяно.

11-го марта я получилъ для меня очень непріятное приказаніе—отправиться въ Чугуевъ и председательствовать въ военномъ судѣ въ дѣлѣ трехъ полковниковъ и одного подполковника. Командиръ 1-й бригады генералъ Озюбининъ, до сихъ поръ исполнявшій должность председателя, подалъ въ отставку по болѣзни. Судъ надъ полковниками Максимовичемъ, Бачмановымъ, Горбуновымъ и подполковникомъ Миловскимъ длился уже нѣсколько лѣтъ. Они обвинялись въ разныхъ нечестныхъ дѣяніяхъ съ провіантомъ, солдатскими деньгами, обмундированіемъ, въ несообщеніи объ умершихъ и т. п. Они командовали резервными бригадами Кавказской арміи, стоявшими на югѣ Россіи, поэтому приходилось все время сноситься съ далекимъ Кавказомъ, что и затянуло дѣло въ военномъ судѣ на такой долгій срокъ. Мнѣ было передано Высочайшій приказъ окончить дѣло до 1-го іюня по имѣвшемуся на лицо слѣдствію и доказательствамъ. Одна краткая выписъ занимала четыре тысячи писанныхъ страницъ, пять аудиторомъ и 50 писарей были заняты этимъ дѣломъ. При дѣлѣ еще было тайное слѣдствіе, касавшееся брата Максимовича, командовавшаго образцовымъ полкомъ въ Петербургѣ. Засѣдая съ утра до вечера въ судѣ, я очень рѣдко видѣлъ свою семью, остававшуюся въ Ново-Борисоглѣбскѣ. Неудача положительно преслѣдовала эту семью: во время моего отсутствія два младшихъ сына заболѣли скарлатиною, старшаго, Николая, однако, удалось отъ заразы охранить, помѣстивъ его на время къ нашему любезному коменданту полковнику Васютинскому.

1-го мая дѣло подвинулось настолько впередъ, что можно было прочесть обвиняемымъ рѣшеніе суда. Теперь я могъ довести инспектору военныхъ поселеній графу Никитину, что судебная работа окончена, что остается только собрать и переплести дѣла. Для ускоренія послѣдней работы графъ приказалъ выслать изъ поселеній нѣсколько переплетчиковъ.

1-го мая надъ Чугуевымъ разразилась страшная гроза съ ливнемъ и градомъ. Вода устремилась по улицамъ съ такою силой, что снесла большой

каменный мостъ и уничтожила сады. Въ этотъ день утонуло 52 коровы. Гроза длилась отъ шести до девяти часовъ вечера. Я въ жизни своей не испыталъ ничего подобнаго.

29-го все дѣлопроизводство было окончено, 52 тома были уложены въ сундуки и на трехъ тройкахъ отправлены въ аудиторскій департаментъ. Приговоръ суда былъ слѣдующій: три полковника лишились всѣхъ правъ состоянія и подвергались разжалованію въ рядовые, Макенмовичъ былъ кромѣ того приговоренъ къ восьми годамъ каторги (Государь сбавилъ ему этотъ срокъ на четыре года); подполковникъ былъ также лишенъ правъ состоянія и разжалованъ въ рядовые. Я не хочу здѣсь разбирать ихъ дѣла, но долженъ сознаться, что наказаніе было ими вполне заслужено, въ особенности Макенмовичемъ, совершившимъ неслыханныя преступленія по службѣ.

31-го я возвратился въ свою бригаду.

23-го іюня вся наша семья и полковникъ Клэронтъ предприняли поѣздку къ моему брату Карлу въ его штабъ-квартиру въ Ново-Астрахань, которая въ то же время была мѣстомъ стоянки Астраханскаго кирасирскаго полка (3-го), которымъ командовалъ полковникъ Владиміръ Кноррингъ. Здѣсь мы провели два дня.

27-го, въ сопровожденіи брата, мы поѣхали осматривать Святогорскій монастырь, живописно расположенный среди густыхъ лѣсовъ на мѣловой скалѣ надъ Донцомъ. Архимандритъ Арсеній былъ мнѣ знакомъ, принялъ насъ очень радушно и съ своего стола присылалъ намъ довольствіе и все необходимое въ монастырскую гостиницу, въ которой мы остановились. Мы осматрѣли всѣ достопримѣчательности, церкви, ходы, высѣченные въ скалѣ, съѣздили въ великолѣпное имѣніе графа Потемкина, влѣзали на всѣ окрестныя горы, дабы восхищаться отсюда дивнымъ видомъ, и усталые вернулись въ гостиницу. Дома насъ поджидать архимандритъ и подарилъ мнѣ на память видъ монастыря, женъ крестикъ, очень искусно выточенный изъ кипарисоваго дерева, а дѣтиамъ ложки изъ того же матеріала. Вечеромъ онъ отдалъ въ наше распоряженіе большую монастырскую лодку и мы совершили прекрасную поѣздку по Донцу. Доѣхали до мѣста постройки новаго скита. По возвращеніи домой, архимандритъ пригласилъ насъ въ свой садъ, гдѣ угостилъ насъ чаемъ, фруктами и сластями. Мы поблагодарили его отъ всей души за гостепріимство и простились съ нимъ, такъ какъ рано утромъ собирались въ путь. Всѣ дни, проведенные въ монастырь, мы считались его гостями и намъ ни за что не разрѣшали платить.

30-го выѣхали, прослѣдовали черезъ Изюмъ, и 1-го іюля прибыли въ Ново-Серпуховъ, гдѣ обѣдали у генерала Стоббе, командира Серпуховскаго уланскаго полка. Братъ Карлъ отѣлился отъ насъ еще въ монастырь и уѣхалъ въ Славянку. Вечеромъ мы были уже дома.

26-го. Всею семьею поехали черезъ Зміевъ въ Гуляй-поле, имѣніе г. Яковлева, гдѣ переночевали, и утромъ осмотрѣли его интереснѣйшую пасѣку, въ которой все улья были выдѣланы изъ разнаго дерева и имѣли самыя вычурныя очертанія, представляя то людей, то животныхъ. Отсюда поехали въ Водолагу къ тещѣ моего дяди графа Сиверсѣ,—Душиной. У нея была собрана вся ея семья. Здѣсь провели 28-е и 29-е и опять черезъ Гуляй-поле возвратились домой. Въ Москвѣ съ большою торжественностью праздновалось двадцатипятилѣтіе со дня коронаціи императора Николая, и нашъ корпусный командиръ генералъ Гельфрейхъ поѣхалъ въ Москву. Начальникъ дивизіи временно командовалъ корпусомъ, а я—дивизіею. Такъ какъ весь корпусъ былъ въ сборѣ, то и мы отпраздновали этотъ день—парадомъ, большимъ баломъ и пиллюминаціею. Сейчасъ же по возвращеніи въ Ново-Борисоглѣбскъ меня постигло большое горе, пришлось лишиться моего бригаднаго адъютанта Хандакова, умершаго отъ болѣзни сердца, которою онъ давно страдалъ. На его мѣсто былъ назначенъ поручикъ Гревсѣ. Въ первыхъ числахъ октября намъ сообщили печальную вѣсть о кончинѣ моего тестя генерала-отъ-инфантеріи барона Дризена, директора капиула Россійскихъ орденовъ, умершаго 30-го сентября въ Петербургѣ. Тѣло его было перевезено въ Митаву и похоронено въ родовомъ склепѣ бароновъ Дризенъ.

17-го ноября уланскій принца Александра Гессенскаго полкъ получилъ приказаніе именоваться впредь Борисоглѣбскимъ уланскимъ полкомъ. Оказалось, что императоръ Николай лишилъ принца шефства и чина генералъ-майора за то, что тотъ противъ его воли женился на фрейлинѣ графинѣ Юліи Гауке, сестрѣ моей племянницы баронессы Эмилиіи Штакельбергъ-Лиліенбахъ. Она получила въ Гессенѣ титулъ княгини Баттенбергъ¹⁾. Принцъ послѣ этого былъ принужденъ покинуть Россію. Въ этомъ году одна смерть слѣдовала за другою: 12-го декабря мы получили отъ сестры Софіи извѣщеніе о смерти племянницы Анны, младшей дочери брата Карла. Она похоронена на нашемъ родовомъ кладбищѣ въ Рагтаферѣ.

1852 годъ. Январь этого года принесъ намъ массу служебныхъ перемѣнъ. Начальникъ дивизіи Пилларъ сообщилъ мнѣ письмомъ, что рѣшено уменьшить численность кавалеріи, причемъ въ числѣ прочихъ предназначена къ расформированію и моя бригада. При этомъ онъ приказалъ ремонтерамъ прекратить закупку лошадей и вернуться въ полки. Тоже самое должно было произойти и въ 6-ой легкой кавалерійской дивизіи. Ея первая уланская бригада уничтожалась и должна была быть замѣнена въ дивизіи нашею 1-ою бригадою. Уланская дивизія перестала существовать.

¹⁾ Сынъ ея Александръ былъ впоследствии княземъ болгарскимъ.
«журн. и. р. в.-ист. общ.», 1912 г. № 7.

31-го декабря 1851 года я былъ зачисленъ по кавалеріи, но уже на слѣдующій день 1-го января 1852 года былъ назначенъ командиромъ 2-ой бригады 1-ой кирасирской дивизіи на мѣсто моего брата Карла, въ свою очередь перемѣщеннаго въ командиры 1-ой бригады 1-ой легкой кавалерійской дивизіи въ Вильнѣ. Эту новость братъ узналъ только 15-го числа у насъ и былъ этимъ крайне пораженъ. Такъ какъ я перешелъ теперь въ кирасиры, а братъ—въ легкую кавалерію, то мы тутъ же обмѣнялись верховыми лошадьми, подходящими къ тому роду службы, въ который переходили. Клэронтъ въслѣдствіи получилъ другой полкъ въ 7-ой дивизіи (онъ умеръ отъ холеры), Стоббе получилъ бригаду въ 3-ей легкой дивизіи.

Въ началѣ февраля я поѣхалъ въ Ново-Екатеринославъ, гдѣ явился начальнику дивизіи генераль-лейтенанту Мазуркевичу, а оттуда въ Ново-Астрахань къ брату Карлу, квартиру котораго долженъ былъ занять. Здѣсь ко мнѣ сейчасъ же явился полковникъ Кноррингъ и представилъ всѣхъ своихъ офицеровъ. Однако же переѣхать въ Ново-Астрахань еще нельзя было, такъ какъ въ Ново-Борисоглѣбскѣ я долженъ былъ присутствовать при расформированіи полковъ бригады, при передачѣ лошадей въ другіе полки, а обмундировки, снаряженія и запасовъ въ комиссаріатскую комиссію. Какъ только началось дѣло съ послѣднею, такъ пошли грязныя исторіи. Съ цѣлью выманить у полковыхъ командировъ взятки, ихъ на каждомъ шагѣ подводили и шиканировали. Наконецъ эти безобразія были доведены до свѣдѣнія Государя, и посланный имъ для наблюденія за дѣломъ флигель-адъютантъ полковникъ Волковъ, насколько могъ, уменьшилъ злоупотребленія. Совѣмъ искоренить всѣхъ мерзостей онъ не имѣлъ возможности.

17-го братъ Карлъ уѣхалъ на новое мѣсто служенія въ Поневѣжъ и передалъ намъ свою квартиру. Не имѣя возможности тащить съ собою въ Вильну все свое имущество, онъ оставилъ намъ много вещей, въслѣдствіи очень намъ пригодившихся. Въ числѣ ихъ были: большой зеленый фургонъ, посуда съ нашимъ гербомъ, десять томовъ «*Illustration française*», чудная шкапулка и много другихъ. Жизнь кипѣла ключемъ. Для приѣмки лошадей, людей и снаряженія явилась масса народа—генералы, полковники и оберъ-офицеры. Всѣ обѣдали у насъ. Ежедневно мы видѣли генерала Роопъ, флигель-адъютантовъ Волкова и Анненкова, полковниковъ графа Нирода, Халецкаго и другихъ. Временно жили здѣсь, остановившись у насъ, и полковникъ Гермейеръ съ молодою женою. Часто посѣщали насъ генералъ Пилларъ съ женою, рожденною княгиніею Кудашевою, баронъ Раденъ и другіе помѣщики.

1-го марта я присутствовалъ на прощальномъ обѣдѣ, данномъ офицерами полка полковнику Клэрону.

2-го апрѣля баронъ Пилларъ, я, Клэронтъ и Стоббе получили Высочайшую благодарность за порядокъ и быстроту при расформированіи бригады.

Приказъ былъ редактированъ словами: «въ особенности».—1-ой кирасирской дивизіи было приказано перемѣнить мѣсто стоянки и изъ Харьковской губерніи перейти въ Кіевскую и Подольскую. Не имѣя возможности перевести недавно купленную мебельровку квартиры на такое огромное разстояніе, болѣе 1000 верстъ, я былъ принужденъ распродавать ее и, конечно, съ большимъ убыткомъ. Оставили себѣ самое необходимое, въ томъ числѣ и фортепіано, а остальное продали довольно сносно. Ранѣе перехода въ Подолію, Государь назначилъ всему 1-му резервному кавалерійскому корпусу смотръ въ Елизаветградъ въ сентябрѣ. Такъ какъ до окончательнаго выступленія на новыя стоянки могло пройти болѣе мѣсяца, а мы были безъ пристанища, то дядя жены, генералъ Дризенъ, предложилъ всей нашей семьѣ помѣститься на это время у него въ Красноселкѣ. Мы, конечно, съ благодарностью приняли это предложеніе. Простившись со всѣми друзьями, жена съ дѣтьми и гувернанткою баронессою Медемъ уѣхала въ Харьковъ, гдѣ остановилась на нѣсколько дней и причастилась у пастора Ландезена. 20-го она выѣхала, 24-го была въ Кременчугѣ, гдѣ на нѣсколько дней останавливалась въ имѣніи генерала Пиллара, Белецковѣ, у его жены, и 29-го прибыла съ дѣтьми въ Красноселку. Проводивъ семью до Харькова, я вернулся въ Ново-Борисоглѣбскъ, гдѣ все еще не окончилась сдача амуниціи въ комиссаріатскую комиссію. Уложивъ всѣ нужныя вещи, я отправилъ пока лошадей, карету и дрожки въ Ново-Миргородъ.

30-го мая я получилъ приказаніе отбыть къ новому мѣсту служенія. Мѣста стоянокъ нашей расформированной уланской дивизіи заняли полки 6-ой легкой кавалерійской дивизіи (генералъ-лейтенантъ Ланской), мѣсто нашего 3-го полка занялъ гусарскій герцога Лейхтенбергскаго полкъ (полковникъ Халецкій). Въ мою бывшую квартиру въѣхалъ бригадный генералъ Величко.

3-го іюня, простившись со всѣми, я покинулъ Ново-Борисоглѣбскъ, пробывъ въ немъ два года, пять мѣсяцевъ и десять дней. По дорогѣ являлся начальнику дивизіи и 5-го іюня прибылъ въ Ново-Астрахань, гдѣ командиръ полка и начальство военного поселенія немедленно явились ко мнѣ. Сейчасъ же принялись за подготовку къ походу въ Елизаветградъ, пріѣхалъ начальникъ штаба инспектора военныхъ поселеній генералъ фонъ-дербъ-Лауницъ и сдѣлалъ намъ нѣсколько провѣрочныхъ смотровъ. Вслѣдъ за этимъ тронулись: 11-го іюля вышелъ 4-й полкъ нашей дивизіи, Псковскій кирасирскій Паслѣдницы Цесаревны полкъ, 13-го іюля ушелъ 3-й, Астраханскій кирасирскій, а вмѣстѣ съ нимъ и я.

17-ое число я провелъ въ Святыхъ Горахъ, а 20-го прибылъ въ Славянскъ, гдѣ ознакомился съ солеварнями и купаньями. Провѣщая имѣніе госпожи Бахметевой, рожденной Дуниной,—Александровку, я остановился и

провелъ здѣсь два дня. У нея были ея дочери Герасимова и княгиня Голицына. Последняя подарила мнѣ на прощаніе маленькій кофейникъ, имѣвшій видъ самовара, который и посейчасъ (1875) хранится въ Меддерсѣ. Въ Павлоградѣ я также провелъ два дня. Провѣзая черезъ множество городовъ и имѣній, мы вездѣ бывали радушно приняты. Не имѣя возможности перечислить въ этихъ запискахъ всѣхъ милыхъ друзей, пріютившихъ меня за это время, я ссылаюсь на мой ежедневный дневникъ, въ которомъ подробно описано времяпрепровожденіе каждаго дня.

2-го августа, недалеко отъ Екатеринослава, я встрѣтилъ стараго Харьковскаго знакомаго по 1828-ому году помѣщика Герсегованова и его жену, пригласившихъ меня остановиться у нихъ. Я принялъ ихъ предложеніе, въ 8 часовъ вечера переправился черезъ полтораверстный мостъ на плотахъ черезъ Днѣпръ и въ 9 часовъ вечера прибылъ въ эlegantный домъ Герсеговановыхъ, расположенный въ гористой, живописной мѣстности. Изъ оконъ былъ великолѣпный видъ на Днѣпръ и окрестности города.

3-го августа 3-й полкъ вступилъ въ городъ. Вечеромъ я присутствовалъ съ моими гостепріимными хозяевами на балу въ Дворянскомъ собраніи, выстроенномъ когда-то княземъ Потемкинымъ.

4-го прибылъ 4 полкъ. Вечеромъ былъ опять балъ въ клубѣ.

5-го я осматривалъ всѣ достопримѣчательности города, причемъ большое впечатлѣніе произвела на меня бронзовая статуя императрицы Екатерины II, поставленная городомъ своей основательницей. Очень интересенъ былъ госпиталь съ отдѣленіемъ для умалишенныхъ. Вечеромъ былъ балъ у помѣщика Пнатьева, на которомъ выдѣлялась своею красотою госпожа Риндаль.

6-го я осмотрѣлъ городской садъ съ его замѣчательною растительностью; особенно поразила меня громадный дубъ, очень крупная бѣлая акація и деревья съ тюльпанами, какихъ я еще никогда не видалъ. Въ этотъ день я принялъ временное командованіе дивизіею. Желая посѣтить подъ Кременчугомъ въ его имѣніи моего бывшаго начальника дивизіи барона Циллара, я выѣхалъ вечеромъ изъ Екатеринослава и ночью нагналъ выдѣланный впередъ штабъ дивизіи. 7-го проѣхалъ Верхне-Днѣпровскъ и Крюковъ и вечеромъ прибылъ въ Белецковку къ Цилларамъ. У нихъ я провелъ нѣсколько дней, посѣтилъ въ Кременчугѣ семейство Лауницъ и 13-го продолжалъ въ Александрію, гдѣ нагналъ 3-й полкъ. Здѣсь возобновилъ знакомство за 1836, 1837 и 1838 года съ помѣщикомъ Коновальскимъ и посѣтилъ его въ имѣніи Войновъ. Во время моей службы въ Новой Прагѣ его престѣнная молодая жена танцевала со мною на всѣхъ нашихъ вечерахъ. 15-го вечеромъ я достигъ Новой Праги и остановился у Фитингофа, все еще командовавшаго 2-й кирасирскою дивизіею; 16-го присутствовалъ на репетиціи церемоніаль-

наго марша всей 2-й кирасирской дивизии, посетить моих старых друзей Романовых, Добровольских, Бривеских, и послѣ объѣда уѣхать въ Елизаветградъ, гдѣ остановился въ лагерь въ баракъ.

18-го поѣхалъ въ Красноселку, гдѣ нашелъ свою семью здоровою и веселою. Посѣтивъ Гревсовъ и Красовскихъ, и возвратился 22-го въ Елизаветградъ. Семья должна была поѣхать туда за мною 7-го сентября, и поэтому я занялся приготовленіемъ для нея квартиры. Къ 4-му сентябрю весь 1-й резервный кавалерійскій корпусъ былъ въ сборѣ. Онъ состоялъ изъ 1-ой и 2-ой кирасирскихъ и резервной уланской дивизій. Командиромъ корпуса былъ генералъ-лейтенантъ Гельфрейхъ, его начальникомъ штаба графъ Ламбертъ, 1-ю кирасирскою дивизіею командовалъ генералъ Мазуркевичъ, 2-ю—баронъ Фитингофъ, уланскою—генералъ баронъ Николай Корфъ. Со всѣхъ сторонъ съѣхались въ Елизаветградъ мѣстные помѣщики. Хотя моя семья и переехала въ городъ, тѣмъ не менѣе я остался жить въ лагерь, такъ какъ мы цѣлый день были заняты ученьями. Только изрѣдка навѣдывался къ нимъ. Столовался я въ офицерской столовой 3-го полка. Въ городскомъ театрѣ часто проходили концерты, на которыхъ я восхищался артистическою игрою на виолончели господжи Христиани и пѣніемъ братьевъ Венявскихъ.

19-го пріѣхалъ Государь.

20-го состоялся первый большой смотръ. Когда я проходилъ мимо Государя во главѣ своей бригады, и вдругъ услышалъ за собой лошадиный топотъ; оказалось, что прискакалъ великій князь Николай Николаевичъ и, ставъ за мною, салютовалъ по моей командѣ. Онъ только что былъ назначенъ шефомъ Астраханскаго кирасирскаго полка. Послѣ парада въ собраніи полка за объѣдомъ были за здоровье новаго шефа. Будучи дежурнымъ, въ 9 часовъ вечера я подходилъ съ рапортомъ къ Государю. Вечеромъ былъ на балу въ Дворянскомъ клубѣ, на которомъ присутствовали великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи.

21-го утромъ я снова былъ съ рапортомъ у Государя. Въ то же утро великій князь Николай Николаевичъ пріѣхалъ въ лагерь, чтобы явиться начальнику дивизіи и бригадному командиру своего полка. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе отъ генерала барона Корфъ, и по его совету ушелъ изъ дому, чтобы облегчить великому князю эту задачу и не заставить его выходить изъ экипажа.—Моя жена проводила время очень весело въ кругу старыхъ знакомыхъ; у нея часто бывали графъ Никитинъ, Гельфрейхъ, графъ Ламбертъ, графъ Ниродъ, генералъ-адъютантъ Бетанкуръ и другіе. На большомъ объѣдѣ у Государя Онъ благодарилъ всѣхъ за блестящій смотръ и «въ особенности 1-ю кирасирскую дивизію».

22-го послѣ объѣда Государь собралъ у себя въ столовомъ залѣ всѣхъ генераловъ и далъ имъ указанія для большого маневра, въ которомъ дол-

женъ былъ участвовать весь корпусъ. Вечеромъ былъ опять балъ въ Дворянскомъ клубѣ въ присутствіи великихъ князей.

23-го, въ 8 часовъ утра, я явился великому князю Николаю Николаевичу, чтобы благодарить за визитъ 21-го числа. Большой корпусный маневръ, объясненный вчера Государемъ, длился отъ 11-ти до 5-ти часовъ дня.

24-го утромъ Государь вновь собралъ во дворцѣ всѣхъ начальниковъ и разобралъ вчерашній маневръ. При этомъ я имѣлъ счастье слышать изъ его устъ, что я вѣрнѣе всѣхъ понялъ его идею, и поэтому дивизія выполнила задачу блестяще «и по праву можетъ называться первой!». Послѣ разбора Государь уѣхалъ въ Вознесенскъ. Съ громовымъ ура! проводили его до коляски. Моя жена и дѣти присутствовали при отъѣздѣ Государя. Никто изъ насъ не чувствовалъ, что видѣлъ своего обожаемаго Монарха въ послѣдній разъ въ жизни! Скоро разошлись по стоянкамъ и весь корпусъ и я съ семействомъ покинулъ Елизаветградъ. На нѣсколько дней остановились въ Ново-Миргородѣ, отсюда посѣтили въ его имѣніи Карловкѣ дядю нашей гувернантки баронессы Елизаветы Медемъ и оставили ее тамъ. Она поселилась у дяди и болѣе въ нашъ домъ не возвращалась.

1-го октября мы прибыли въ Умань, гдѣ квартировать штабъ нашей дивизіи. Здѣсь пробыли нѣсколько дней и ежедневно посѣщали великолѣпный «Царицынъ» садъ (бывшее имѣніе Потоцкаго—Софіевку). Оставивъ здѣсь семью, я поѣхалъ одинъ въ Грановъ, гдѣ должна была расположиться моя бригада. Кое-какъ устроилъ квартиру и 8-го перевелъ сюда семью. И здѣсь мы подружались съ мѣстнымъ обществомъ и соседними помѣщиками. Особенно часто ѣздили къ помѣщику Збигневскому въ Кивочевку, отстоявшую отъ Гранова на 12 верстъ. Рѣдко я встрѣчалъ такой интересный садъ, какъ у него. Особенно поражалъ меня рѣдкій экземпляръ париковаго дерева (*Rhus cotinus*). Весь ноябрь мѣсяцъ я проболѣлъ очень серьезно и промучился до начала декабря.

22 декабря я получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст. Дѣти подросли и приходилось подумать о гувернерѣ. На наше счастье мы познакомились съ Эмилемъ фонъ-Гершельманъ, сыномъ д. ст. с. Ивана фонъ-Гершельманъ и племянникомъ нашего пробста въ Якоби. Такъ какъ онъ былъ свободенъ и искалъ себѣ мѣста, мы взяли его въ нашъ домъ домашнимъ учителемъ на жалованье въ 400 рублей въ годъ. Въ Грановѣ, маленькомъ мѣстечкѣ, особаго веселья нельзя было требовать, и мы жили, какъ могли. Каждый четвергъ и воскресенье у насъ были *jours fixes* и собирались всѣ офицеры 3-го полка съ командиромъ полковникомъ Кноррингомъ во главѣ. Почти ежедневно видѣлись съ комендантомъ Гранова майоромъ Золотаревымъ. Ближайшій отъ насъ городъ былъ Гайсинъ, откуда намъ привозили провизію. Зима была совершенно безснѣжной, только 1-го октября выпалъ небольшой снѣжокъ, который сейчасъ же стаялъ.

1853 годъ. Въ продолженіе этой зимы нашъ корпусный командиръ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, а оба мои командиры полковъ—Кноррингъ и Арсеньевъ—въ генералъ-маіоры. Начальникъ дивизіи былъ часто въ отлучкѣ, и мнѣ приходилось вступать въ командованіе дивизіею, для чего каждый разъ надо было ѣхать въ Умань. Остальную часть зимы провели безъ особыхъ происшествій; у насъ часто собирались и много занимались музыкою. Адъютантъ 3-го полка отлично игралъ на фортепіано. Часто прѣзжалъ къ намъ изъ Умани учитель музыки Черин (впослѣдствіи профессоръ С.-Петербургской консерваторіи) и своимъ недюжиннымъ талантомъ подарилъ намъ много прелестныхъ часовъ. Въ Умани я получилъ извѣстіе о кончинѣ 28 марта тетки Луизы фонъ Адеркасъ, рожденной баронессы Унгернъ-Штернбергъ, бывшей начальницы института Финнъ, и о ея погребеніи на нашемъ родовомъ кладбищѣ.

28-го Эмиль Гершельманъ, покинувъ домъ семейства Гулакъ, въ которомъ нѣсколько лѣтъ обучалъ дѣтей, переселился къ намъ и взялся за обученіе нашихъ сыновей.

20 мая неожиданно и одновременно прибыли къ намъ инспекторъ военныхъ поселеній графъ Пикитинъ и корпусный командиръ генералъ Гельфрейхъ и производили смотры нашему 3-му и 4-му полкамъ. 4-й полкъ (Псковской вѣрасирскій) стоялъ въ Ладыжинѣ, на рѣкѣ Бугѣ, въ 35 верстахъ отъ Гранова, и мнѣ приходилось часто ѣздить туда.

17 іюня Нефть прислалъ моей женѣ въ подарокъ нарисованный имъ портретъ ея матери. Какъ всегда, осенью были сборы полковые, бригадные и дивизионные. Начальника дивизіи не было, и я производилъ въ Умани ученія всей дивизіи.

9 августа я впервые наблюдалъ за очень большою кометою съ перпендикулярно торчащимъ вверхъ хвостомъ. Я наблюдалъ за нею черезъ очень хорошій сильный телескопъ, принадлежавшій уманьскому коменданту генералу Рубцу.

15-го я перевезъ на время всю свою семью въ Умань, такъ какъ мнѣ былъ предложенъ для этой цѣли флигель дворца. Кромѣ моей жены сюда на время дивизионнаго сбора съѣхалось очень много полковыхъ дамъ. Все общество по вечерамъ собиралось въ великолѣпномъ городскомъ саду, гдѣ я приказалъ полковымъ хорамъ трубачей играть поочередно. Изъ Умани наша дивизія должна была перейти на корпусный сборъ въ Елизаветградъ, но по Высочайшему повелѣнію сборъ былъ отмененъ и полки разошлись 31 августа по домамъ. Я остался съ семьею въ Умани до 1 сентября, затѣмъ мы вернулись въ Грановъ. Однакоже отъ 18 сентября до 3 октября я опять командовалъ дивизіею и долженъ былъ снова жить въ Умани.

18-го октября, въ день моего рожденія и именинъ нашего коменданта Золотарева, было устроено большое торжество. Утромъ пришелъ Кноррингъ со всѣми офицерами 3-го полка, чтобы поздравить меня, и, захвативъ меня съ собою, пошелъ поздравить Золотарева. У послѣдняго состоялся большой обѣдъ съ шампанскимъ. Оттуда на вечеръ все общество перешло ко мнѣ. Здѣсь мы были встрѣчены нѣсколькими очень милыми сюрпризами. Детская была превращена въ театръ. Гершельманъ и мои три сына сыграли очень хорошенъкую французскую пьеску, причемъ онъ самъ и мой сынъ Николай играли женскія роли. Вторымъ сюрпризомъ ожидалъ насъ въ залѣ. Постѣднїй былъ великолепно освѣщенъ множествомъ пестрыхъ фонарей, представлявшихъ различныя фигуры, готическій замокъ, людскую голову, животное, фрукты. Въ залѣ ожидалъ насъ хоръ трубачей Астраханскаго кирасирскаго полка и начались танцы, которые длились до 4 часовъ утра съ перерывомъ для ужина. Этотъ день провелъ у насъ сводный братъ жены, баронъ Вильгельмъ Дризенъ, корнетъ Орденскаго кирасирскаго полка.

19-го прїѣхалъ къ намъ изъ своего имѣнїя Немирова графъ Болеславъ Потоцкїй съ дочерью Марїею и ея гувернантками, нѣмкою, французенкою и англичанкою. 25-го октября Кноррингъ и я отдали ему визитъ въ Немировѣ, отстоящемъ отъ Гранава въ шестидесяти семи верстахъ.

30-го октября 3-й полкъ получилъ великолѣпный портретъ своего шефа великаго князя Николая Николаевича. Портретъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ и повѣшенъ въ залѣ командира полка. Этотъ день отпраздновали обѣдомъ съ шампанскимъ.

20-го ноября былъ объявленъ манифестъ о войнѣ съ Турціею.

5-го декабря я поѣхалъ со всѣмъ семействомъ и Гершельманомъ въ Немировъ, куда мы прибыли въ 9 часовъ вечера и помѣстились въ четырехъ великолѣпно убранныхъ комнатахъ флигеля при дворцѣ Потоцкихъ. Здѣсь намъ сейчасъ же былъ сервированъ чай, и мы переодѣлись съ дороги. У дверей флигеля насъ поджидалъ экипажъ и довезъ до дворца, хотя пройти было не болѣе двадцати шаговъ. У Потоцкихъ собралось огромное общество, среди котораго я нашелъ многихъ знакомыхъ: генераловъ Гротенгельмъ съ супругою и Стопакова, полковника Сталь фонъ Гольштейнъ, флигель-адъютантовъ Волкова и Дубельта и другихъ. Въ 12 часовъ мы вернулись въ наши апартаменты.

6-го декабря было тезоименитство Государя. Все общество собралось въ картинной галлерей и направилось отсюда въ православную домовую церковь (дочь Потоцкаго Марїя была православная, самъ Потоцкїй католикъ). Послѣ обѣда и молебна отправились завтракать. Въ 5 часовъ дня былъ блестящїй обѣдъ, а затѣмъ балъ. Здѣсь я познакомился съ графомъ Потоцкимъ изъ Дашева, съ его женою французенкою и съ графомъ Мошинскимъ. Жену

последняго, рожденную княжну Голицыну, я знавалъ еще ребенкомъ во Флоренціи.

7-го утромъ давалъ концертъ графскій оркестръ и мы играли на фортепіано, затѣмъ былъ завтракъ, обѣдъ и чудный балъ. Я рѣдко видѣлъ такое оживленіе, какъ на этомъ балу. Возвратившись въ Грановъ, сейчасъ же долженъ былъ встрѣтить графа Ламберта и генерала Мазуркевича, пріѣхавшихъ для проверки веденія занятій. На елку собрался у насъ почти весь гарнизонъ. На пріѣздинкахъ мы очередовались съ Золотаревыми: одинъ день собирались у нихъ, другой у насъ. На встрѣчу Нового года мы были приглашены къ Потоцкимъ, но, къ сожалѣнію, должны были отказаться, такъ какъ Мазуркевичъ уѣхалъ въ отпускъ и я долженъ былъ вступить въ Умань въ командованіе дивизіею. Въ этомъ году я проѣхалъ сравнительно мало, всего 1776 верстъ. Гостей къ обѣду и вечеру перебывало у насъ 1491 человекъ.

1854 годъ. 8-го января 3-й полкъ отпраздновать присылку портрета шефа великаго князя Николая Николаевича великолѣпнымъ баломъ въ квартирѣ командира полка Кнорринга. Балъ былъ такимъ оживленнымъ, что его возобновили на другой день. Оба раза танцовали до 6-ти утра. Со всехъ сторонъ съѣхались гости. Вскорѣ послѣ этого вечера мы получили печальную вѣсть о кончинѣ моего шурина Карла фонъ Эссена, умершаго въ Ревелѣ 19 декабря. Кноррингъ отпросился для поправленія здоровья въ годичный отпускъ и долженъ былъ поэтому сдать полкъ. Вместо него принялъ 3-й полкъ полковникъ Медвигъ, служившій прежде въ 1-мъ полку.

23-го онъ явился ко мнѣ по случаю пріема полка. Въ началѣ марта и мы, кирасиры, получили приказаніе приготовиться къ выступленію, такъ какъ наша армія уже перешла Дунай, а Государь видимо не довѣрялъ австрійцамъ. Выступленіе было назначено на 5 апрѣля, но затѣмъ отставлено. 3-го апрѣля офицеры Астраханскаго кирасирскаго полка чествовали своего уходящаго полкового командира Владиміра Кнорринга прощальнымъ обѣдомъ. 21-го мы устроили въ его честь прощальный балъ съ полковымъ оркестромъ, ужиномъ и шампанскимъ. Во время бала получили извѣстіе о смерти кузины, адмиральши Елизаветы Врангель, рожденной баронессы Россильонъ. 22-го пришелъ наконецъ приказъ всеѣ 1-й кирасирской дивизіи выступить и направиться къ австрійской границѣ. 2-ая кирасирская дивизія уже ушла. Мѣстомъ нашего назначенія былъ городокъ Новая Ушица, недалеко отъ Каменецъ-Подольска.

26-го выступили изъ Гранова 3-й полкъ и изъ Ладьяжина 4-й.

27-го я послѣдовалъ за моею бригадою, жена и дѣти проводили меня до лѣска въ верстѣ разстоянія отъ Гранова. 28-го я нагналъ 3-й полкъ при переправѣ черезъ Бугъ, длившейся отъ 10 часовъ утра до 6 вечера, такъ какъ

въ распоряженіи полка былъ только одинъ паромъ. Вечеромъ прибыли въ Брацлавъ. Путь лежалъ по великолѣпнымъ живописнымъ мѣстамъ Подолія. 30-го прибыли въ Джуринъ, гдѣ отдыхали два дня въ имѣніи графа Сабанскаго, очень радушно принявшаго всѣхъ насъ. 3 мая были въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, городкѣ съ рѣдко живописнымъ мѣстоположеніемъ. Покрытая лѣсомъ горы, быстро текущій Днѣстръ, на другомъ берегу его цвѣтущая Бессарабія даютъ этому городу безподобный по красотѣ видъ. Городъ сплошь населенъ зажиточными евреями, у которыхъ были отведены намъ квартиры. Я помѣщался у еврея Левисона въ очень элегантно обставленной квартирѣ. У госпожи Левисонъ было великолѣпное фортепіано, на которомъ мой адъютантъ Бурнаповъ и я много играли съ нею въ четыре руки. Чай пили въ чудномъ саду надъ Днѣстромъ. Сюда зашли къ намъ Медишъ съ полковникомъ Ахматовымъ, вновь назначеннымъ начальникомъ штаба корпуса на мѣсто графа Ламберта, получившаго въ командованіе Конную гвардію. 4-го мы были въ Ровнѣ, имѣніи Залѣскаго, гдѣ управляющій встрѣтилъ насъ отъ имени отсутствовавшаго владѣльца великолѣпнымъ обѣдомъ.

6-го я остановился на нѣсколько часовъ въ Куріловцахъ, гдѣ долженъ былъ остановиться и расположиться 4-й полкъ. Арсеньевъ уже устроился въ чудномъ домѣ графа Комаръ, моего бывшаго товарища по Конной гвардіи. Вечеромъ я продолжалъ въ Ольховцѣ, назначенная квартирою для штаба бригады и 3-го полка. Я получилъ хорошую комнату у старушки вдовы въ домикѣ, окруженномъ прелестными волошскими орѣховыми деревьями. Насколько мѣстность была прекрасна для глазъ, настолько она была затруднительна для передвиженія, особенно для нашихъ обозовъ. Постоянные крутые спуски и подъемы сильно утомляли лошадей. Ольховцы расположены на высокомъ плато, окруженномъ лѣсистыми долинами и ущельями. Каждый дворъ окруженъ фруктовымъ садомъ. У самаго села начинался чудный смѣшанный лѣсъ.

20-го я былъ вызванъ корпуснымъ командиромъ генераломъ Гельфрейхомъ въ Новую Ушицу, отстоявшую отъ насъ въ 17 верстахъ. Онъ устраивалъ въ своемъ саду вечеръ. Къ сожалѣнію, страшная гроза съ ливнемъ помѣшала празднеству. Вечеромъ я имѣлъ неосторожность уѣхать домой. Дороги были въ ужасномъ состояніи, съ горъ текли потоки воды и заливали низменные мѣста. Съ трудомъ пробрался я домой, мокрый и продрогшій, и сильно простудился. Корпусный командиръ передалъ мнѣ приказъ держать полки на военномъ положеніи; поэтому ежедневно производились проѣздки и люди и лошади приучались къ дѣйствіямъ на пересѣченной мѣстности. Привыкшимъ къ простору нашихъ степей новая мѣстность казалась очень несимпатичною. Приказаніе это было секретное. Мы были готовы выступить по первому приказанію. По слухамъ австрійцы стягивали къ своимъ границамъ много войсковыхъ частей.

26-го іюня я съѣздить въ Ушицу, а оттуда черезъ Миньковцы и Дунаевцы въ Каменецъ-Подольскъ, чтобы ознакомиться съ этимъ на рѣдкость живописнымъ городомъ. Губернаторъ князь Вяземскій, бывшій кавалергардъ, и вице-губернаторъ баронъ Григорій Корфъ изъ дома Сала были старые мои знакомые. Пробывъ тутъ нѣсколько дней и осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности турецкой и польской старины, я вернулся въ Новую Ушицу и оттуда въ Ольховцы.

5 іюля я получилъ приказаніе перейти съ 3-мъ полкомъ въ Гранловку, что и исполнилъ. Отсюда, съ разрѣшенія корпуснаго командира, съѣздить въ Грановъ, чтобы провѣдать свою семью, провелъ здѣсь нѣсколько дней и нагналъ выступившій во время моего отсутствія корпусъ въ Дунаевцахъ.

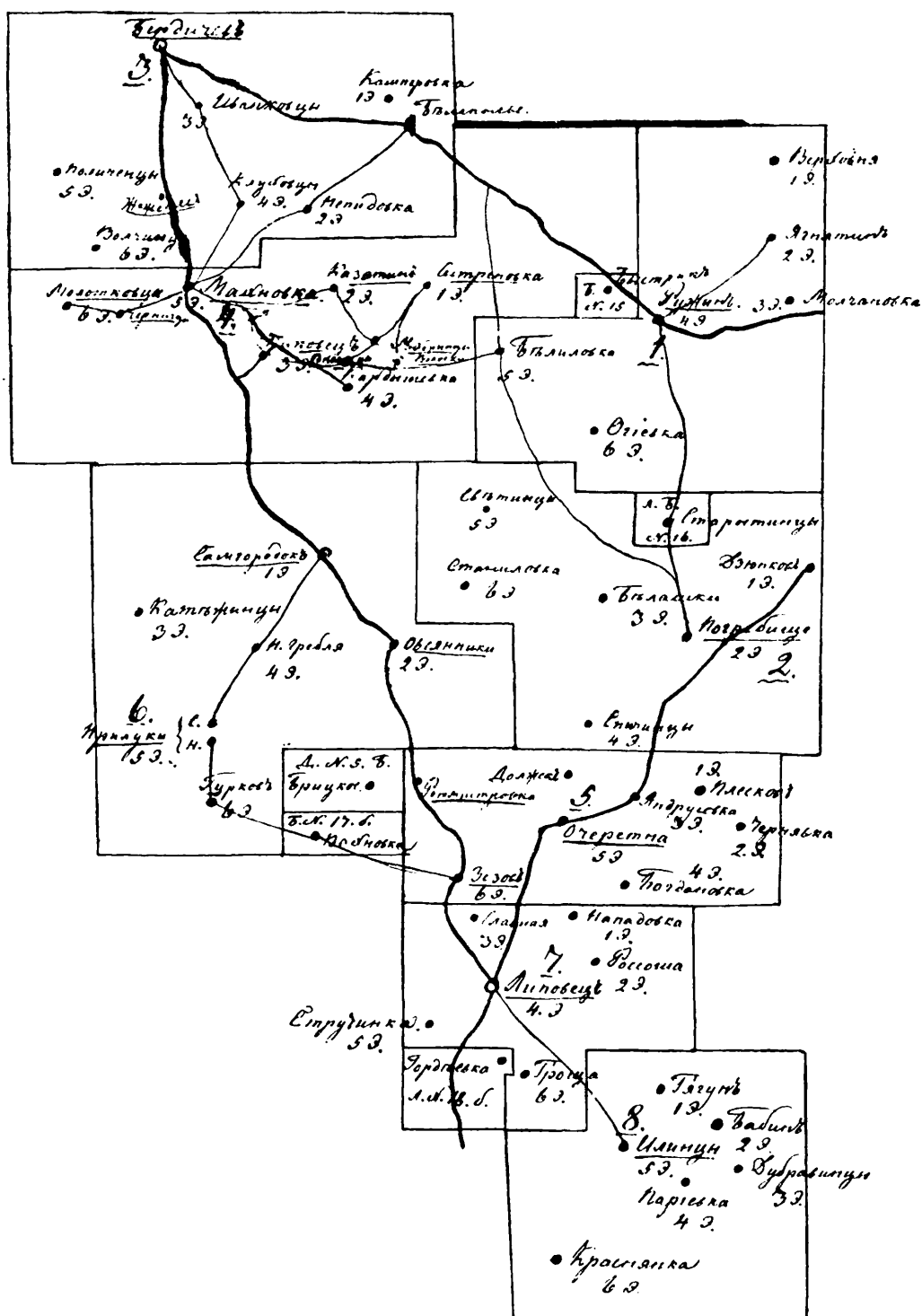
31-го мы прошли Ярмолинцы, затѣмъ Проскуровъ и 2-го августа прибыли въ Николаевъ, имѣніе графа Пжездецкаго.

4-го августа я съѣздить въ Черный Островъ, главное имѣніе графа, гдѣ стоялъ нашъ 4-й полкъ, и сдѣлать визитъ графской семьѣ. Великолѣпный дворецъ занимали два брата графы Пжездецкіе. Верхній этажъ былъ занятъ младшимъ братомъ съ прелестною женою, рожденною фонъ Лакманъ, отца которой я зналъ еще въ 1833 году во время моего пребыванія въ Теплицѣ. Старшій братъ, графъ Мстиславъ, жилъ въ нижнемъ этажѣ. Его супруга, рожденная графиня Комаръ, отсутствовала. На другой день она пріѣхала. По приглашенію Пжездецкихъ я остановился у нихъ и провелъ нѣсколько очень веселыхъ и интересныхъ дней. Будучи очень музыкальнымъ, объ графини много занимались музыкою и играли со мною въ четыре руки. Ежедневно устраивались пикники, обѣды и вечера. На первыхъ порахъ насъ своєю неустрашимостью и умѣніемъ править лошадьми жена младшаго Пжездецкаго. Ея великолѣпная четверка арабскихъ жеребцовъ, заложенныхъ à la Daumont, слушалась ее безпрекословно, и она справлялась съ нею, какимъ бы аллюромъ, до карьера включительно, эта четверка ни ходила. Изъ Чернаго Острова я ѣздить въ гости къ сосѣду Пжездецкихъ князю Абамелекъ въ его имѣніе Заруды.

13 августа я выслужилъ полныхъ 35 лѣтъ, исключая время, проведенное въ отставкѣ и отпускахъ, и при желаніи имѣлъ теперь право выйти въ отставку съ мундиромъ и полною пенсією.

25-го къ нашему великому огорченію пришло приказаніе выступить. Корпусный и дивизіонный штабы съ 3-мъ полкомъ были назначены въ Бердичевъ, я же съ 4-мъ полкомъ—въ Махновку. 30-го 4-й полкъ ушелъ въ Проскуровъ, гдѣ долженъ былъ простоять цѣлый день. Здѣсь насъ ожидалъ пріятный сюрпризъ. Графини Пжездецкія съ мужьями и сосѣдями пріѣхали въ Проскуровъ, чтобы проводить насъ и еще разъ проститься съ нами.

1-го и 2-го сентября мы провели въ Меджибожѣ, гдѣ осматривали старинный готическій замокъ, когда-то принадлежавшій князьямъ Чарторижскимъ. Те-

перь онъ принадлежитъ казѣ и уступленъ командиру полка, который помѣщается здѣсь съ штабомъ и трубаческою командою. Все устроено въ грандіозномъ стилѣ.

3-го мы были въ Летичевѣ, гдѣ осматривали выстроенный въ 1508 году великолѣпный костелъ, и 10-го прибыли въ Махновку, гдѣ стали бригадный штабъ и 4-й полкъ. Здѣсь мнѣ пришлось перемѣнить своего бригаднаго адъютанта. Замѣнившій Бурнапова Быковъ относился такъ неряшливо къ своимъ обязанностямъ и такъ часто отлучался безъ моего разрѣшенія, что я былъ вынужденъ откомандировать его обратно въ полкъ и взять къ себѣ въ адъютанты поручика 3-го полка Анисимова. Въ Махновкѣ я скоро познакомился съ мѣстною знатію и часто бывалъ у доктора Флигера, старушки Мазараки, ея сына и хорошенькихъ дочерей, въ семействѣ Крыжановскихъ и у доктора Одтевольскаго, съ женою котораго играть въ четыре руки. Кромѣ того посѣдняя великолѣпно пѣла.

6-го поѣхалъ въ Грановъ къ своимъ. По дорогѣ обѣдалъ въ Липовцѣ у генерала Фитингофа, почевалъ у графа Потоцкаго въ Дашевѣ, гдѣ познакомился съ его матерью, старою графинею Потоцкою, рожденною княжною Сангушко. Отсюда Потоцкій отправилъ меня на своихъ лошадяхъ черезъ Китай-Городъ въ Грановъ. Здѣсь я встрѣтилъ графа Болеслава Потоцкаго съ дочерью и гувернантками, прѣхавшими навѣстить мою жену. 18-го октября, день моего рожденія, я провелъ въ семьѣ. 20-го выѣхалъ въ Махновку. Жена и дѣти провожали меня до Дашева, гдѣ предполагали провести нѣсколько дней у Потоцкихъ. Пообѣдавъ въ Дашевѣ, я продолжалъ путь одинъ. 19-го ноября я получилъ печальное извѣстіе о кончинѣ моей старшей сестры Софіи, умершей въ Ревелѣ 7-го ноября.

21-го декабря вновь поѣхалъ въ Грановъ. По дорогѣ остановился у графа Потоцкаго въ Дашевѣ и вечеромъ онъ былъ опять такъ любезенъ, что далъ мнѣ свою чудную шестерку сѣрыхъ арабскихъ жеребцовъ, на которой въ дивную лунную ночь при одномъ градусѣ мороза я прослѣдовалъ въ Грановъ, куда и прибылъ въ полночь. Рождество и Новый годъ встрѣтилъ среди семьи и Грановскихъ знакомыхъ.

1855 годъ. 5-го января я возвратился въ Махновку.

16-го было странное явленіе: на небѣ были видны три солнца въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга. Два боковыхъ солнца бросали лучи въ стороны, противоположныя среднему, и походили на двѣ огненные кометы. Вечеромъ поднялась такая ужасная буря, какой я никогда еще не испытывалъ, въ одинъ мигъ улицы городка были загромажены сугробами, черезъ которые приходилось копать проходы.—Мнѣ часто приходилось замѣнять начальника дивизіи и я тогда жилъ въ Бердичевѣ. Здѣсь я посѣщалъ семей-

ство Шофнагель, съ которымъ познакомился еще въ 1827 году, когда выбиралъ людей для гвардіи. Старшій сынъ съ женою жилъ въ Бердичевѣ, одна сестра была замужемъ за кушомъ Люббе, другая—вдовствующая генеральша баронесса Врангель-Тольсъ жила въ деревнѣ, а третья, красавица, была замужемъ за княземъ Радзивиломъ. Люббе жили очень открыто и часто давали роскошные обѣды и вечера. На мѣсто генерала Рольцберга, исполняющимъ должность начальника штаба былъ назначенъ флигель-адъютантъ полковникъ Волковъ ¹⁾, который прѣхалъ сюда съ красавицею женою, дочерью поэта Пушкина. Я игралъ часто съ нею въ четыре руки на фортепiano.

27-го февраля я уѣхалъ въ Грановъ. По дорогѣ остановился въ Липовцѣ у генерала Фитингофа и отъ него узнать печальную вѣсть о кончинѣ Государя Императора Николая I (18-го февраля). И, конечно, немедленно возвратился въ Махновку. Вечеромъ 28-го февраля пришло официальное сообщеніе и приказъ нашему 4-му полку, именовавшемуся Псковскимъ кирасирскимъ Наслѣдницы Цесаревны полкомъ, именоваться отнынѣ Ея Величества полкомъ. 4-го марта пришелъ манифестъ о восшествіи на престолъ императора Александра II. Я немедленно собралъ весь 4-й полкъ и свой штабъ и привелъ ихъ къ присягѣ. 14-го пришло приказаніе замѣнить серьезно заболѣващаго начальника дивизіи генерала Мазуркевича и на слѣдующій день выступить съ дивизіею.

15-го вышелъ 4-й полкъ, 16-го третій, съ которымъ пошелъ и я. Въ первый день дошли до Самгорода, имѣнія генерала Ребиндера. Снѣгъ только что стоялъ и дороги были непроходимы. Къ счастью, я успѣлъ послать исправникамъ приказаніе на всѣхъ особо трудныхъ мѣстахъ, какъ напр. на гатяхъ и плотинахъ, приготовить по 50 паръ воловъ въ помощь нашимъ обозамъ. Это было выполнено и благодаря этому мы кое-какъ добрались до первого ночлега. Второй переходъ былъ еще затруднительнѣе, и мы дошли только до Зозова.

17-го вечеромъ я получилъ приказаніе остановить дивизію, такъ какъ ледоходъ по Бугу и сильный разливъ этой рѣки сдѣлали переправу въ данный моментъ невозможною. Я сейчасъ же послалъ полкамъ дивизіи приказаніе остановиться. За дальностью разстоянія и позднимъ временемъ приказаніе дошло до 2-го полка слишкомъ поздно и онъ нагналъ 1-й въ Липовцѣ. Для двухъ полковъ здѣсь мѣста не было. Получивъ рапортъ командировъ и не имѣя возможности снестись съ корпуснымъ штабомъ, я лично перемѣнилъ маршруты полковъ и благодаря этому удалось размѣстить ихъ нѣсколько удобнѣе, чѣмъ это было предусмотрено. Я остался въ Зозовѣ и жилъ

¹⁾ Авторъ ошибается: это былъ флигель-адъютантъ Дуббельтъ, дѣйствительно женатый на дочери А. С. Пушкина.

у стараго генерала Козловскаго, когда-то служившаго въ Конной гвардіи. Ежедневно приходили приказанія, которыя черезъ нѣсколько часовъ уже отменялись, неизвѣстно было, чего придерживаться. Чтобы быть поближе отъ начальства, я бросилъ Зозовъ и 23-го марта поѣхалъ черезъ Липовець, гдѣ стоялъ 1-й полкъ, Войтовцы, гдѣ стоялъ 4-й полкъ, и Ковалевку (Потоцкаго), гдѣ стоялъ 2-й полкъ, въ Немировѣ, гдѣ остановился у Потоцкаго. Здѣсь я встрѣтилъ генерала Фитингофа, который со своею 2-ою кирасирскою дивизіею былъ въ томъ же непріятномъ положеніи, какъ и мы. Вечеромъ пріѣхалъ сюда корпусной командиръ генералъ Гельфрейхъ и далъ намъ кое-какія директивы. Онъ вынулъ одобрилъ мои распоряженія по разстановкѣ полковъ и разрѣшилъ и въ будущемъ дѣйствовать по своей инициативѣ, но съ тѣмъ, чтобы не нарушать чужихъ маршрутовъ и приходилъ съ дивизіею въ назначенное ей мѣсто. Пользуясь этимъ разрѣшеніемъ, я сейчасъ же вызвалъ въ Немировъ 4-й полкъ. Государыня Императрица, шефъ этого полка, прислала ему серебряную икону, которую я пока сохранялъ въ штабѣ дивизіи. Теперь я рѣшилъ торжественно передать эту икону полку въ праздникъ св. Пасхи. Полкъ пришелъ, и наканунѣ перваго праздника Пасхи къ заутренѣ въ православной церкви дворца въ Немировѣ собрались всѣ офицеры 4-го полка и часть нижнихъ чиновъ. Въ первый день праздника утромъ я устроилъ церковный парадъ и здѣсь торжественно передалъ полку царскій подарокъ. Графъ Потоцкій далъ офицерамъ великолѣпный обѣдъ во дворцѣ, а кирасирамъ—угощеніе въ манежѣ. Послѣ этого двинулись дальше и съ большими затрудненіями переправились на единственномъ паромѣ черезъ Бугъ.

30-го марта я прибылъ въ Жабокричъ, назначенный мѣстомъ стоянки штаба дивизіи. Здѣсь мы поехали на тотъ же путь, по которому въ прошломъ году шли къ Могилеву-на-Днѣстрѣ. За прошедшій годъ мы описали такимъ образомъ огромный кругъ. Корпусной штабъ помѣщался въ Браиловѣ. Съѣздивъ туда по дѣламъ службы, я нашелъ письмо отъ сестры моей жены баронессы Елены Крюденеръ, въ которомъ она мнѣ сообщала о смерти своего мужа, скончавшагося 12-го февраля въ Петербургѣ отъ холеры.

4-го апрѣля пріѣхалъ выздоровѣвшій начальникъ дивизіи генералъ Мазуркевичъ и принялъ командованіе. Я воспользовался этимъ и на почтовыхъ поскакалъ въ Грановъ.

22-го я былъ снова при дивизіи и стоялъ съ 4-мъ полкомъ въ Джуричѣ у графа Сабанскаго. Еще въ бытность въ Немировѣ, генералъ Гельфрейхъ сообщилъ Фитингофу и мнѣ о перемѣнѣ обмундированія въ войскахъ и о замѣнѣ узкихъ бѣлыхъ генеральскихъ брюкъ красными съ широкими золотыми позументами. Въ полковыхъ пвальныхъ закипѣла работа, такъ какъ было приказано по возможности скорѣе переодѣть части въ новую форму.

13-го мая въ Джуринѣ прѣхало семейство Сабанскихъ, бывшее долгое время въ отсутствіи, и я теперь проводилъ у нихъ все свободное время. Старый графъ былъ очень недалекій человѣкъ и игралъ въ семьѣ довольно печальную роль. Жена его и три дочери были очень милыя женщины. Старшая дочь Венцеслава великолѣпно играла на фортепіано, вторая, Ванда, артистически вышивала по канвѣ, а третья—Тереза, двѣнадцати лѣтъ, была прелестное дитя. При домѣ былъ чудный паркъ съ озерами, на которыхъ плавали стада лебедей. Мы часто дѣлали прогулки по водѣ на веслахъ и парусахъ. Къ сожалѣнію, погода не благопріятствовала намъ, постоянные дожди испортили дороги. Отъ послѣдняго обстоятельства особенно страдалъ я, такъ какъ мнѣ почти ежедневно приходилось объѣзжать поля и дѣлать имъ всевозможные смотры. Мы были въ то время приписаны къ центральной арміи и состояли подъ командою генераль-адъютанта Панюткина (сынъ его былъ юнкеромъ въ школѣ, когда я командовалъ тамъ эскадрономъ). Въ существованіе этой арміи никто серьезно не вѣрилъ; мнѣ кажется, что нашъ корпусъ былъ единственнымъ и что другихъ частей въ ней не насчитывалось. Изъ Севастополя ежедневно приходили грустные вѣсти и настроеніе было угнетенное. Изъ Джуринѣ я ѣздилъ нѣсколько разъ въ Грановъ, между прочимъ, провелъ тамъ и день рожденія жены, 19-ое іюня. Въ Джуринѣ мы оставались до 1-го сентября. Жилось здѣсь очень весело, устраивались пикники въ лѣсу и гулянья въ паркѣ съ чудною пасѣкою и массою оленей. Въ отдѣленіи парка развѣданы особыя улѣткі, изъ которыхъ приготовляли вкусное блюдо—форшмакъ. Лѣтомъ было нѣсколько случаевъ холеры.

1-го сентября мы выступили и направились въ Балту. Я сдѣлалъ крюкъ черезъ Грановъ и нагналъ бригаду въ Чечельникѣ, имѣннѣ графа Гудовича, гдѣ былъ принятъ очень радушно. Въ сосѣдствѣ жилъ старикъ баронъ Штапельбергъ, болѣе тридцати лѣтъ хозяйничавшій въ своемъ имѣніи. Я заѣхалъ и къ нему. Въ Балтѣ мы получили приказаніе немедленно идти въ Одессу, невдалекѣ отъ которой появился соединенный англо-французскій флотъ и гдѣ ожидали вторую бомбардировку города, а можетъ быть и непріятельскую высадку. Не успѣли мы дойти до Северинки, послѣдней станціи передъ Одессою, какъ получили 1-го октября приказаніе поспѣшить форсированными маршами къ Николаеву. Оказалось, что непріятельскій флотъ отплылъ въ направленіи на Кишбургъ и Очаковъ. Дѣлая ежедневно, безъ дневокъ, сорокъ или сорокъ пять верстъ, люди и лошади сильно устали. Въ степяхъ было очень мало колодезей, и намъ приходилось разыскивать питьевую воду на далекомъ разстояніи. Сильно задерживали нашъ маршъ и лиманы, которые приходилось обходить, на что требовалось много времени. Черезъ одинъ изъ этихъ лимановъ мы переправлялись по плавучему мосту длиною въ двѣ версты, а далѣе по гатамъ.

5-го октября на переходъ въ Козловъ при бомбардировкѣ непріятелемъ Кинбурна мы явственно слышали каждый отдѣльный выстрѣлъ.

6-го вечеромъ въ 12 часовъ при полнолуніи вошли въ Варваровку, село, расположенное на правомъ берегу Буга, ширина котораго здѣсь болѣе версты. На другомъ берегу лежалъ Николаевъ и съ Варваровкою соединялся только паромомъ. Соединеніе было крайне неудобное, такъ какъ каждый переѣздъ парома черезъ рѣку длился около часа времени. Императоръ Александръ II жилъ въ Николаевѣ, по ту сторону Буга. Наша дивизія стала бивакомъ въ Варваровкѣ, между 4-ою и 5-ою линіями укрѣпленій. Тутъ мы уже нашли приказаніе на другой же день быть готовыми представиться Государю. Несмотря на то, что мы прибыли поздно ночью, сейчасъ же принялись за чистку стальныхъ кирасъ и амунициі.

7-го въ полдень былъ смотръ, и Государь остался очень доволенъ дивизіею. Всѣ генералы и полковные командиры были приглашены къ царскому столу. Великій князь Николай Николаевичъ рано утромъ явился мнѣ, какъ своему бригадному командиру. Всѣ три молодыхъ великихъ князя, Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичъ, выразили мнѣ свое удовольствіе, что встрѣтили стараго петербургскаго знакомаго, и высказали намъ свое удивленіе, что тяжелая кирасирская дивизія, послѣ затруднительныхъ форсированныхъ маршей, длившихся много времени, могла представиться въ такомъ блестящемъ видѣ, какъ будто только что выступила въ походъ. За обѣдомъ я имѣлъ счастье сидѣть противъ Государя, и Онъ нѣсколько разъ очень милостиво разговаривалъ со мною. Съ нашимъ приходомъ съ каждой стороны Буга стояли кирасирская дивизія, пѣхотная дивизія и легкій кавалерійскій полкъ. Пѣхотою на нашей сторонѣ командовалъ генералъ-лейтенантъ Николай Энгельгардтъ, шурина моего брата Карла. Легкимъ полкомъ (уланскимъ) командовалъ генералъ Сталь фонъ Гольштейнъ. Какъ извѣстно, 27-го августа южная часть Севастополя была взята непріятелемъ. Теперь послѣднему было необходимо уничтожить Николаевъ, какъ главное депо нашего флота на Черномъ морѣ. Ежедневно непріятельскіе паровые фрегаты старались подняться вверхъ по Бугскому лиману съ цѣлью бомбардировать городъ Николаевъ. Встрѣчаемые убійственнымъ огнемъ нашихъ тяжелыхъ батарей, они однакоже каждый разъ были принуждаемы ретироваться. Наконецъ окончили постройку огромнаго понтоннаго моста черезъ рѣку Бугъ и было установлено правильное сообщеніе между его берегами. Погода начала портиться, пошли дожди, а иногда падалъ снѣжокъ; лошади стояли въ глубокой грязи и начались заболѣванія людей и лошадей. Такъ какъ отдѣльныя нападенія фрегатомъ на лиманъ были отбиты, то десанта уже не ожидали, и кавалеріи было разрѣшено разбѣститься по окрестнымъ селамъ съ такимъ расчетомъ, чтобы въ 24 часа мы могли бы быть на мѣстѣ въ Николаевѣ. Наша 1-ая кирасирская дивизія заняла нѣмецкія

колоніи Зульцъ, Вормсъ, Шнейеръ, Ватерлоо и Ландау. Въ послѣдней изъ нихъ въ 180-ти дворахъ помѣстился весь 4-й полкъ, дивизіонный и бригадный штабы. Я жилъ у колониста Мосбрюкнера. По Высочайшему повелѣнію командиры нашего и драгунскаго корпусовъ обмѣнялись корпусами. До прибытія новаго корпуснаго командира Мазуркевичъ вступилъ въ командованіе корпусомъ, я же временно дивизіею.

26-го октября пришло приказаніе разойтись по зимнимъ квартирамъ. Первыми я отправилъ наши батареи. 28-го поднялась уже вся дивизія и направилась на сѣверъ. Проходя недалеко отъ Вознесенска, я заѣхалъ туда и навѣстилъ многихъ друзей. Мы шли далѣе черезъ Ольвиополь и Голованевскъ, гдѣ въ имѣніи Можеричка я посѣтилъ старую графиню Потоцкую, рожденную княжну Сангушко, мать графа Потоцкаго изъ Дашева.

9-го ноября я прибылъ въ Умань. 10-го сюда вступилъ 1-й полкъ. Я потѣхалъ на нѣсколько дней въ Грановъ къ своимъ, но скоро возвратился въ Умань, такъ какъ было много дѣлъ по дивизіи. Новый корпусный командиръ генералъ Шабельскій прибылъ въ Елизаветградъ и мнѣ удалось наконецъ 10-го декабря сдать дивизію Мазуркевичу и отбыть домой въ Грановъ. Конецъ года я провелъ въ семьѣ. Въ это время мы очень подружились и часто видѣлись съ семьей графа Беннигсенъ, командира гусарскаго полка. Въ качествѣ одного изъ директоровъ Уманьскаго дворянскаго клуба я нѣсколько разъ ѣздилъ по его дѣламъ въ Умань. Очень часто видѣлись съ Потоцкими.

1856-й г. Новый годъ встрѣтили у насъ на большомъ балу, на который собрался не только весь beau-monde Гранова, но и много окрестныхъ помѣщиковъ.

9-го января, проѣздомъ къ дядѣ въ Красноселку, заѣхала къ намъ сестра моей жены баронесса Мери Дризенъ и оставалась у насъ до 7-го мая.

18-го марта былъ наконецъ заключенъ столь злосчастный для насъ Парижскій миръ, и я могъ подумать о томъ, какъ устроить будущность моихъ сыновей. Нашъ прекрасный учитель Эмиль фонъ Гершельманъ обучилъ всѣхъ трехъ всему, что надо было знать въ ихъ года. Теперь наступила пора отдать ихъ въ школу. Въ нашихъ мѣстахъ объ этомъ нельзя было и думать. Поэтому я рѣшилъ взять на годъ отпускъ и пристроить дѣтей въ Петербургскія училища. Такъ какъ дѣло требовало много времени и я не хотѣлъ возвратиться сюда, не окончивъ дѣла, то и просилъ объ увольненіи меня отъ командованія бригадою. Здоровье мое также сильно пошатнулось во время похода, мнѣ необходимо было отдохнуть и посоветоваться съ хорошимъ докторомъ. Взявъ предварительно отпускъ на четыре мѣсяца, уложивъ часть вещей, раздаривъ и продавъ остальную, мы собрались въ путь.

16-го іюня Астраханскій кирасирскій полкъ устроилъ мнѣ прощальный обѣдъ. Исковской кирасирскій полкъ не могъ участвовать въ этомъ обѣдѣ, такъ какъ стоялъ очень далеко отъ насъ въ Совранѣ. Обѣдъ состоялся въ

домъ майора Золотарева. Послѣ обѣда мнѣ устроили очень трогательную овацію. Когда послѣ обѣда я вышелъ, чтобы сѣсть въ свой экипажъ, я увидѣлъ, что лошади были отпряжены и вмѣсто нихъ выпряглись офицеры 3-го полка. Предшествуемые хоромъ трубачей, они тронулись и съ громовымъ ура! довели меня до моей квартиры. Поблагодаривъ отъ всей души офицеровъ за оказанную мнѣ честь, я простился съ ними.

17-го іюня мы собирались уже сѣсть въ экипажи, какъ вдругъ насъ пригласили въ православный соборъ, гдѣ священникъ благословилъ насъ въ путь. Въ четыре часа мы тронулись. Въ Уманѣ провели нѣсколько дней, такъ какъ здѣсь мнѣ надо было привести въ порядокъ кое-какія бумаги. 20-го направились въ Красноселку къ генералу Дризенъ. По дорогѣ пришлось проѣзжать черезъ огромныя массы ползавшей по землѣ молодой саранчи. 22-го отбыли изъ Красноселки, опять давили массу саранчи и прослѣдовали въ Ново-Миргородъ, гдѣ остановились на нѣсколько дней и навѣстили много друзей и знакомыхъ. 25-го были въ Кіевѣ. Здѣсь мы остановились на квартирѣ инженернаго полковника Клименко, отца одного изъ офицеровъ Астраханскаго кирасирскаго полка, уже давно приглашавшаго насъ въ Кіевъ къ себѣ. Онъ самъ съ дочерью жилъ въ деревнѣ, но часто прѣзжалъ въ Кіевъ, чтобы удостовѣриться, не нуждаемся ли мы въ чемъ-нибудь. Я былъ въ Кіевѣ въ третій разъ и хорошо зналъ всѣ достопримѣчательности города. Поэтому я былъ хорошимъ чичероне и показалъ семьѣ все интересное.

3-го іюля выѣхали, проѣхали Козелецъ, Черниговъ, Холмъ, Чечерскъ, Могилевъ, Оршу, Витебскъ, Невель, Опочку, Псковъ, Изборскъ, Печору и Нейгаузенъ и вечеромъ 16-го іюля прибыли въ Верро. Здѣсь я встрѣтилъ стараго знакомаго, Германа Гершельмана, сына нашего пробста изъ Якоби. Въ Верро мы переночевали и на слѣдующій день продолжали путь. По дорогѣ заѣхали въ имѣніе Кустгофъ къ доктору фонъ-Сиверсъ и въ имѣніе графа Шереметева Газелау, бывшее много лѣтъ въ арендѣ у дяди моей жены, барона Александра Крюденера. Здѣсь мы встрѣтили и сестру жены Елену, жившую вдовою у своего свекра. У нихъ провели нѣсколько дней. Я ѣздилъ по сосѣдямъ и, между прочимъ, посѣтилъ въ Мексгофъ генеральшу фонъ-Эссенъ, рожденную Козенцъ. Въ это время серьезно заболѣлъ братъ моей жены Фридрихъ Дризенъ и сестры поѣхали къ нему въ Дерптъ.

21-го іюля онъ скончался: тѣло его было поставлено въ склепъ кладбищенской церкви и впослѣдствіи отвезено въ Митаву, для погребенія въ семейномъ склепѣ Дризеновъ. Осмотрѣвъ городъ Дерптъ, мы выѣхали 28-го іюля и 29-го прибыли наконецъ къ себѣ въ Меддерсъ. Отъ Гранова сюда мы сдѣлали 1724 версты. Въ Меддерсъ я не былъ ровно 6 лѣтъ, 3 мѣсяца и 15 дней. Дома насъ ожидалъ очень непріятный сюрпризъ. Имѣніе Меддерсъ служило въ послѣдніе годы центральнымъ провіантскимъ депо для военныхъ

надобностей расположенных по берегу Финскаго залива частей гвардіи. Нашу квартиру занималъ провіантскій полковникъ Телешовъ и пока не окончилась война жить здѣсь какъ у себя дома. Верхомъ безобразія было однако же то, что, прѣхавъ домой, мы нашли верхній этажъ дома, т. е. наши собственныя жилыя комнаты, занятымъ какимъ-то провіантскимъ чиновникомъ, ничего общаго съ военнымъ провіантскимъ дѣломъ не имѣвшимъ, а поселившимся въ немъ имѣни только подъ шумокъ, чтобы воспользоваться даровою дачею. Кстати Меддерсъ расположенъ очень живописно, среди холмовъ, лѣса и озеръ. На несчастье этого нахала мы нагрязнули неожиданно и выселили его на слѣдующій же день вмѣстѣ съ семьею. Я хотѣлъ подать объ этомъ поступкѣ рапортъ, но, снисходя къ просьбамъ всей семьи чиновника, не довелъ этого дѣла до свѣдѣнія его начальства. Провіантское вѣдомство, пользуясь отсутствіемъ хозяина, расположилось въ моемъ имѣніи самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, занявъ подъ свои склады всѣ экономическія постройки. Намъ самимъ приходилось молотъ нашъ хлѣбъ у крестьянъ. Всѣ жалобы моего повѣреннаго барона Штеффеля на несправедливыя распоряженія Телешова были тщетны. Сейчасъ же по возвращеніи я началъ хлопоты объ освобожденіи меня отъ этого страшнаго неудобства. Однако, изъ моихъ ходатайствъ пока ничего не вышло, такъ какъ некуда было сплавить незабранный частями провіантъ. Меня освободили отъ этого только въ мартѣ 1857 года. За всѣ убытки, понесенныя экономіею за нѣсколько лѣтъ, провіантское вѣдомство уплатило только 700 рублей. Очистивъ домъ послѣ непрошенныхъ гостей, приведшихъ его въ ужасно грязный видъ, мы, наконецъ, расположились въ немъ сами. Жили наверху; съ нами поселилась и сестра жены — баронесса Крюденеръ. Гершельманъ занялъ одну изъ нижнихъ комнатъ.

17-го декабря, послѣ долгаго промежутка времени, у насъ родился сынъ, названный Карломъ. Восприемникомъ его былъ великій князь Николай Николаевичъ.

1857 годъ. Крестины были 17-го февраля и великаго князя замѣнилъ нашъ сосѣдъ фонъ-денъ-Коно.

20-го февраля губернское правленіе сообщило намъ, что департаментъ герольдіи утвердилъ за нашею семьею баронскій титулъ. Насчетъ будущности сыновей мы сдѣлали слѣдующіе шаги. Я подалъ прошеніе черезъ генерала Ростовцова о зачисленіи ихъ въ Пажескій корпусъ, а жена написала письмо Государынѣ, прося о томъ же. 21-го мы получили извѣщеніе, что Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ зачислить моихъ трехъ старшихъ сыновей въ пажи къ Высочайшему Двору и въ кандидаты Пажескаго Его Величества корпуса.

27-го марта покинуть насъ нашъ учитель Эмиль Гершельманъ, пробывъ у насъ почти четыре года и отлично подготовивъ нашихъ мальчиковъ для поступленія въ школу. Въ это время въ Пажескомъ корпусѣ еще не было вакансій и поэтому директоръ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ генераль Суттофъ посоветовалъ мнѣ помѣстить моихъ сыновей у него на пажескія вакансіи. Я такъ и сдѣлалъ, и въ маѣ мѣсяцѣ повезъ своего старшаго сына въ Петербургъ на экзамень. Второго рѣшили было отдать въ Морской кадетскій корпусъ, но затѣмъ передумали и осенью повезли его на экзамень и помѣстили въ то же училище, гдѣ былъ и старшій.

2-го сентября оба были приняты въ 4-й классъ. Третьяго пока помѣстили въ очень хорошее училище въ городѣ Верро.

1858 годъ. 3-го января, по случаю помолвки моей племянницы Мери фонъ-Неффъ съ г. Морицомъ фонъ-Гринвальдъ, у насъ былъ большой балъ, на который съѣхались все сосѣди. Танцовали до 5 часовъ утра.

25-го февраля мой племянникъ баронъ Карлъ Штакельбергъ былъ назначенъ командиромъ л.-гв. Кирасирскаго Ея Величества полка.—Такъ какъ по закону находившіеся въ безсрочномъ отпуску военные чины имѣли право занимать гражданскія должности въ своихъ губерніяхъ, то 17-го марта я былъ избранъ старостою нашей приходской церкви Якоби. Занимавшій до меня это мѣсто, помѣщикъ фонъ-Шнакенбургъ-Ининсъ уѣзжалъ за границу, и мнѣ пришлось принять все дѣло съ массою документовъ и крупныя опекунскія деньги.—Въ этомъ году должна была состояться большая общая народная перепись.—Еще въ прошломъ году, въ бытность мою въ Петербургѣ, я выразилъ дежурному генералу желаніе быть произведеннымъ въ слѣдующій чинъ и уже послѣ этого быть уволеннымъ въ отставку. 4-го сентября я сидѣлъ съ братомъ Карломъ въ Ревелѣ въ дворянскомъ клубѣ, когда мнѣ принесли отъ нашего генераль-губернатора князя Суворова, моего стараго товарища и друга по Конной гвардіи, письмо, въ которомъ онъ меня извѣщалъ, что мое желаніе исполнено: я произведенъ въ генераль-лейтенанты и уволенъ въ отставку съ мундиромъ и пенсіею¹⁾. Мой братъ поступилъ также, какъ и я, и въ этотъ же вечеръ получилъ повѣщеніе, что и его отставка вышла 29-го августа. Прокомандовавъ немного болѣе года 4-ю легкою кавалерійскою дивизіею, и онъ рѣшилъ покинуть службу. Братъ былъ уже генераль-лейтенантомъ и командовалъ дивизіею, для меня же моментъ для ухода былъ самый удачный. Какъ разъ въ это время распоряженіемъ военнаго министра генерала Сухозанета была уничтожена должность бри-

¹⁾ Письмо приложено къ Запискамъ, стр. 148.

гадныхъ командировъ и масса генераловъ оставлена черезъ это за штатомъ. Эта мѣра вызвала массу неудовольствій, такъ какъ большое количество вполне пригодныхъ и желавшихъ продолжать службу генераловъ было произведено въ слѣдующій чинъ и уволено въ отставку. Впослѣдствіи выяснилась полная нецѣлесообразность подобнаго нововведенія. Начальникъ дивизіи не могъ справиться одинъ съ своею задачею и ему снова дали двухъ помощниковъ, которымъ затѣмъ опять вернули названіе бригадныхъ командировъ. При отставкѣ мнѣ была назначена полная пенсія генераль-лейтенанта въ 1.122 р. 10 к.

Хотя мемуары моего дяди, барона Василия Романовича Каульбарса, и доведены до 1881 года включительно, я заканчиваю мой переводъ уходомъ его въ отставку. Живя постоянно въ деревнѣ, онъ описываетъ потомъ лишь свою личную и семейную жизнь, не имѣющую широкаго общественнаго интереса.

Переводъ кончается 148-ю страницю въ «Nachrichten uber die Familie von Kaulbars», Т. III.

Послѣднія тридцать лѣтъ своей долгой и полной интереса жизни, дядя мой прожилъ въ своемъ имѣніи Меддерсъ, но нѣсколько разъ въ годъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и Ревель. Съ начала семидесятыхъ годовъ онъ сталъ ежегодно пріѣзжать на праздники. Конной гвардіи 25-го марта и на Георгіевскій праздникъ 26-го ноября. Только въ послѣдній годъ его жизни серьезная болѣзнь, воспаленіе легкихъ, задержала его дома.

Осенью 1888 года онъ подвергся въ Петербургѣ операціи удаленія катаракта въ глазу, при этомъ простудился и 19-го октября, на другой день по достиженіи имъ 90 лѣтняго возраста, скончался.

На выносъ тѣла покойнаго изъ Лютеранской церкви (на Загородномъ проспектѣ) на Балтійскій вокзалъ послѣднія почести отдали ему л.-гв. Конный полкъ, эскадронъ Николаевскаго кавалерійскаго училища и заводъ гвардейской конно-артиллерійской бригады.

Баронъ Василій Романовичъ Каульбарсъ погребенъ на родовомъ кладбищѣ семейства Каульбарсъ въ имѣніи Раггаферъ. Везенбергскаго уѣзда, Эстляндской губерніи.

Баронъ Е. К. Каульбарсъ.

